

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

СКАЗАНИЕ

о

СТРАНСТВІИ И ПУТЕШЕСТВІИ

по

РОССІИ, МОЛДАВІИ, ТУРЦІИ И СВ. ЗЕМЛѢ.

СКАЗАНИЕ
О
СТРАНСТВІИ И ПУТЕШЕСТВІИ
ПО
РОССІИ, МОЛДАВІИ, ТУРЦІИ
И
СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.

ПОСТРИЖЕННИКА

СВЯТЫЯ ГОРЫ АОНСКІЯ,

Инокъ Пароснія.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

— ooo —

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СЕМЕНА,
на Софійской улицѣ.
1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Января 7 дня, 1855 года.

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ.

*Ценсоръ, Виоанской Семинаріи Ректоръ,
Архимандритъ Наванаиль.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	<i>Стран.</i>
1. Желаніе отправиться во св. Гору Аѳонскую.	3
2. Благословеніе отъ духовника и отъ старца, схимонаха Іоанна. .	5
3. Наставленіе отъ старца Іоанна о вѣрѣ въ Бога.	6
4. Мѣсто келліи старца Іоанна.	9
5. Архимандритъ Рафаилъ не совѣтуетъ мнѣ иди во св. Гору. .	—
6. Объявленіе моего намѣренія своей братіи.	10
7. Наставленіе старца Іоанна о надеждѣ и любви къ Богу. . . .	12
8. Наставленіе о любви къ ближнему.	14
9. Наставленіе о соблюденіи отъ ересей, расколовъ и соблазновъ.	15
10. Архимандритъ благословляетъ меня въ путь, и послѣднее мое свиданіе съ старцемъ Іоанномъ.	18
11. Разсказъ старца Іоанна: а) о своемъ происхожденіи и странствіи.	19
12. б) о поступленіи въ Немецкій монастырь.	20
13. в) о старцѣ Паисіи и его монастырѣ Немецкомъ.	21
14. г) о путешествіи во св. Гору Аѳонскую и возвращеніи. . . .	24
15. д) о пребываніи въ безмолвіи.	25
16. е) о второмъ путешествіи во св. Гору.	—
17. ж) о свиданіи съ Константинопольскимъ Патріархомъ Григоріемъ во св. Горѣ.	26
18. з) о обратномъ пути изъ св. Горы Аѳонскія.	27
19. и) о гробницѣ Преподобнаго Григорія.	—
20. і) о вселеніи въ скиту Покровскомъ близъ старца Платона. .	28
21. к) о провожденіи жизни съ отцомъ Платономъ.	29
22. л) о святой жизни отца Платона и его кончинѣ.	—
23. м) о разстройствѣ въ монастырѣ Немецкомъ.	30
24. н) о свиданіи съ Митрополитомъ Веніаминомъ и переходѣ въ монастырь Ворону.	31

II

	<i>Стран.</i>
25. о) объ уинной молитвѣ и плодахъ безмолвіа.	32
26. Видъ и образъ жизни старца Іоанна пустынножителя.	35
27. Отбытіе изъ монастыря Вороны, прощаніе съ братією, и путь по Молдавіи.	36
28. Монастырь Мерлополяна въ Валахіи.	37
29. Градъ Бранловъ и переправа чрезъ Дунай.	—
30. Прибытіе въ Турцію, въ городъ Мачинъ; притѣсненіе христіанъ отъ турокъ.	—
31. Ромыи рассказали намъ путь въ Аеонскую Гору.	38
32. Русское село Некрасовцовъ, скитъ раскольническихъ монаховъ и препіе съ ними.	39
33. Какимъ образомъ были въ опасности жизни.	44
34. Страннолюбіе придунайскихъ христіанъ.	45
35. Страна задунайская.	46
36. Бѣдность православныхъ церквей въ Болгаріи.	—
37. Бѣдность христіанъ и тяжкое иго турецкое.	—
38. Градъ Силистрія; чума; трудный путь.	47
39. Гр. Туртукай; оказанное намъ страннолюбіе.	48
40. Гр. Рущукъ. Болгарскія села, и церкви.	50
41. Болгарскій народъ и иго турецкое.	51
42. Усердіе и страннолюбіе болгаръ.	—
43. Горы Балканскія и переходъ чрезъ нихъ.	53
44. Путь по Фракіи; селенія Шипкой и Калотерь.	54
45. Гр. Базаръ-Чукъ татарскій. Тамошніе христіане и церковь.	55
46. Балканъ—Доспадъ и село Батакъ.	57
47. Мало проходимый путь, и обозъ на пути.	59
48. Разбойники что съ нами сдѣлали. Страна Македонія.	60
49. Монастырь Іоанна Рыльского.	61
50. Монастырь Іоанна Предтечи и древа кипарисовыя.	62
51. О чудесной водѣ, проведенной Іоанномъ Предтечею.	65
52. Библіотека; множество кожаныхъ славянскихъ книгъ.	67
53. Сказаніе о градѣ Серезѣ и его жителяхъ.	68
54. Турки за бороды берутъ деньги; блужданіе наше по горамъ и лѣсамъ.	70
55. Какъ мы шли на гору, и плакали.	72
56. Первый разъ увидали Аеонскую Гору.	73
57. Радость наша и плачь.	74
58. Прибытіе на Перешеекъ и молитва наша.	75
59. Ночлегъ на метахъ, или на хуторѣ.	77
60. Вступленіе на св. Аеонскую Гору.	78
61. Путь по св. Горѣ; вершина горы Аеона; радость наша.	79

62.	Крестъ на дорогѣ; первая встрѣча съ монахами аеонскими.	81
63.	Красота св. Горы Аеонской; монастырь Хилендаръ.	82
64.	Стоящая на пути чудотворная икона Богородицы, и слова наши къ ней.	83
65.	Видъ монастыря Хилендаря извъ.	85
66.	Врата монастыря.	87
67.	Вступленіе въ монастырь; его зданія.	88
68.	Угощеніе на гостинницѣ.	—
69.	Шаперть и притворы храма.	90
70.	Настоящій храмъ; служеніе вечерни.	91
71.	Чудотворная икона Пресвятыя Богородицы «Троеручица» вмѣсто игумена.	93
72.	Гробъ св. Симеона Царя сербскаго.	94
73.	Красота храма; ковѣць вечерни.	93
74.	Лоза виноградная изъ гроба св. Симеона.	97
75.	Чинъ и уставъ утрени.	98
76.	Чинъ Литургіи.	100
77.	Приглашеніе на жительство.	101
78.	Иаки икона Пресвятыя Богородицы, что на пути; сказаніе о ней.	102
79.	Монастырь Есѣнгимень.	103
80.	Славная обитель Ватопедская.	106
81.	Путь отъ Ватопеда лѣсомъ.	107
82.	Скитъ Болгарскій Богородицы.	108
83.	Скитъ Іліи Пророка, русскій.	109
84.	Число братіи на Аеонѣ; повѣсть о изгнаціи великорос. изъ скита.	110
85.	Первое извѣстіе о старцѣ и духовникѣ Арсеніи.	111
86.	Богослуженіе въ скитѣ Ильпискомъ.	112
87.	Множество келлій на Горѣ Аеонской.	113
88.	Монахи аеонскіе, идущіе на Карею съ руководѣлемъ.	114
89.	Карей, аеонское торжище съ множествомъ монаховъ.	115
90.	Великороссіане жалуются на малороссіанъ за притѣсненія.	117
91.	Великороссіане похваляютъ духовника Арсенія, и рассказываютъ о его высокой жизни.	118
92.	О духовникѣ Григоріи Болгаринѣ.	120
93.	Продолженіе о старцѣ Арсеніи.	—
94.	Жительство на келліи св. Апостоля, на Капсальской горѣ.	121
95.	Неотложное намѣреніе ити къ духовнику Арсенію.	122
96.	Монастырь Иверскій; дорога къ келліи духовника.	123
97.	Приходъ къ духовнику Арсенію, и моя съ нимъ бесѣда.	124
98.	Изабираю себѣ за старца духовника Арсенія; наставленіе его мнѣ.	125
99.	Трапеза у духовника Арсенія.	128

160.	Описаніе духовниковой келліи.	129
101.	Благодареніе мое Господу Богу.	130
102.	Видъ старца Арсенія ; возвращеніе въ келлію.	131
103.	О схимонахѣ Андреѣ и кончинѣ его.	—
104.	Келлія Успенія Пресвятыя Богородицы, называемая Аксіопъ.	132
105.	О старцѣ Никодимѣ.	134
106.	О горѣ Капсаѣ.	135
107.	Радостная для великороссіанъ вѣсть.	136
108.	Греки просятъ русскихъ въ русскій монастырь.	137
109.	Духовн. Арсеній благословляетъ русскихъ войти въ руск. монаст.	139
110.	Русскіе входятъ въ русскій монастырь.	141
111.	Общая въ русскомъ монастырѣ радость.	142
112.	Радость сто-шестидесяти-лѣтняго старца Венедикта.	143
113.	Рѣчь старца Венедикта.	144
114.	Освященіе храма Святителя Митрофана.	145
115.	Проповѣдь Архимандрита Прокопія.	146
116.	Слово старца и игумена Герасима, въ трапезѣ.	151
117.	Слово его-же къ однимъ русскимъ.	154
118.	Рѣчь отца Павла къ своимъ русскимъ братіямъ.	155
119.	Служеніе Литургіи духовникомъ Арсеніемъ.	159
120.	Щедрость духовника; назначеніе мнѣ мѣста жительства.	—
121.	Жизнь моя на колыбѣ.	161
122.	Монастырь Симонетръ.	164
123.	Чинъ богослуженія въ русскомъ монастырѣ.	165
124.	Праздникъ Богоявленія въ Иверскомъ монастырѣ.	165
125.	Почему перешелъ на келлію къ отцу Іоанникію.	168
126.	О старцѣ Іоанникіи.	170
127.	Торжество въ Ватопедскомъ монастырѣ на Благовѣщеніе.	171
128.	Лживость клеветы раскольниковъ на грековъ.	174
129.	О прибытіи моего друга Аѳанасія въ Аѳонъ, и отбытіи оттуда.	175
130.	Постриженіе меня во иноки, и наставленіе старца Арсенія.	177
131.	Лавра св. Аѳанасія; восхожденіе на верхъ Аѳона.	178
132.	Праздникъ Илиі Пророка.	180
133.	Праздникъ Пантелеимона въ русскомъ монастырѣ.	—
134.	Кончина и погребеніе іеросхимонаха Павла въ русскомъ монастырѣ. Избраніе ему преемника.	181
135.	Духовникъ Арсеній нашего отца Іоанникія и пастъ съ нимъ посылаетъ въ русскій монастырь.	181
136.	Вступленіе въ русскій монастырь.	183
137.	Жизнь наша въ русскомъ монастырѣ.	189
138.	Откопанныя кости схимонаха Никодима.	—

139.	Рѣчь старца Іоаннѣкія.	190
140.	О обычаѣ во Аеоиѣ откапывать кости умершихъ.	191
141.	О общежительныхъ монахахъ.	193
142.	Совершенство общежительныхъ монаховъ.	195
143.	Уставъ общежительныхъ монастырей въ Аеоиѣ.	196
144.	Хожденіе за больными и погребеніе умершихъ.	200
145.	Описаніе русскаго монастыря.	—
146.	Скиты, принадлежавшіе къ монастырю русскому; владѣнія его.	206
147.	Исторія русскаго монастыря. Причина наименованія его.	209
148.	Исторія монастыря отъ 14-го вѣка до настоящаго.	211
149.	О молдавскомъ Князѣ Скарлатѣ-Каллимахѣ.	214
150.	О іеромонахѣ Аникитѣ Шихматовѣ.	218
151.	Переходъ князя въ русскій монастырь.	219
152.	Удаленіе князя изъ русскаго монастыря.	221
153.	Наказаніе грекамъ за изгнаніе русскихъ.	223
154.	Соболѣзованіе грековъ о изгнаніи русскихъ.	—
155.	Греки просятъ русскаго игумена къ себѣ въ монастырь.	223
156.	Празднованіе дня св. мученика Пантелеимона и прореченіе старца Венедикта.	—
157.	Изгнаніе великороссійскихъ монаховъ изъ Ильинскаго скита.	226
158.	Греки упростили русскихъ войти на жительство въ рус. монаст.	227
159.	Заложеніе новаго храма Святит. Митрофанѣ.	228
160.	О постриженіи моемъ въ великій ангельскій образъ.	229
161.	Радованіе мое о монахъ старцахъ руководителяхъ.	230
162.	Приближеніе скорбей моихъ.	—
163.	Духовникъ Іеронимъ объявилъ мнѣ о назначеніи ѣхать въ Россію за сборомъ.	232
164.	Горестъ моя и утѣшеніе отъ духовника.	—
165.	Плачь мой о горькой моей участи.	233
166.	Страстная седмица во Аеоиѣ.	234
167.	Насха Святая во Аеоиѣ.	235
168.	О свиданіи съ старцемъ Арсеніемъ.	236
169.	Разставаніе съ моиими отцами и со всею моею братією.	—
170.	Плачь и рыданіе мое о св. Горѣ Аеоиской.	237

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СТРАНСТВИЕ И ПУТЕШЕСТВИЕ

НО

ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦИИ

И

ПРЕБЫВАНИЕ ВО СВ. ГОРЪ АВОНСКОЙ.

СТРАНСТВІЕ ПО ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦІИ

и

ПРЕБЫВАНІЕ ВО СВЯТОЙ ГОРѢ АЕОНСКОЙ.

1. По многовременномъ и многолѣтномъ моемъ странствіи по Россіи и Молдавіи и Буковинѣ, по оставленіи раскола и всѣхъ толковъ его, и по присоединеніи ко Святой Соборной Апостольской Христовой Церкви Православной, живущу мнѣ въ православномъ общежительномъ монастырѣ Воронѣ, при церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, на пономарскомъ послушаніи, возымѣлъ я сердечное непремѣнное желаніе спутешествовать во святую пресловутую Аѳонскую Гору, какъ въ тихое и небурное пристанище, къ сей иноческаго пустыннаго и безмолвнаго житія наставницѣ, въ сей отъ суеты и отъ соблазновъ міра сего удаленный жребій Царицы небесной, находящійся подъ Ея покровительствомъ, посѣтить аѳонскія обители, лавры и киновіи, и безмолвные скиты и отшельническія пустынныя келліи и колибы, посмотреть на тамошнихъ земныхъ ангеловъ и небесныхъ челоуѣковъ, и ангельскому житію подражателей—святыхъ отцевъ

аеонскихъ, избрать изъ нихъ себѣ одного пастыря и учителя, и безмолвному иноческому житію наставника и къ вѣчному блаженству руководителя, и препроводить съ нимъ остальные дни жизни своей, и скончать животъ свой. Сіе желаніе имѣлъ я съ самыхъ юныхъ лѣтъ жизни моея, но былъ удерживаемъ по разнымъ благословнымъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, по смутному военному времени, которое продолжалось почти десять лѣтъ (отъ 1818 по 1828-й годъ); во-вторыхъ, по частымъ моровымъ язвамъ; въ-третьихъ, по главной причинѣ, именно возбранялъ природный мой расколъ. Но пришло время самое удобное: рати утихли, моры престаили, отъ раскола Господь Богъ Своимъ неизреченнымъ милосердіемъ меня освободилъ и очистилъ. Всюду стало спокойно и благополучно; потому азъ возымѣлъ неотлагаемое намѣреніе отправиться въ путешествіе. Прежде всего прибѣгнувъ съ теплою молитвою ко Всевышнему моему Творцу и Небесному Отцу, да управить мой путь благополучно, и аще—по Его святой волѣ мое желаніе во святую Гору, то да извѣститъ мнѣ Свою святую волю чрезъ духовнаго моего отца. Также просилъ и Царицу небесную, споручницу и назирательницу святыхъ Горы Аеонскія, Пресвятую Богородицу Владычицу, Пречистую Дѣву Марію, да будетъ мнѣ спутешественница и назирательница и помощница во всемъ пути моемъ, и да сподобить достигнуть благополучно до святыхъ Горы Аеонскія, и да приметъ мене грѣшнаго и непотребнаго раба во Свой святой жребій подъ Свое покровительство, и да причислитъ мене ко Своему богособранному великому полчищу, ко аеонскихъ отцовъ множеству, хотя бы послѣднимъ послушникомъ, и да сподобить мнѣ

тамо обрѣсти отца и наставника, во иноческомъ житіи искуснаго, и сама да будетъ мнѣ помощница на врага моего древняго діавола и на всѣ козни его, и сама да очиститъ отъ страстей моихъ душевныхъ и тѣлесныхъ.

2. И такъ помолившись, пошелъ къ отцу моему духовному, іеромонаху Антонію, и открылъ ему свое намѣреніе. Онъ же со всею любовію мене благословилъ, только съ тѣмъ, чтобы по прибытіи во святую Гору не жить по своей волѣ, а съискать себѣ наставника и отца духовнаго. Еще послалъ мене посовѣтоваться къ отцу Іоанну, схимнику и пустынножителю.

Сходилъ я и къ отцу Іоанну, и сказалъ ему намѣреніе и отъ юныхъ лѣтъ мое желаніе во святую Аѳонскую Гору. Онъ же сіе тяжело себѣ вмѣнилъ, заплакалъ, и началъ говорить мнѣ: «Хотя и есть тебѣ воля Божія идти во святую Гору, но азъ желалъ бы, чтобы ты пожилъ еще въ здѣшнемъ монастырѣ: ибо жалѣю съ тобою разлучиться. Болѣе мы на семъ свѣтѣ не увидимся, а я хотѣлъ бы, чтобы ты похоронилъ грѣшное мое тѣло: ибо уже не много осталось мнѣ и жить. Но впрочемъ волѣ Божіей противиться не могу, и удерживать тебя не буду; твори, еже хочещи; Господь благословитъ; помяни и меня во своихъ молитвахъ во святой Горѣ Аѳонской. А можетъ, Господь приведетъ тебя быть и во святомъ градѣ Іерусалимѣ; помяни мое окаянство на живоносномъ Христовомъ гробѣ, и на прочихъ святыхъ мѣстахъ». Азъ же ему отвѣтилъ: «Какъ я могу быть въ Іерусалимѣ? Дойдти туда—много требуется денегъ, а я теперь не имѣю; родные теперь не дадутъ, да и не хочу просить ихъ: а мнѣ бы весьма желательно побывать во святомъ градѣ

Иерусалимъ, и поклониться живоносному Христову гробу; но не имѣя возможности тамъ быть, прошу Господа моего Исуса Христа и Пречистую Его Матерь, и вашихъ святыхъ молитвъ, чтобы только достигнуть благополучно во святую Гору Аѳонскую, и тамъ скончать животъ свой». Онъ же мнѣ отвѣчалъ: « Не такъ будетъ, какъ ты помышляешь : отъ чело-вѣкъ невозможно, а отъ Бога вся возможна. Будешь во святой Горѣ, будешь и въ Иерусалимѣ, будешь и тамъ, гдѣ ты и не помышляешь. Еще много тебѣ предстоитъ постранствовать и пройти сквозь огонь скорбей и воду искушеній ; и аще все перенесешь безъ роптанія, и претерпишь съ благодареніемъ,—тогда развѣ достигнешь въ покой». Азь же палъ ему на носъ, и со слезами просилъ его помолиться обо мнѣ ко Господу, да егда найдутъ на мене скорби и искушенія,—подастъ мнѣ Господь терпѣніе перенести ихъ съ благодареніемъ. Еще со слезами началъ его просить, да дастъ мнѣ послѣднее наставленіе—какъ мнѣ переплыть многоволнистое и страшное море житія сего, какъ достигнуть въ то тихое и небурное пристанище, въ небесное наше отечество, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная, и какую мнѣ избрать жизнь во святой Горѣ Аѳонской? Онъ же началъ мнѣ говорить :

3. « Мое наставленіе такое : Егда достигнешь святой Горы, — избери себѣ искуснаго старца, отца и наставника, и препоручи ему свое тѣло и душу, и буди ему послушенъ даже до смерти, и гдѣ онъ благословитъ, тамо и живи. Аѳонскіе отцы—больше молдавскихъ ; я и самъ бы желалъ съ ними пожить и отъ нихъ пользоваться, и дважды путешествовалъ во

святую Гору : но воля Божія и смутныя времена не позволили мнѣ тамъ препровождать жизнь свою, и азъ паки возвратился въ Молдавію , въ свою обитель. А о будущемъ блаженствѣ, какъ его достигнуть, скажу тебѣ вкратцѣ : Гдѣ будешь жить, гдѣ будешь странствовать, вездѣ и на всякомъ мѣстѣ владычество Господне и благодать Его присутствуетъ, только еще по волѣ Его святой будемъ жить и волю Его творить : не мѣсто человѣка просвѣщаетъ, но человѣкъ мѣсто. Воля же Господня состоитъ въ главныххъ трехъ добродѣтеляхъ, т. е. въ вѣрѣ, любви и надеждѣ. Первое вѣра : вѣра есть глава всѣмъ добродѣтелямъ. Безъ вѣры всѣ добрыя дѣла мертвы. Праведникъ отъ вѣры живъ будетъ. Вѣрою вси Святіи побѣдиша міръ и содѣяша правду, и получиша обѣтованіе (Евр. гл. 11-я.)

Аще совершенную стяжеша вѣру къ Богу, то ничего тебѣ не будетъ невозможнаго, но вся покорена будутъ тебѣ, и ни какія скорби и напасти одолѣть тебя не могутъ. О сей вѣрѣ сказалъ Господь ученикамъ Своимъ : « аще имате вѣру , яко зерно горушно, аще речете и горѣ сей: двигнися и верзися въ море: будетъ». Матѣ. 21, 21. Сію вѣру стяжали Апостолы и прошли во всю вселенную, яко овцы посредѣ волковъ, и уловили вся языки въ Христову вѣру. Сію вѣру имѣли святые мученики, проліявшіе свою кровь. Сію вѣру имѣли Преподобные отцы, которые оставивъ міръ и яже въ немъ, удалились въ пустыни, и едины со единымъ Богомъ пребывали въ ней, овые 40 лѣтъ, овые 50 и 60 лѣтъ ; единою повѣровали Богу, и Господь пропиталъ ихъ, хотя и мало кого отъ человѣкъ видѣли. Такую вѣру аще стяжеша, то и ты не далече будеша царствія небеснаго.»

Азь же ему отвѣчалъ : « Отче святыи, какъ могу стяжать вѣру сію, которая превосходитъ естество человѣческое? Я—человѣкъ грѣшный, и повседневно обрѣтаюся въ немощахъ ». Онъ же сказалъ : « Да, правда; эта вѣра трудами снискивается, постомъ и молитвою укрѣпляется, совершеннымъ послушаніемъ и отрѣченіемъ собственной воли стяжывается и возрастаетъ. Но паки глаголю : аще не стяжеша такой вѣры, то не можешь стяжать и надежды на Бога и любви къ Богу и ближнему ; аще ли сихъ не стяжеша , и не очистишь внутренняго человѣка, не побѣдишь страстей : то всуе наше будетъ удаленіе отъ міра—только однимъ тѣломъ, а не умомъ и сердцемъ. А тогда какъ бы не постигла насъ страшная угроза : *ни теплѣ еси, ни студенъ, изблевати тя имамъ*. Апок. 3, 16.? Теперь иди съ Богомъ, и помни слова мои. А когда соберешься совсѣмъ, то прииди ко мнѣ проститься ; и азъ грѣшный еще что-нибудь скажу тебѣ на пользу, и провожу тебя ». Азь же падохъ ему на нозъ, и благодарилъ его за наставленіе, яко никогда тако со мною не глаголашъ много, и не пользовалъ, какъ въ этотъ разъ. Онъ же паки рече : « Это потому, что пришло время намъ разлучиться, и на семь свѣтъ намъ не видаться. Ты полетишь чрезъ великія горы и чрезъ пучины морскія, въ далекія страны, и будешь летать многія лѣта ; азъ же останусь въ этой моей малой келліи, гдѣ и скончаю животъ мой. А егда ты приидешь ко мнѣ послѣ, то еще больше тебѣ скажу ». Получивши отъ него благословеніе, я вышелъ ; а онъ меня проводилъ. И пошелъ я въ монастырь, радуясь, что сподобился получить благословеніе ити во святую Гору Аѳонскую.

4. Пустыня, въ которой обиталъ старецъ Іоаннъ, отстоитъ отъ монастыря Вороны на часъ ходу, или пять верстъ, въ непроходимомъ мѣстѣ, въ темномъ лѣсу, между великихъ горъ, при источникѣ водъ. Въ этой пустынѣ проходилъ поприще иноческихъ подвиговъ болѣе сорока лѣтъ старецъ схимонахъ Онуфрій, пустынножитель, гдѣ скончалъ и животъ свой; тамъ и гробъ его источаетъ благовоніе; скончался уже болѣе сорока лѣтъ. Былъ другъ и собесѣдникъ великому старцу Паисію Величковскому и его старцу Василю, основателю монастыря Мерлополяны, въ Валашскомъ княжествѣ.

5. По пришествіи въ монастырь, пошелъ я къ духовнику, и повѣдалъ ему, что слышалъ отъ старца Іоанна. Онъ же весьма обрадовался, и послалъ мене къ отцу Архимандриту Рафаилу просить позволенія и билета на путь.

Пришедши къ Архимандриту, я открылъ ему свое намѣреніе и желаніе во святую Аѳонскую Гору, и началъ просить благословенія и билета. Но онъ началъ мене отговаривать и предлагать разныя неудобства, говоря: « Во святую Гору безъ денегъ идти невозможно; ежели—чрезъ моря, то много потребуется денегъ; потому что надобно три моря перейти: первое—Черное, второе—Мраморное и третье—Архипелагъ. Уже мало надобно по сту рублей на человѣка, только на дорогу; а безъ денегъ и тамъ нигдѣ не пріймутъ, не только жить, но и ночевать, потому что тамъ все дорого, а наипаче хлѣбъ; да еще платятъ туркамъ великія дани, и съ каждаго человѣка платятъ харачъ. А ежели идти посуху, то есть великія непроходимыя

горы, и въ нихъ множество разбойниковъ—арнаутовъ; зотъ путь почти непроходимый; а которые и проходятъ, то собираются великими караванами, съ орудіями огнестрѣльными, да и то много пропадаетъ. А хотя и дойдешь, то и тамъ безъ денегъ не пріймутъ, а хотя и пріймутъ, то будешь работать земляную работу день и ночь; а ты къ работѣ, черной не привыченъ. Въ Аѳонскую Гору надобно идти или золотому или желѣзному. У меня много есть такихъ, которые бывали тамъ, и паки обратно пришли; спроси ихъ самъ, они тебѣ скажутъ—какова тамъ жизнь. Не лучше ли жить на одномъ мѣстѣ? Ежели желаешь, то постригу въ мантию, и посвящу во іеромонахи. А билета не дамъ и благословенія—идти на такія бѣдствія.» Азъ же паки рекохъ ему: «благодарю, ваше высокопреподобіе, за ваше доброе привѣтствіе, но постригаться азъ здѣсь не имѣю желанія, кромѣ святыя Аѳонскія Горы; а это—ваша правда, что труденъ путь, и много требуется денегъ; это мнѣ давно и прочіе сказывали; но азъ пойду не съ деньгами, а съ Господомъ Богомъ, и ни на что ино уповаю, а только на единого Господа Бога моего; а когда прииду туда, то самъ своими очами посмотрю: ежели не будетъ возможности тамъ жить, то паки къ вамъ возвращусь подъ ваше покровительство, якоже къ Ною голубица.» Онъ же сказалъ: «иди, и подумай добръ; да отложи намѣреніе до весны, а теперъ я тебя не отпущу.» Азъ же изъидохъ отъ него со скорбію, яко не получихъ желаемого.

6. Потомъ я созвалъ всю свою братію, которые обратились изъ раскола: отца Макарія, прежде бывшаго Гедеона; и отца Алипія, теперъ Але-

ксандръ (*), и прочихъ, и объявилъ имъ свое желаніе и намѣреніе идти во святую Гору Аѳонскую, которое имѣлъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ. И говорилъ, что за тѣмъ мы больше съ отцомъ Іоанномъ воротились изъ Россіи, дабы ѣхать во святую Гору, но онъ по своимъ обстоятельствамъ уѣхалъ паки въ Россію, азъ же неотлагаемое имѣю намѣреніе; отецъ духовникъ и отецъ Іоаннъ пустынникъ мене благословляютъ, а только Архимандритъ удерживаетъ. И изъ васъ кто хочетъ со мной путешествовать, да идетъ, а не хотите, то оставайтесь съ Богомъ здѣсь. Они же начали мене отговаривать подобно Архимандриту, представляя разныя невозможности, а колыми паче неимѣніе денегъ. Азъ имъ сказалъ: «Вы денегъ жалѣете, дабы ихъ не расточить; но азъ милостію Божіею ихъ не имѣю, и расточать нечего, и жалѣть не о чемъ, а возвергу на Господа печаль мою, и Той мя препитаеть. Сколько тысячъ монаховъ живетъ во святой Горѣ, и всѣхъ Царица небесная питаетъ: мене ли единаго не можетъ пропитать?» Послѣ сего единъ изъ братіи, именемъ Никита, иконописецъ, котораго я приобрѣлъ изъ раскола, и который пришелъ со мной въ монастырь, палъ мнѣ въ ноги, и сказалъ: «я бы желалъ съ тобою идти во святую Гору, да не съ чѣмъ». Азъ же ему сказалъ: «пойдемъ, возлюбленный братъ, имѣю у себя 100 левовъ (20 руб. асс.); что есть,—все вмѣстѣ, а чего не достанетъ, то Господь Богъ дополнить; и пойдемъ сухимъ путемъ: разбойниковъ

(*) Которые въ послѣдствіи времени выѣхали въ Россію, и теперь при Троицкой Лаврѣ въ скитѣ Геесиманія.

намъ бояться нечего, а хлѣбомъ Богъ насъ пропитаетъ». И начали собираться въ путь.

7. Потомъ азъ паки пошелъ къ отцу Іоанну пустынику, и пересказалъ ему, что много мене стращаютъ, и отецъ Архимандритъ удерживаетъ. Онъ же мнѣ сказалъ: «Они всѣ разсуждаютъ по человѣческому разуму, а не по Божію благоизволенію. Аѳонская святая Гора управляется самою Божію Матерію: туда много ходятъ и съ деньгами, но паки возвращаются; а другіе— и безъ денегъ, но тамъ живутъ; кого какъ благословить Матерь Божія. И Архимандритъ васъ отпустить: я ему поговорю, а вы идите сухимъ путемъ; васъ хлѣбомъ Болгары пропитаютъ.

А то, что обѣщался тебѣ сказать, скажу теперь, а ты послушай со вниманіемъ, и запиши все на своемъ сердцѣ. Прежде тебѣ сказалъ только о вѣрѣ въ Бога: теперь послушай и о надеждѣ на Бога. Гдѣ ты будешь жить,—не полагай надежды ни на кого смертнаго, ни на царя, ни на князя и сына человѣческаго, въ нихже нѣсть спасенія, ниже на патриарха, ни на архіерея, ни на купцовъ, ниже на какого-либо человѣка: ибо всякъ человѣкъ ложъ; ниже полагай надежду на богатство, ни на славу міра сего, ниже на чинъ свой: богатство бо яко роса утренняя. Якоже бо роса изсыхаетъ, тако и богатство исчезаетъ; и всяка слава человѣка, яко цвѣтъ травный: вечеромъ цвѣтетъ, а утромъ подкошенъ бываетъ и увядаетъ; тако и слава человѣческая: днесъ хвалятъ, а заутро поносятъ и укоряютъ. Ты же, возлюбленное чадо, всю свою надежду полагай на Господа Бога. Теперь надобно тебѣ показать свою вѣру и надежду не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, безъ роптанія. Теперь

тебѣ наступаетъ время скорбей и искушеній, по морямъ и посуху; ты же не унывай, но единожды повѣровавъ Господу Богу, полагай всю надежду свою на Бога, и воспѣвай съ Пророкомъ Давидомъ: *буди, Господи, милость Твоя на насъ; якоже уповахомъ на Тя.* Пс. 32, 22. И паки: *блаженнѣ вси надѣющіися на-Нь. Надѣющіися на Господа, яко гора Сіонъ: не подвижнется въ вѣкъ живый во Иерусалимѣ.* Пс. 2, 12. 124, 1. Теперь скажу и о любви къ Богу и ближнему. — Возлюбиши Господа Бога твоего отъ всея души твоя, и отъ всего сердца твоего, и отъ всего помышленія твоего. Такъ намъ должно любить Господа Бога, что ради любви Его ничего не должно намъ щадить, ниже самихъ себя. Такъ его возлюбили святые Апостолы, и прошли всю вселенную скорбяще, озлоблени, укоряеми и поношаеми, во узахъ и въ темницахъ, а послѣ и самую смерть претерпѣли за любовь Христову. Такъ Его возлюбили святые Мученики, и все пренебрегши: родителей, женъ и дѣтей, саны и чести, дабы не разлучиться со Христомъ, проліяли кровь свою, яко воду. Такъ возлюбили Его Преподобные отцы наши, и любве ради Его оставили міръ и славу міра, и всю прелесть его, родителей и всѣхъ сродниковъ своихъ; любви ради Христовой удалились въ монастыри и въ пустыни, и отдали себя въ послушаніе съ совершеннымъ отсѣченіемъ своей воли и своихъ прихотей, да безъ всякаго препятствія поработаютъ Господу своему. Ты же, возлюбленный брате, уже начатокъ сдѣлалъ, теперь потщися Господа своего возлюбить отъ всея души своя, т. е. соединиться съ нимъ сердцемъ, умною и безпрестанною молитвою: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя*

грѣшную. И старайся очищать внутренняго чловѣка отъ всѣхъ помышленій противныхъ Богу; тогда познаешь, *коль сладка* будутъ *юртани* твоему *словеса* Господня (Пс. 118, 103), и *коль весело и радостно* быть съ Богомъ. Пророкъ сказалъ: «*помянухъ Бога, и возвеселихся*» (Пс. 76, 4); кто съ Нимъ не престанно бесѣдуетъ и помпнаетъ имя Его святое, тотъ какъ не возвеселится и не возрадуется о имени Господни? Аще съ земнымъ паремъ пріятно и радостно имѣть бесѣду, и получать отъ него награду; кольми паче съ небеснымъ Творцемъ, на Негоже не смѣютъ чини ангельстіи взирати, како не сладостно намъ грѣшнымъ и непотребнымъ рабамъ имѣть бесѣду? О *коль сладостно!* Но оставимъ про это говорить; не возможно на словахъ объяснить того; а егда самъ вкусишь на дѣлѣ, тогда познаешь и скажешь: *Господи, добро есть намъ здѣ быти*; возьми мене отъ суетнаго міра сего и отъ его прелестей; не хошу болѣе въ немъ пребывати; боюся, дабы паки не разлучилъ мене съ Тобою, сладчайшимъ моимъ Господомъ, Творцемъ моимъ и Спасителемъ. Теперь иди ты во святую Аѳонскую Гору, и достигай получить этой сладости; тамо найдешь такихъ отцовъ и наставниковъ, которые ею преизобилуютъ, и тебѣ могутъ удѣлить; только ты во всемъ ихъ послушай.

8. Еще скажу тебѣ — какъ намъ должно любить и ближняго своего и всякаго чловѣка. Апостолъ сказалъ: *аще кто речетъ, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть*. 1 Иоан. 4, 20. Любовь къ Богу доказывается любовію къ ближнему. Не такъ намъ должно любить ближняго, якоже самихъ себя, но несравненно болѣе. Тогда познавается совершен-

ная любовь, егда положимъ душу свою за брата своего. Іоан. 15, 13. Вотъ совершенная любовь! Этой любви не можетъ стяжать никто, привязанный мыслию и сердцемъ къ прелестямъ міра сего. Отчего бываютъ въ мірѣ убійства, грабительства, злоба, зависть, ненависть, клевета, тяжбы? Либо ради имѣнія и богатства, либо ради чести и славы міра сего, или ради какихъ-нибудь плотскихъ и тѣлесныхъ страстей; потому сказано: *любовь міра сего вражда Богу есть.* Іак. 4, 4. *Ни кій же рабъ можетъ двѣма господинома работати.* Лук. 16, 13. Поэтому, кто хочетъ отъ всего сердца возлюбить Господа Бога и ближняго своего, тотъ долженъ, по Евангелію, оставить міръ и вся, яже въ мірѣ, ийти во слѣдъ за Христомъ путемъ иноческаго житія. Да и тогда еще не вступимъ въ совершенное послушаніе, и не отсѣчемъ собственной своей воли, и не будемъ хранить своего сердца отъ помысловъ скверныхъ, и не будемъ стараться о очищеніи внутренняго чловѣка, то и въ пристанищѣ можемъ погибнуть. Наше спасеніе состоитъ въ отверженіи самихъ себя и въ храненіи своего сердца, и въ непрестанной умной Иисусовой молитвѣ. Еще же отвержемся самихъ себя, и будемъ хранить свое сердце отъ прилоговъ вражійхъ, и держать свой умъ въ непрестанной молитвѣ, и вѣкусимъ той духовной сладости; тогда соберутся и пребудутъ въ насъ всѣ три добродѣтели: вѣра, надежда и любовь; тогда и вселится въ насъ Святая Троица, Отецъ и Сынъ и Святыи Духъ Единный Богъ, Емуже слава во вѣки вѣковъ.

9. Еще, возлюбленное чадо и брате, поговорю тебѣ яко юному сыну и недавно отрожденному въ святой Соборной Православной Христовой Церкви. Хотя и

самъ ты добръ знаешь Божественное и отеческое писаніе; но послушай мене, убогаго старца, и запиши слова мои на своемъ сердцѣ. Егда прійдетъ время,— повѣдай и прочишъ, и не скрой даннаго тебѣ таланта въ землю, но отдай его торжникомъ; пусть куплю дѣють. Блюдися чадо, да никто тя прельститъ; понеже нынѣ время зло есть: всюду ереси, всюду расколы, всюду раздоры церковные, всюду развратъ и роскошество умножилися. А наипаче много ты всего увидишь и услышишь во своемъ странствіи: ибо много ты пройдеши странъ и градовъ и народовъ, и со многими имѣть будешь бесѣды: блюдиися, да не подашь соблазну и поводу къ злу, или къ разврату. А наипаче блюдиися ересей и расколовъ, блюдиися роскоши, блюдиися ученія латинскаго зломудреннаго Папы Римскаго, того чермнаго змія, егоже хоботь отторже третію часть звѣздъ отъ церковнаго неба (Апок. 8, 3. 4.); блюдиися его душепагубной уніи; блюдиися сообщника древнимъ еретикамъ и послѣдователя иконоборцамъ, говорю — Мартина Лютера, иже возверже хулу и поруганіе на Святую Христову Церковь, на святыя иконы, на святыхъ угодниковъ Божіихъ, и на инокескій чинъ. Еще блюдиися злѣйшаго отродка сатаны діавола, сына геенны и явственнаго предтечи послѣдняго антихриста, иже пришелъ предъуготовить ему мѣсто, говорю—того проклятаго Волтера, иже излева свой злый ядъ и хулу на Всевышняго своего Творца и Бога и на Святую Христову Церковь и отъ Бога учиненную царскую власть, и основалъ себѣ гнѣздо въ томъ адскомъ днѣ—Парижѣ, откуда вся злая происходятъ на весь міръ, и откуда, какъ изъ бездны, исходятъ злыя звѣріе, и подаютъ Христово

стадо. Оттуда исходятъ всѣ бѣсовскія моды. Оттуда происходятъ ехидновы порожденія, злыя отродки проклятаго Волтера, — масоны и вольнодумы, иже уловляютъ незлюбивыя души, и отвлекаютъ отъ Бога, разстроиваютъ царства, возмущаютъ народное спокойствіе, и вооружаютъ противъ Бога. Охъ! увы! увы! не могу не плакать: сколько золъ отъ нихъ происходитъ! О Господи, соблюди и сохрани отъ нихъ Святую Свою Церковь! Спаси и помилуй Россійскаго Благочестивѣйшаго Царя во вѣкъ вѣка! Еще блюдися, чадо, и волковъ, крыющихся по лѣсамъ и по деревнямъ, и скрывающихся по градамъ, глаголю—разныхъ бѣсовскихъ сектъ раскольническихъ; и тѣ не меньше западныхъ терзаютъ Христову Церковь, и отрыгаютъ скверныя своя уста и ядъ хуленія на Святую Церковь и на ея Пастырей. Не имѣй дружбы съ развратными, которые не соблюдаютъ святыхъ постовъ. Не имѣй близкой дружбы съ женами: ибо онѣ весьма вредны нашему иноческому званію. Блюдися новопроникшей страсти къ табаку, весьма неприличной нашему иноческому чину и всему вообще духовному званію: ибо мы *свѣтъ міру. Аще свѣтъ будетъ тма, то тма коьми. Да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ челоьпки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего Небеснаго.* Матѣ. 6, 23. 5, 14. 16. Да не соблазнимъ ни *единаго отъ малыхъ сихъ; гѣре тому, иже соблазнъ приходитъ.* Матѣ. 18, 7. Крѣпко держисѣ Святыя Соборныя Апостольскія Христовы Церкви Православныя. Она самимъ Христомъ Богомъ во Иерусалимѣ основана, святыми Апостолами во всю вселенную пронесена и проповѣдана, святыми семью Вселенскими Соборами утверждена, мучениче-

ч. II. 2

скою кровію запечатлѣна, и святыми Отцами засвидѣтельствована. Слушай и почитай ея Пастырей: Святейшихъ Патріарховъ, Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ. Святая Церковь утверждена стоитъ на седми столбахъ — на седми Тайнахъ; ее утвердилъ самъ Христосъ сими словами: *на семъ камени созижду Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей. И общался съ ней быть до скончанія вѣка, тако сказавъ: се азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка: аминь.*

Теперь иди съ Богомъ», сказалъ мнѣ. Азъ же падохъ ему на нозѣ, и благодарилъ его за наставленіе. И еще сказалъ ему: «отче святой, хотѣлъ бы васъ еще нѣчто спросить». Онъ же сказалъ мнѣ: «послѣ; паки прійди ко мнѣ, и тогда спросишь, что нужно.»

10. Пришедши въ монастырь, я цѣлый почти мѣсяцъ ходилъ къ Архимандриту, и просилъся, да отпуститъ насъ; онъ же удерживалъ, а потомъ сказалъ: «Хотѣлъ васъ удержать, но не можно. Богъ васъ благословить! Идите съ Богомъ, и за меня тамъ помолитесь; я изготовлю вамъ на дорогу паспорта». Мы же, получивъ благословеніе, изыдохомъ радуящеся. И азъ паки идохъ ко отцу Іоанну въ пустыню, и сказалъ ему, что Архимандритъ съ любовію отпускаетъ. Онъ же весьма бысть радостенъ, и отъ радости много пролилъ слезъ, и азъ, глядя на него, много плакалъ. Потомъ взялъ мене въ свои объятія, и омочилъ мене слезами, и началъ говорить: «Теперь уже послѣдняя наша будетъ съ тобой бесѣда, и въ послѣдній разъ ты у меня въ гостяхъ; уже мы больше не увидимся другъ съ другомъ въ этомъ суетномъ мірѣ; паки говорю тебѣ: полетишь ты въ далекія

страны, и облетаешь много странъ и народовъ, и много претерпишь напастей; но не изнемогай: подобаетъ бо намъ многими скорбьми и папастьми внять въ царствіе небесное; въ терпѣніи своемъ стяжи душу свою, и за враговъ своихъ молися, чтобы не поставилъ Господь имъ грѣха. А что хотѣлъ спросить, то спроси». Азъ же падохъ ему на нозѣ, и началъ ему говорить: «Отче святой, повѣдай мнѣ жизнь свою: откуда вы родомъ? И гдѣ проживали прежде? И давно ли находитесь въ сей пустыни? И какую проходили и проходите жизнь? Да и азъ грѣшный прииму пользу себѣ, и прославлю Отца Небеснаго». Онъ же воздохнувъ, заплакавъ, и началъ говорить слѣдующее: «Великое просилъ еси; что тебѣ повѣдаю, развѣ грѣхи моя? И въ чемъ похваляюся, развѣ въ немощахъ моихъ и въ повседневныхъ искушеніяхъ? И не повѣдалъ бы тебѣ, но боюсь, да не уподоблюся рабу, скрывшему талантъ Господина своего. Еще за то повѣдаю, что много ты послужилъ моей старости, и много тебя люблю. Повѣдаю не ради тщеславія и славы человѣческой, но славы ради Божія. Еще и потому, что близко моя кончина; да еще и ты идешь въ далекія страны; но егда будешь слышать, что азъ живъ, то никому не повѣдай; егда же помру, тогда какъ знаешь. Послушай теперь.

11. Азъ родомъ великороссіянинъ, изъ самой внутренней Россіи; отъ какого рода, того тебѣ знать не нужно. Отъ юности моя возлюбилъ я Господа моего Иисуса Христа; разсмотрѣвъ суету и непостоянство міра сего, краткость настоящей жизни и безконечность будущей, и размысливъ, что кто на семь свѣтъ послужить и поработаетъ Господу Богу, тотъ

спасетъ душу свою, наслѣдуетъ вѣчное блаженство, а кто согрѣшитъ и прогнѣваетъ Господа Бога, тотъ долженъ принять вѣчное мученіе,—азъ предразсудилъ поработать Господеву своему безъ всякихъ предятствій отъ суеты міра сего, и оставивъ все, послѣдовалъ Христу съ самыхъ молодыхъ лѣтъ моихъ. Прежде странствовалъ по россійскимъ монастырямъ, и во многихъ монастыряхъ слышалъ о великомъ старцѣ Паисіи и его великихъ подвигахъ, о великомъ его богособранномъ стадѣ и о прочихъ молдавскихъ отцахъ, и о старцѣ Онуфріи, который въ сей пустыни препроводилъ жизнь свою и скончалъ животъ свой. И азъ предпринялъ путешествіе, и достигъ Молдавіи и великой обители Нямецкой.

12. Здѣсь азъ увидалъ великаго старца Архимандрита, отца Паисія, и святолѣпныя его сѣдины, и Богомъ собранное его великое полчище. Его учениковъ уже было около тысячи. И азъ припалъ къ стопамъ его, и началъ его просить, да приметъ мене въ свою святую обитель, и причислитъ къ своему стаду. Онъ же съ любовію принялъ меня, и причисливъ въ братство, далъ мнѣ келлію, назначилъ послушаніе, и препоручилъ мене духовнику. Онъ всѣхъ приходившихъ и желавшихъ съ нимъ жить принималъ, хотя старшіе нѣкіе изъ братіи и скорбѣли, ибо терпѣли недостатки тѣлесныхъ потребъ; но онъ всегда говаривалъ братіи: «Азъ грядущаго ко мнѣ не изжену вонъ; прибылъ братъ, прибыла и молитва. Пошлетъ Богъ и на него пищу». И азъ грѣшный началъ жить въ томъ богособранномъ его стадѣ, и наслаждаться его богомудренными наставленіями, и утѣшаться, смотря на его благолѣпныя сѣдины.

13. Старець Пансій всѣхъ училъ, всѣхъ утѣшалъ, всѣмъ наказывалъ съ отеческою любовію—не разрушать общежитія, имѣть совершенное послушаніе и смиреніе, отсѣкать свою волю, и внушалъ, чтобы всякій повиновался единъ другому, и почиталъ единъ другаго земнымъ поклономъ, чтобы всякій имѣлъ ступаніе кротко, руцѣ согбеннѣ къ персямъ, главу наклонну, очи потуплены въ землю, сердце горѣ къ Богу, а умъ въ безпрестанной Іисусовой молитвѣ; и чтобы во всѣхъ была любовь лицемѣрная. А наипаче старался во всякомъ посѣять и углубить божественное сѣмя, сердечное дѣланіе, умную и безпрестанную молитву Іисусову. И была тогда Немецкая обитель яко рай, Богомъ насажденный: всѣ во единомысліи и любви работали Господу своему; было совершенное общежитіе и любовь во всѣхъ, и была во всѣхъ яко единая душа; всякъ проходилъ свое послушаніе со смиреніемъ, безъ роптанія, вси взирающе на пастыря своего и предводителя, утѣшающися его лицезрѣніемъ и бесѣдою, и его святолѣпными сѣдинами. Онъ всѣмъ былъ образъ и примѣръ своею жизнію. Но азъ грѣшный не сподобился отъ него постричься въ полное монашество, а принялъ отъ него только рясофоръ, и пожилъ съ нимъ только два года. Но сколько онъ былъ смиренъ и кротокъ, столько былъ и строгъ: за малое какое-либо безчиніе строго наказывалъ. Въ едино время шелъ по монастырю одинъ послушникъ, и неблагочинно руками размахивалъ, и очами сѣмо и овамо озирался. Старець смотрѣлъ во окно, и постороннихъ спросилъ: «какого духовника этотъ послушникъ?» Они ему сказали. Онъ же призвалъ духовника, и сдѣлалъ ему строгій выговоръ, и

сказалъ: «Тако ли ты наставляешь учениковъ своихъ? Они безчинствуютъ и соблазняютъ братію. Монахъ долженъ быть во всемъ монахъ: ступаніе кротко, руцѣ къ нерсемъ, очи въ землю, главу наклонну, каждому ветрѣчающемуся дѣлать поклоненіе, іеромонаху или монаху—до земли, равному себѣ—въ поясъ. Ты скажешь, что онъ еще не монахъ; но кто живетъ въ монастырѣ, еще постриженъ, еще ли не постриженъ,— всѣ должны наблюдать монашество, и братъ со старшихъ примѣръ. За это обоемъ вамъ съ ученикомъ даю канонъ—три дни въ трапезѣ творить поклоны, да и прочіе накажутъ не дѣлать безчинства.» Еще онъ строго наблюдалъ, чтобы крестились правильно: еще кто неистово, или съ небреженіемъ изображалъ крестное знаменіе на лицѣ своемъ, того весьма строго наказывалъ, и всегда говаривалъ: «еще кто неистово изображаетъ крестное знаменіе, тому маханію бѣси радуются.» Также наблюдалъ великое благочиніе и въ церкви: всегда самъ обходилъ всю братію, чтобы всѣ стояли чинно, со страхомъ и трепетомъ, и наблюдали всѣ поклоны, а наипаче на клиросахъ и за чтецами, чтобы ни единого поклона не опустили: на *Святый Боже, на прїидите поклонимся* и на *аллилуїа*. И весь чинъ и уставъ и напѣвы содержалъ св. Горы Аѳонскія. Табаку же строго запрещалъ употреблять; а кто не исправлялся, того изъ монастыря выгонялъ. Ересей же и расколовъ столько опасался, что всѣхъ обращающихся, какъ отъ раскола, такъ и отъ западныхъ латинскихъ ересей, крестилъ, что и до-нынѣ содержитъ молдавская Церковь. Явную онъ показалъ ревность по благочестію тѣмъ, что когда онъ жилъ съ братією въ монастырѣ Драгомврнѣ, и послѣ воен-

ныхъ временъ, отшелъ его монастырь вмѣстѣ съ Буковиною подъ австрійское владѣніе, то онъ оставилъ монастырь свой со всѣми богатствами, движимыми и недвижимыми, и перешелъ въ Молдавію, и сказалъ своей братіи: «Отцы и братія, кто хочетъ послушать и послѣдовать своему старцу, грѣшному Пансію, тотъ да грядетъ со мною, а оставаться въ Драгомирнѣ благословіенія никому не даю: ибо въ еретическомъ дворѣ жить—ересей убѣжать не возможно. Папа Римскій яко левъ рыщетъ и по другимъ царствамъ, и ищетъ кого поглотити; не даетъ покою и въ турецкомъ царствѣ, и всегда смущаетъ и оскорбляетъ Св. Восточную Церковь, а колыми паче въ австрійскомъ владѣніи онъ живыхъ поглотитъ.» И тако со всѣмъ своимъ стадомъ ушелъ въ Молдавію. Молдавскій Господарь, видя его ревность по благочестію, далъ ему вмѣсто одного два монастыря: 1-й — Сѣкулъ во имя Іоанна Предтечи, а потомъ и Немець во имя Вознесенія Господня. Старецъ Пансій всегда поучалъ братію блюстися ересей и расколовъ, во всемъ повиноваться Святѣйшимъ Восточнымъ Вселенскимъ Патріархамъ, и почитать ревнителей по благочестію: Святѣйшаго Фотія Патріарха Константинопольскаго и блаженнаго Марка Митрополита Еческаго, подвизавшихся противъ Папы Римскаго. Но азъ не много наслаждался его медоточнаго ученія, только два года. Потомъ всѣ вдругъ приуныли и заскорбѣли, услышавши, что старецъ боленъ; все сдѣлалось мрачно и печально. Вскорѣ всѣмъ дана была повѣстка, чтобы всѣ были къ Литургіи. И всѣ слетѣлись, яко орлы, такъ что не могла вмѣстить церковь. Вотъ идетъ и старецъ, поддерживаемый двумя духовниками. Всѣ

братія возрадовались, увидавши его святолюбныя сѣдины, и всѣ поклонились ему до земли; онъ же прошелъ прямо въ алтарь, и во время причастія приступилъ къ Божественнѣй трапезѣ, и причастился Св. Таинъ Тѣла и Крови Христовой. По Литургіи всталъ на свою каедрю, и всѣмъ повелѣлъ подходить подѣ благословеніе: со всѣми простился, и пошелъ въ келлію свою, и уже никого болѣе къ себѣ не принималъ. Черезъ мало дней услышали плачевную вѣсть, что скончался старецъ. Послышался плачь и рыданіе, яко лишился своего старца, отца и наставника. Послѣ трехъ дней похоронили его въ соборной церкви Вознесенія Господня, и остались сиротами. Потомъ по совѣту всей братіи избрали другаго начальника, единого отъ ученикъ его, духовника Софронія, который постригъ мене въ мантию. Года черезъ два начали измѣнять отца Паисія общежительныя уставы и правила, и отъ того сдѣлалось въ монастырѣ смущеніе, чрезъ что нашихъ русскихъ семдесятъ человекъ ушли въ Россію; въ числѣ ихъ былъ знаменитый старецъ отецъ Феодоръ, про котораго я слышалъ, что скончался въ монастырѣ Александра Свирскаго, много претерпѣвъ скорбей.

14. Азъ же грѣшный пошелъ во св. Аѳонскую Гору, чая тамъ возрастить то Божественное сѣмя, которое посѣялъ во мнѣ старецъ Паисій. И дойдя по морю благополучно, вселился тамо въ пустынной келліи, на мѣстѣ называемомъ Лакъ, и прожилъ тамъ почти два года; пропитывался отъ руководѣлія, работалъ ложечки. Потомъ наступили смутныя времена, настали войны, пришли разбойники на св. Гору, и начали творить много пакости. Азъ окаянный не могъ терпѣть,

и паки по морю возвратился въ Молдавію, въ свою обитель.

15. Но вкусивъ пустыннаго, сладкаго паче меда, безмолвія, испросилъ себѣ келлію внѣ монастыря. Отецъ Архимандритъ съ духовникомъ хотѣли мене хиротонисать во іеродіакона. Азъ же боялся принять сей санъ, дабы не отъ учиться мнѣ отъ умной и безмолвной молитвы; просилъ оставить мене на безмолвіи, но они усиливались мене принудить. Азъ же, видя ихъ намѣреніе, отсѣкъ себѣ персть десныя руки, и отъ того часа оставили мене, и прозвали « безпалымъ. » И азъ началъ жити въ безмолвной келліи, и проходить нѣкоторыя монастырскія послушанія, и часто посѣщаль одного пустынножителя схимонаха Платона, ученика старца Павсія, и наслаждался съ нимъ духовными бесѣдами. И прожилъ въ той келліи пять лѣтъ. Наскучила мнѣ молва, бываемая на послушанія, и началъ во мнѣ угасать свѣтильникъ Божественнаго свѣта. Тогда началъ азъ просить Архимандрита, да отпустить и уволить мене въ глубочайшую пустыню,— въ Покровскій скитъ къ отцу Платону. Онъ же отказалъ, говоря: « ежели мнѣ вась такихъ молодыхъ отпускать въ пустыню, то не кому ходитъ и на послушаніе. »

16. Азъ же изъидохъ плачась, и началъ помышляти: какое я собралъ богатство во св. Горѣ Аѳонской,— здѣсь все расточилъ! Поѣду паки во св. Горы, и тамъ скончаю животъ мой; и пошелъ къ отцу Платону, и открылъ ему свой помысль. Онъ же сказалъ мнѣ: « Иди во св. Гору, и еще поживи тамъ, да паки приходи сюда; и здѣсь уже тебя успокоютъ. И тогда будемъ жити вмѣстѣ, и похоронишь грѣшное мое

тѣю; а хотя бы ты и остался тамъ жить до смерти, но по неволѣ выйдешь.» Азъ же поклонился ему, и пошелъ къ Архимандриту, и началъ его просить, да отпустить мене паки во св. Гору Аѳонскую, и сказалъ ему, что теперь время утихло: ибо азъ и тогда вышелъ за смущеніе. Онъ же съ любовію отпустилъ меня.

И азъ отправился въ путь паки по морю, чрезъ Константинополь; паки достигъ во св. Гору Аѳонскую; паки вселился въ пустынную келлію; паки началъ ложечки работать, и безмолвіе проходить, и много радовался и веселился, яко паки сподобился достигнуть тихаго и небурнаго пристанища, св. Горы Аѳонскія.

17. Во единъ отъ дней прохода со своимъ руководѣіемъ мимо Иверскаго монастыря, сподобился азъ видѣть святѣйшаго Патріарха Григорія Константинопольскаго, который проживалъ тогда въ Иверскомъ монастырѣ на покоѣ, послѣ замученъ былъ турками, и погребенъ въ Россіи, въ градѣ Одессѣ. Егда азъ увидалъ его сѣдѣща у вратъ монастырскихъ съ двумя діаконами, сѣдинами украшеннаго,—вострепетала душа моя, и возрадовалось сердце мое, и позналъ я, яко Патріархъ есть. И скоро скинулъ съ себя торбу, и бросился къ его ногамъ. Діаконы мнѣ сказали, что это Патріархъ. Онъ благословилъ мене; азъ поцѣловалъ руку его; а онъ мене въ голову поцѣловалъ, и сказалъ мнѣ: «что, отче, хочешь?» Азъ же рекохъ ему: хочу, да Ваше Святѣйшество возьметъ отъ моего худаго руководѣлія. Онъ приказалъ принести, и азъ выбралъ десятокъ ложечекъ, и подалъ ему. Онъ же выбралъ только три, а прочія назадъ отдалъ. Азъ просилъ, дабы всѣ взялъ; онъ же сказалъ: «довольно во

ния Святыя Троицы; чтѣ еще желаешь?» Азъ же рехохъ: « желаю, чтѣбы Ваше Святѣйшество прочитали мнѣ разрѣшительную молитву. » Онъ же повялъ мя во свою келлію, и надѣлъ на себя омофоръ, и прочиталъ молитву, и сказалъ: « и ты, отче, моли Господа Бога за мя грѣшнаго. » Азъ же падохъ ему на нозѣ, и благодарихъ его. Онъ же благословилъ, и отпустилъ мя.

18. Азъ прожилъ три года во св. Горѣ. Потомъ паки настало смущеніе; паки умножились разбойники; паки всюду страхъ и тренеть. Монастыри всѣ заперлись, на келліяхъ всюду скорбь и горе. Терпѣлъ азъ полгода, — помышлялъ, что скоро пройдетъ; однако, часть отъ часу было хуже, и азъ болѣе не стерпѣлъ, заплакалъ, и простился со св. Горой Аѳонской. Оттуда отправился въ Царь-Градъ по морю. И въ Царь-Градъ былъ у другаго Патріарха, который находился на престолѣ, и отъ него сподобился получить благословеніе, и онъ прочиталъ надо мной молитву. Изъ Царь-Града азъ отправился на корабль, и много на Черномъ морѣ пріяхомъ страху, вмалѣ не потонули: цѣлый мѣсяцъ носило насъ по морю, и каждый почти часть ожидали смерти, и пищи уже не имѣли. Потомъ занесло насъ въ Анатолію, и пристали къ одной горѣ, и благодарили Бога.

19. Здѣсь сказали мнѣ греки-корабельщики: «Отче, теперь, слава Богу, пристали къ Преподобному Григорію! Пойдемъ и поклонимся св. мощамъ его.» Азъ спросилъ: какого Григорія? Они сказали: « ученика св. Василия Новаго, которому были великія откровенія; онъ по смерти св. Василия удалился въ сію пустыню, и здѣсь скончалъ животъ свой, и здѣсь погребено тѣло его.» Азъ весьма возрадовался, и просилъ ихъ,

да ведутъ мене къ нему. Они же взяли ладану и масла, и мене съ собою посадили, и приѣхали ко берегу, и пошли на гору, а потомъ въ пещеру великую. И шли пещерой далеко, и пришли якобы къ церкви: посреди сдѣлана гробница, и висить одна лампада. Греки сказали мнѣ: здѣсь спасался святой Григорій, подъ сей гробницею погребено тѣло его. Потомъ налили въ лампаду масла и зажгли, и накали ладаномъ, помолились и приложились ко гробу, и просили угодника Божія, чтобы управился путь нашъ благополучно; потомъ поѣхали на корабль, и Богъ далъ добрый вѣтеръ, и пристали къ одному селу; купивъ здѣсь себѣ пищи, паки отплыли, и въ скоромъ времени прибыли въ Молдавію.

20. И азъ паки возвратился въ свою обитель, паки приняли мене съ любовію, и уволили въ безмолвнѣйскій скитъ Покровскій, и вселился близу отца Платона, и сталъ его имѣть другомъ и совѣтникомъ; началъ во всемъ ему подражать, и отъ него пользоваться. Въ то время онъ уже переплылъ страстное море, и достигъ тишайшаго пристанища, сладчайшаго безмолвія. Монастырь Нямець не одинъ, но еще подъ собою имѣетъ другой монастырь, называемый Сѣкуль, и много скитовъ, и во всѣ опредѣляются братія отъ монастыря Нямеца, и пища всѣмъ посылается отъ монастыря Нямеца, а одежду добываютъ сами, и всѣ занимаются разными рукодѣліями, и отдаютъ въ монастырь, и за то получаютъ потребное. Отецъ Платонъ во всю свою жизнь писалъ книги; азъ же работалъ ложечки. Вскорѣ я постригся въ великую схиму, и оставили меня въ совершенномъ спокойствіи и тишинѣ, и совершенно меня обезпечили всѣми тѣлесными по-

требамн. И я благодарилъ Господа моего, яко сподобился такое спокойствіе получить.

21. И прожили въ такомъ житіи съ отцомъ Платономъ болѣе двадцати лѣтъ. Каждые пять дней сидѣли въ келліи за рукодѣліемъ, въ молчаніи и въ храненіи умной молитвы. Каждую субботу ходили въ соборную Церковь, и причащались святыхъ Тѣла и Крови Христовой. Такжеже каждую недѣлю и великіе праздники ходили на всенощное бдѣніе. Пищу употребляли единожды въ день простую и не мастящую; среду же и пятокъ постились. Каждый годъ на всю святую Четырдесятницу затворялись мы въ келліяхъ: заготовимъ себѣ сухарей и воды, запремъ окна и двери, и сидимъ едины со единымъ Богомъ до субботы Лазаревой. Только каждую субботу приходилъ духовникъ со святыми Тайнами и причащаль насъ.

22. Послѣ двадцати лѣтъ отецъ Архимандритъ съ братією упросили насъ, чтобы перешли поближе къ монастырю, ради пользы прочихъ братій. Хотя намъ и показалось тяжело разлучиться съ возлюбленною и тихою нашею пустынею, но была воля Божія. И паки дали намъ безмолвныя келліи внѣ монастыря. И начали жить по первому пустынному уставу. Миѣ, слава Богу, было спокойно: а къ отцу Платону пошли всѣ братія, и не были двери у его келліи затворены; но отверсты всякому входящему. И дана была премудрость, еже пользоваться всякаго. И потекла изъ устъ его, яко рѣка изобильная. И азъ его часто посѣщаль, и не могъ никогда до сытости насладиться его бесѣдою. Егда же настала святая Четырдесятница,—паки мы затворились; егда же пришла суббота Лазарева; тогда пошли въ соборъ на Литургію. Отецъ Платонъ

шелъ впереди одинъ, а мы съ братіей позади. Въ сіе время сдѣлался отъ главы отца Платона до небесъ бѣлый столбъ. Мы вси это видѣли, и пали на землю. Егда же востали, — уже отецъ Платонъ взошелъ во врата монастырскія. Мы за нимъ пришли въ церковь, и поклонились ему до земли. Онъ же сказалъ: «Что вы, братія, мнѣ кланяетесь? Это чудо Богъ показалъ не ради мене, но ради васъ. Видите, какъ Господь Богъ прославляетъ работающихъ Ему! Работайте Господу отъ всея души своея, и васъ Господь прославить, если не въ семъ вѣцѣ, то въ будущемъ нескончаемомъ». Отецъ Платонъ также всѣхъ училъ побѣждать страсти, проходить совершенное послушаніе и отсвѣкать совершенно свою волю, быть смиреніемъ ниже всѣхъ, любовь имѣть ко всѣмъ нелицемѣрную; а наипаче—очищать внутренняго чело-вѣка, и держать безпрестанную умную молитву: и тако прожили десять лѣтъ. Потомъ покинулъ насъ отецъ Платонъ: преставился, и отъиде на вѣчную жизнь къ желаемому и сладчайшему своему Господу Иисусу, Котораго отъ юности возлюбилъ, и съ Которымъ умомъ всегда бесѣдовалъ; уже тамо пошелъ зрѣти Его лицомъ къ лицу, а намъ сотворилъ велий плачъ, яко оставилъ насъ сырыхъ на семъ свѣтѣ, однихъ братися со страстями и со врагомъ діаволомъ. Потомъ похоронили его со слезами и съ рыданіемъ, и остался азъ единъ.

23. Послѣ отца Платона всѣ братія обратились ко мнѣ, всякій со своими скорбями и со своими немощами: кто не доволенъ пищею, кто отягощенъ послушаніемъ, кто другимъ чѣмъ. А отъ чего это произошло? Отъ того, что изсякла любовь, и разорили общежитіе. Азъ началъ говорить начальникамъ, чтобы всѣхъ по-

когда, чтобы всѣхъ равно любили. Они же на словахъ во всемъ слушали, но не на дѣлѣ. Братія же плачутъ, всегда мене беспокоють, даже до конца разорили и безмолвіе мое. И началъ азъ помышлять, что сотворю: еще мнѣ жить здѣсь, то братію надобно до конца любить, и душу свою за нихъ положить; надобно пострадать, а исправить уже невозможно; еще удалиться: какъ бы Бога не прогнѣвать тѣмъ, что себѣ одному буду искать покоя, а братію оставлю скорбѣть безо всякаго утѣшенія, а больше той любви нѣтъ какъ положить душу свою за брата своего; а происходятъ скорби отъ того, что разорили общежитіе, а установить уже трудно; разорили скоро, возстановить много трудности.

24. Трижды пріѣзжалъ Митрополитъ Веніаминъ съ тѣмъ, чтобы устроить общежитіе, и мене къ себѣ призывалъ: но не могъ ничего сдѣлать. Старшая братія ни какъ не захотѣли. Азъ же просилъ Митрополита, чтобы уволилъ мене изъ монастыря Нямеца въ монастырь Ворону, въ пустынную сію келлію великаго старца и пустынника Онуфрія, да и азъ тамо въ тишинѣ и въ безмолвіи препровожду остальные дни жизни моей, и тамо скончаю животъ мой. Нынѣ уже, Владыко, каждый спасая да спасетъ свою душу. Онъ заплакалъ и сказалъ мнѣ: «Хотѣлось, отче Іоанне, чтобы ты здѣсь пожилъ, и поддержалъ братію, утѣшалъ скорбящихъ, пользовалъ немощныхъ; но впрочемъ удерживать тебя боюсь, да не оскорблю тебя. Господь тебя благословитъ; иди, и молись и за мя грѣшнаго Веніамина. И азъ весьма желаю оставить свою кафедру, и на покоѣ, въ тишинѣ и въ покаяніи, препроводить остальные дни жизни моей, и скончать животъ мой.

Я болѣе сорока лѣтъ Митрополитомъ, управляю молдавскою кафедрою, и много всякихъ искушеній со мною случилось: дѣла наши великія. Многажды не случилось князя, и я самъ управлялъ всею Молдавіею. Кто поживеть, и не согрѣшитъ противъ Бога и противъ ближняго? И давно имѣю желаніе оставить все, и плакаться грѣховъ моихъ; но обстоятельства не позволяютъ мнѣ. Сколько лѣтъ строю соборъ, а окончить не могу! А хотѣлось мнѣ самому его освятить; но уже, видно, не сподоблюсь: ибо силы мои уже изнемогаютъ.» Азъ же ему сказалъ: «Владыко святой, уже собору намъ съ тобой не святить, а надобно болѣе позаботиться о внутреннемъ нашемъ соборѣ, чтобы его добрѣ устроить; а спокойствіе получишь только на малое время.» И тако простились съ нимъ (*). «Азъ же, глаголетъ отецъ Іоаннъ, проводивши Митрополита, самъ отправился въ монастырь Ворону, и принялъ мене Архимандритъ Рафанъ съ любовію, и отпустилъ въ сію пустыню, и покоилъ мене пищею. Спаси его, Господи! И живу уже здѣсь четвертый годъ, подобно какъ въ раю, во всякомъ спокойствіи и тишинѣ, единъ со единымъ Богомъ. И каждую субботу хожу въ монастырь, и причащаюсь святыхъ Таинъ, и паки стремлюсь въ сію пустыню.»

25. Азъ же падохъ ему на нозѣ, и со слезами на-

(*) Сей Митрополитъ Вевіаминъ много сдѣлалъ благотворенія во святую Гору Аѳонскую, въ общежительный монастырь Есфигменъ, и въ немъ сталъ Ктиторомъ. Послѣ удалился на покой въ Карпатскія горы, въ монастырь Слативъ, и тамо преставился съ миромъ въ 1847 году, уже послѣ отца Іоанна. А соборъ и до-днесь стоитъ не освященъ.

чалъ ему говорить: «отче святыи! прости мя грѣшнаго; и повѣдай, и ничтоже утай отъ мене о таинствахъ твоего безмолвія: и какіе оно принесло тебѣ плоды, и какими Господь наградилъ тебя дарами?» Онъ же весь наполнился слезъ, и сказалъ: «Что мя вопрошаеши, чадо, яже выше мене? Остави нынѣ о томъ вопрошати, но иди, съ Богомъ, во святую Аѳонскую Гору, и старайся очищать внутренняго челоуѣка молитвою; и егда узвѣтся сердце твое любовію Христовою, тогда самъ познаешь—коль есть добро быти съ Богомъ». Азъ же плакахся, да повѣдаетъ мнѣ хотя мало нѣчто.

Онъ же со слезами сказалъ мнѣ: «Послушай мене грѣшнаго; исповѣмъ тайну; но покуда живъ азъ,—сохрани ѳе. Открою тебѣ часть моего богатства, да не скроеши его, но егда будетъ время, то и инымъ подаси. Послушай: по приходѣ моемъ въ Нѣмецкой монастырь, услышавши отъ старца Паисія про умную молитву, начахъ испытovati старца Паисія: како ее начати, и како дѣйствовать? И начахъ дѣломъ испытovati. И она столь мнѣ сладка показалася, что паче всего міра возлюбилъ ее: и оттого бѣгалъ братіи, любилъ молчаніе, часто удалялся въ пустыню, бѣгалъ всѣхъ соблазновъ, а наипаче—празднословія. Того ради путешествовалъ дважды во святую Гору, изнурялъ себя послушаніемъ, трудами, постомъ, поклонами и всенощнымъ стояніемъ,—да стяжу умную безпрестанную молитву. Ея ради часто затворялся въ келліи, и всѣ силы мои истощевахъ ея ради; изнурялъ себя даже до изнеможенія. И когда препроводилъ такъ многія лѣта,—по-малу начала во мнѣ углубляться. Потомъ, егда жили мы въ скиту Покровскомъ, тогда

посѣтилъ мя Господь за молитвы отпа Платона. Осѣнила сердце мое неизреченная радость, и стала дѣйствовать молитва; и столь усладила меня, что и спать мнѣ не даетъ: усну въ сутки единъ часъ, и то — сидя; и паки встаю, якобы никогда не спалъ; и хотя азъ сплю: а сердце мое бдитъ. И начали отъ молитвы и плоды прозябать. Воистину, чадо, *царствіе небесное вnutръ насъ есть*. Родилась во мнѣ любовь ко всѣмъ неизреченная и слезы: аще хочу, — плачу безирестанно. И столь сладостно мнѣ сдѣлалось Божественное Писаніе, а наипаче Евангеліе и Псалтирь, что не могу насладиться, и каждое слово приводитъ въ удивленіе, и заставляетъ много плакать. О Боже! *безвѣстная и тайная премудрости Твоя явилъ ми еси*. Часто встаю — съ-вечера читать Псалтирь или молитву Иисусову, и бываю въ восхищеніи, внѣ себя, не знаю — гдѣ: аще въ тѣлѣ, аще внѣ тѣла, — не знаю; Богъ знаетъ; только, егда прихожду въ себя, — уже разсвѣтаетъ. Но и дадеся мнѣ *пакостникъ плоти, да мнѣ пакости дѣлетъ, да не превозношуся*. Никакъ не могу быть съ народомъ, а наипаче съ мірянами; а съ женами не могу и говорить: уже болѣе сорока лѣтъ, какъ въ Молдавіи не бывала жена въ моей келліи; хотя и многія желали со мною побесѣдовать; но азъ отказывался тѣмъ, что немоществую. Еще много претерпѣлъ искушеній и оскорбленій отъ врага діавола; и до-нынѣ еще не отступаетъ. Еще тебѣ скажу: теперъ уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ азъ удалился изъ Россіи, но не могу ея забыть; весьма ее люблю, а наипаче благочестивыхъ Россійскихъ Царей; и всегда въ молитвахъ за нихъ проливаю слезы, да сохранитъ Господь Богъ державу царствія ихъ во вѣкъ вѣка. Хотя и влазятъ въ Россію

отъ запада лютые волки терзати Христово стадо, но Господь спасеть и сохранитъ ее отъ нихъ. Еще скажу тебѣ, что любилъ и до-днесь люблю читать книги, а наипаче Евангеліе, Псалтирь и Исаака Сирина, и Добротолюбіе, и прочихъ книгъ имѣю довольно, но всѣ лежатъ въ монастырѣ; денегъ же себѣ не стяжевалъ, ниже отъ кого взималъ, кромѣ книгъ. Теперь прости мене, что ты такъ много принудилъ мене глаголати. Поѣдемъ въ монастырь, и азъ тамъ ночую, и васъ провожду завтра.» И пошли въ монастырь.

26. Сей старецъ Іоаннъ скончался послѣ насъ чрезъ четыре года. Росту онъ былъ средняго, власы на главѣ посѣдѣлые, бѣлые, брада не большая, бѣлая; и такъ былъ сухъ, что крови и мяса не примѣтно, кромѣ кожи и костей; лицемъ свѣтелъ и веселъ, и всегда очи его были наполнены слезъ, и никогда ничего не могъ говорить безъ слезъ. Слово его было тихое, мягкое и кроткое, пронзительное, такъ что могъ всякаго заставить съ малыхъ словъ плакать; на ходьбѣ былъ легокъ; пищи употреблялъ мало; лакомства отнюдь никакого не имѣлъ; всѣхъ училъ и наставлялъ наипаче терпѣнію, послушанію, посту, смиренію и любви; нѣкоторыхъ—и созерцательному богомыслию, но не всѣхъ; а наипаче всѣмъ внушалъ, чтобы истово ограждали лице свое крестнымъ знаменіемъ. Табакъ же употреблять всѣмъ воспрещалъ: а кому дважды, или трижды внушалъ, и тотъ не покидалъ, того уже больше къ себѣ не принималъ. Еще много плакалъ и соболѣзновалъ о тѣхъ, которые не соблюдаютъ святыхъ постовъ, среды и пятка, и говорилъ: «тѣ люди, которые самопроизвольно не сохраняютъ святыхъ постовъ, живы тѣлесами, а ду-

шами померли; ибо навлекають на себя клятву соборовъ и всѣхъ святыхъ отецъ.» И запрещаю—съ ними и дружбу имѣть. Сподобился я грѣшный послужить такому старцу почти годъ. Каждую недѣлю носилъ ему пищу и вся потребная. Хотя и самъ онъ каждую субботу приходилъ въ монастырь, но никогда самъ ничего не бралъ: потому что онъ такъ быстро уходилъ, что какъ скоро причастится, то и бѣжитъ, куда братія еще въ церкви; въ трапезу же никогда не ходилъ, и не дожидался ея. Часто случалось мнѣ просиживать съ нимъ по дню, и наслаждаться его бесѣдою; и о многихъ спрашивалъ у него недоумительныхъ вещахъ, и получалъ отъ него разрѣшеніе, о чемъ скажу въ другомъ мѣстѣ; а теперь довольно есть.

27. Пришедши съ отцомъ Іоанномъ въ монастырь, ночевали, а поутру пошли мы съ товарищемъ братомъ Никитою къ Архимандриту, и получили отъ него паспорта и благословеніе. Онъ напоследокъ сказалъ намъ: «ежели тамъ не найдете спокойной жизни, то пакы приходите ко мнѣ: азъ съ любовію приму». Мы же благодарили его за привѣтствіе. Потомъ пошли въ Церковь, помолились Господеви и Божіей Матери, и взяли сумочки свои, и отправились въ путь, Сентября 28 дня, 1839 года. Отцы пошли насъ провожать: отецъ Іоаннъ пустынный и духовникъ Антоній, и отецъ Макарій, который теперь въ скиту Геосиманія, и прочихъ болѣе двадцати отцевъ, и проводили насъ болѣе пяти верстъ, и всѣ мы горько плакали, простились, и разстались. Братія возвратились въ монастырь Ворону, а мы пошли во святую Аѳонскую Гору, радуясь и веселясь. И пошли внизъ по рѣкѣ Серету. Переправившись на правую страну Серета,

шли два дня, и пришли въ градъ Романъ, и тамъ переплыли рѣку Молдаву, впадающую въ Сереть. И пройдя еще одинъ день, прибыли въ градъ Бакевъ, и тамъ переправихомся чрезъ рѣку Быстрицу, впадающую въ Сереть. Оттуда на третій день пришли въ градъ Фокшаны, и тамъ подписали намъ паспорта, и мы перешли границу, и вступили во Влахійское княжество. Градъ Фокшаны—вполовину молдавскаго владѣнія, а вполовину влахійскаго.

28. Отъ Фокшанъ два дни ходу, во Влахійскомъ княжествѣ, въ Карпатскихъ горахъ, есть великій русскій общежительный монастырь Мерлопаяны, гдѣ жилъ великій старецъ Василій, старецъ старца Паисія Величковскаго. Сказывали намъ, что монастырь—великій и богатый, и братіи въ немъ довольно, а женамъ входу нѣтъ; и живутъ больше малороссіане. Но мы въ него не заходили: боялись дабы не захватила зима; и пошли прямо къ рѣкѣ Дунаю.

29. Отъ Фокшанъ шли три дни, и пришли въ градъ Браиловъ, стоящій на берегу Дуная, и тамъ замедлили два дни. Въ Браиловѣ живетъ много русскаго народа, купцовъ и жителей: портовой градъ Влахійскаго княжества, великъ и прекрасенъ. И намъ тамъ во многихъ мѣстахъ подписывали паспорта. Потомъ отворили намъ врата, и выпустили насъ въ карантинъ на турецкую страну, и мы съ турками въ легкой лодкѣ переправились чрезъ великую рѣку Дунай въ турецкую державу.

30. Переплывъ Дунай, пришли въ градъ Мачинъ. Отъ Браилова до Мачина три часа (15 верстъ). И тамъ турки подписали намъ паспорта прямо во святую Аѳонскую гору, сухимъ путемъ: по морю мы не имѣли

съ чѣмъ плыть. Здѣсь мы увидали и ужаснулись: какое здѣшніе христіане носятъ тяжкое иго турецкое, какое терпятъ притѣсненіе Христова Церковь! Придите, вси христілюбцы, восплачтитеся и возрыдайте, и пролейте источники слезъ: како невѣста Христова изгнана изъ града, стоитъ едина въ пустынь, поругана и оборвана, еще на-половину и обнажена: церковь стоитъ внѣ града, на подобіе анбара, сдѣлана изъ досокъ, вымазана глиной, покрыта камышемъ, и одна страна раскрыта; нѣтъ ни креста, ни колоколовъ; и о семъ мы горько плакали. Во градъ же христіане весьма добрые и страннопріимные; весьма были рады, что мы пршши къ нимъ дѣлать ихъ скорби и иго турецкое. Начали мы ихъ спрашивать: « почему въ такомъ бѣдномъ состояніи находится у нихъ святая церковь, и стоитъ внѣ града? » Они со слезами намъ отвѣчали: « И то, слава Богу, что есть; и ту караулимъ: того и глядимъ, что турки сожгутъ; въ прочихъ мѣстахъ и такой нѣтъ. Здѣсь турки—злые: у насъ одинъ купецъ хотѣлъ покрыть церковь, а его повѣсили; а въ Бабадагъ и церковь сожгли. Заступить же за насъ некому: Султанъ далеко; а здѣсь паша что хочетъ, то и дѣлаетъ; владыка—грекъ, въ наши дѣла не входитъ, и насъ не защищаетъ. И мы весьма тяжкое несемъ иго турецкое. Вотъ сами посмотрите на наши бѣдствія! » Впрочемъ упокоили насъ пищею и питіемъ такъ, что еще насъ нигдѣ тако не угостили, ни въ Молдавіи, ни во Влахіи,—хотя сами живутъ и подъ игомъ турецкимъ.

31. Сіи христіане роду называемые Ромыни, одежду носятъ болгарскую, а говорятъ языкомъ влахійскимъ. Мы ихъ спросили о пути во святую Аѳонскую

Гору, и они намъ рассказали : « Отсюда два пути въ святую Гору : одинъ путь горами, хотя и поближе, но на немъ больше сѣла турецкія ; хотя пищею и будете довольны, но вамъ будетъ непріятно, да и говорить по-турецки не знаете ; а другой путь вверхъ по берегу Дуная до самаго Рущука, съ христіанами нашими, ромынями ; здѣсь для васъ лучше : и языкъ вы знаете, и вамъ будетъ удобно, и пищею будете довольны. А отъ Рущука пойдутъ болгары — тоже вашъ языкъ, почти до самой святой Горы. А тамъ немного греками пойдете ». Мы поблагодарили ихъ за страннолюбіе и за наставленіе ; и пожелали имъ терпѣнія носить тяжкое иго турецкое, и также — чтобы Господь поскорѣй ихъ отъ него освободилъ ; они сказали : « аминь ». Мы же, простившись, пошли изъ града, а они насъ проводили за заставу, и показали намъ путь.

32. Послѣ трехъ часовъ ходу, близко къ вечеру, пришли мы въ русское село, называемое Камень, къ Некрасовцамъ ; и они насъ обласкали, какъ своихъ земляковъ. Они — настоящаго нашего русскаго языка и всѣхъ обычаевъ. Посреди села — ихъ часовня ; на ней кресты и колокола. Ибо они имѣютъ отъ турковъ уваженіе ; потому что служатъ въ казакахъ, и поднимаютъ на русскихъ руки ; за то ихъ и любятъ. Мы спросили ихъ : « можно ли почевать у нихъ ? » Они сказали : « въ какой домъ вамъ угодно, — всѣ съ любовью примемъ ; а ежели угодно, то идите въ скитъ къ нашимъ монахамъ, и они рады будутъ вамъ. » Мы пошли къ монахамъ. И они пріяли насъ ласково, и упокоили пищею и питіемъ. Потомъ начали имѣть преніе о вѣрѣ. Мы хотя и не хотѣли, но потомъ

обличили ихъ заблужденіе и неправильныхъ ихъ бѣглыхъ поповъ, и ложную ихъ клевету на Святую Восточную Церковь. Между прочимъ, при нашемъ преніи, которое здѣсь сокращаю, мы имъ говорили слѣдующее: «Что вы клевете и поношаете Святую Соборную Апостольскую Христову Церковь Православную, якобы она перемѣнила книги и нарушила правила святыхъ Отець? Какъ она можетъ что перемѣнить, когда ея самъ Господь Богъ управляетъ? Когда самъ Онъ ее основалъ и утвердилъ, самъ о ней сказалъ: *на семь каменъ созижду Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей*: то како можетъ человѣкъ что въ ней измѣнить? Самъ Богъ ее сохраняетъ, и Духъ Святыи въ ней распорядитъ. Разверзните свои умныя очи, и судите безпристрастно, сами посмотрите на Греческую Церковь: она и до-нынѣ содержитъ и употребляетъ самыя древнія свои книги—самыя настоящіе подлинники, писанные самими святыми Отцами; иныя—съ нихъ списанныя, кожаныя и бумажныя, а хотя есть и печатныя, но всѣ едины съ другими сходственныя, безо всякихъ переводовъ и поправокъ; и по которымъ древніе святыя отцы служили, по тѣмъ самымъ книгамъ греки и до-днесь служатъ. И не имѣютъ между собою ни распри, ни раздоровъ; и книгамъ ихъ не было никогда никакой поправки издревле и до-сего времени, что явно доказываетъ любимый вами Россійскій Патріархъ Іосифъ въ свидѣтельствованной имъ и печатанной при немъ *книгѣ о вѣрѣ*, въ которой пишется тако: «да заградятся всякая уста глаголющихъ неправду на смиренныхъ грековъ, аще и въ неволѣ живутъ, аще и туркамъ данъ даютъ, да право имѣютъ благочестіе содержать». Гл. 2. Еще ниже въ

той-же книгѣ Гл. 25, глаголется тако : обаче же помощію Господнею въ восточнѣй Церкви, четырехъ верховнѣйшихъ Пастырей, по подобію четырехъ Евангелистовъ, имѣемъ ». И паки : « истинную и безсмертную имѣюще надъ собою Главу Христа Спаса нашего Бога ». И паки : « но рекутъ ли, яко Патріарси со всѣмъ духовенствомъ турецкому (царю) дань даютъ ? и то есть правда, нечему тому дивитися аще и даютъ, да волю имуть свое благочестіе содержать ». И паки въ той-же книгѣ пишется : « И тако мы Церкви Константинопольскѣй и Патріархомъ престоловъ восточныхъ полезныхъ ради правыя вѣры, и для спасенія душевнаго, и благословенія временнаго прибѣгаемъ. Ктому же съ повинностей правъ въ главѣ или въ раздѣлѣ предъидущемъ помянутыхъ слушаемъ : Александрійскаго, Антиохійскаго, Іеросалимскаго и Великой Россіи, яко единовѣрныхъ Константинопольскому Архіереювъ почитаемъ и приимаемъ : къ нимъ бо належать оны Христовы словеса : слушаай васъ, Мене слушаетъ, а отменяайся васъ, Мене отменяется, отменяайся же Мене, отменяется и Пославааго Мя. Лук. зач. 31. И истинно есть : кто слушаетъ Патріарховъ, и отъ нихъ освящаемыхъ и посылаемыхъ, тотъ Христа слушаетъ; а кто ихъ отменяется, тотъ самого Христа Бога отменяется ». Вотъ святѣйшій Патріархъ Московскій Іосифъ явно обличилъ вашу ложную клевету на смиренныхъ грековъ, явно обличилъ ваше заблужденіе, и вразумляетъ, что не только вы отметнулись Святой Соборной Апостольской Христовой Греческой Церкви и Святѣйшихъ четырехъ Восточныхъ Патріарховъ, но уже и самого Христа Бога отметнулись. Вотъ вы съ своими кривыми толками куда забрели, что уже, по

Евангелію, и Христа отметились! Вы говорите, что вѣруете во Христа? Это—правда: но *и бл҃си вѣрують, и трепещутъ* святаго имени Его, и они вопіють: *Иисусе Сыне Божій, что пришелъ прежде времени мучити насъ?* Такожде и жидаы вѣрують въ Бога—Отца, и содержатъ законъ Моисеовъ, и читають Псалтирь и Пророковъ, а Сына Божія распяли, на свою погибель, и Господь сказалъ имъ: *се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ.* Лук. 13, 25. Тако и вы, хотя и во Христа вѣруете, Св. Писаніе и другія книги читаете, и Богу молитесь, но Святой Соборной Апостольской Христовой Церкви противитесь, и отметае-тесь ея Пастырей—святѣйшихъ Патріарховъ, Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ; чрезъ то вы и отъ Бога отметае-тесь: ибо самъ Господь имъ сказалъ: *слушайъ васъ, Мене слушаетъ: и отмета-йся васъ, Мене отмета-ется: отмета-йся же Мене, отмета-ется Пославшаго Мя.* Лук. 10, 16. И паки: *пріимите Духъ Святъ: иже отпустите грѣхи, отпустятся имъ: и иже держите, держатся.* Іоан. 20, 23. И паки: *елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси: и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ.* Матѹ. 18, 18. Вотъ вы, любезные, чего отторглись, и какой благодати лишились! Кто не восплачетъ о вашей горькой погибели? А благословенная Россія, какъ прежде была, такъ и до сего времени пребываетъ во всякомъ согласіи и единомысліи съ Греческою Восточною Церковію и со святѣйшими Восточными Патріархами, и почитаетъ ихъ верховнѣйшими Пастырями. А хотя нѣкоторыя сдѣлала перемѣны въ русскихъ книгахъ, но то она исправила погрѣшности нововзошедшія отъ неискус-

ныхъ переводчиковъ и отъ небреженія переписчиковъ, и ничтоже прибавила, ниже убавила, но только сдѣлала все вѣрно и согласно съ греческими древними подлинниками. Это всякій можетъ самъ изслѣдовать, кто умѣетъ читать греческія книги. Напрасно вы величаетесь, и называете себя сынами и послѣдователями святѣйшаго Патріарха Московскаго Іосифа: ежели бы вы были его дѣти и послѣдователи, то бы вы во всемъ слушались и повиновались святѣйшимъ вселенскимъ Патріархамъ. Ибо Іосифъ хотя и самъ былъ Патріархъ, но имѣлъ всякое уваженіе къ восточнымъ Патріархамъ, и великую имѣлъ къ нимъ сердечную любовь и повиновеніе; хотя и имѣлъ нѣкоторыя противъ нихъ погрѣшности, но то по невѣдѣнію: ежели бы онъ зналъ, то бы исправился немедленно. И онъ имѣлъ сумнѣніе—не погрѣшаетъ ли въ чемъ противъ вселенскихъ Патріарховъ; чего ради послалъ нарочитаго посла—Свято-Троицкой-Сергіевой Лавры келаря Арсенія Суханова—узнать всѣ греческія чины и обряды, который и изслѣдовалъ все по тонкости: былъ во святой Горѣ Аѳонской, и имѣлъ духовные разговоры со святыми отцами аѳонскими; былъ у вселенскихъ Патріарховъ, и съ ними имѣлъ разговоръ. Тогда Сухановъ явственно позналъ всѣ нововозшедшія въ Россіи погрѣшности противъ грековъ: двуперстное сложеніе, двоеніе *αλληλουια*, и прочія вещи, чего онъ по всей Греціи не видалъ, даже и не слышалъ; отцы и Патріархи всѣ ему единогласно говорили: «что у насъ видишь, какіе чины и обряды,—это мы содержимъ все, отдревле преданное намъ отъ святыхъ Апостолъ и отъ святыхъ Отецъ, седми Вселенскихъ Соборовъ, неизмѣнно и непоко-

лебимо». И съ тѣмъ Сухановъ возвратился въ Россію; но уже едва въ живыхъ Патріарха Іосифа засталъ. А ежели бы вскорѣ не скончался Патріархъ Іосифъ, то бы онъ самъ погрѣшности противъ восточныхъ Патріарховъ исправилъ. И такъ, вы—не Іосифа Патріарха чада, и не его послѣдователи, но ехиднина порожденія, и послѣдователи протопона Аввакума и Никиты попа, и ученики своего вожда Некрасова». Это мы говорили при всей братіи, и многіе изъ нихъ умилились, плакали, и познавали свое заблужденіе.

33. Но настоятель ихъ, монахъ Іакимъ, и прочіе ему подобныя возбѣсились, яко звѣри лютыя; своихъ нѣкоторыхъ выслали вонъ, а оставшіеся обступили насъ, и готовы были растерзать; и мы находились въ опасности жизни, — а время уже поздно, вечеръ. Мы начали упрашивать; они же еще злѣе вооружились. Мы уже приготовились къ смерти. Однако, Господь Богъ насъ защитилъ: одному изъ нихъ монаху Анастасію, который прежде намъ былъ знаемъ, тоже онъ изъ Молдавіи, положилъ Богъ благое на сердце, и онъ насъ отъ нихъ взялъ, и обоихъ увелъ къ себѣ въ келію, и сказалъ намъ: «теперь не бойтесь; ежели мене прежде убьютъ, то я васъ.» Однако, мы всю ночь не спали, боялись, и не полагались много на Анастасію, потому что и онъ такой-же раскольникъ. Однако, слава Богу, препроводили ночь благополучно; и только начало свѣтать,—мы встали, поблагодарили отца Анастасію, и просили, чтобы показалъ намъ путь; онъ выпроводилъ насъ на большую дорогу, и мы, простившись съ нимъ, пошли въ путь свой. И много благодарили Господа Бога, что сохра-

нилъ насъ живыми отъ злыхъ раскольниковъ некрасовцовъ.

34. Потомъ пришли въ христіанское село къ ромынямъ, и здѣсь насъ упокоили пищею и питіемъ. Отправившись въ путь, шли девять дней вверхъ по берегу рѣки Дуная, чрезъ частыя села христіанскія. Только много намъ наскучило, что во всякомъ селѣ мы должны были являться къ чербажію турчанину, хозяину села, и показывать свои паспорта. У нихъ столь строго, что никто не можетъ страннаго принять въ домъ, безъ позволенія чербажіяго. Народъ же—христіане столь добрый и страннолюбивый, что во всемъ моемъ странствіи не случилось еще таковыхъ: мы отъ самаго Мачина по всему Дунаю до города Рупука шли девять дней, и какъ у родныхъ въ гостяхъ гостили, въ перебой каждый насъ къ себѣ желалъ, и не знали чѣмъ насъ угощать. И пастыри ихъ—христіанлюбивые и благочестивые священники часто насъ отъ своихъ овецъ уводили къ себѣ, и угощали насъ неизреченно; ноги и руки наши омывали: но страннолюбивыя овцы ихъ слезами омывали ноги ихъ, и просили, чтобы насъ отъ нихъ не уводили; а хотя нѣкоторыя и сдавались на ихъ прошенія, но только потому, что ихъ предупреждали, что они сами бѣдны, а страннаго надобно упокоить, что мы съ пути утрудились, и надобно насъ пищею утѣшить, а у нихъ не чѣмъ. Однакоже, овцы увѣряли пастырей, что онѣ могутъ насъ упокоить; и пастыри насъ у нихъ оставляли, и сами съ нами оставались, и насъ благими словами утѣшали, а чего у хозяина не доставало, за тѣмъ они въ свои дома посылали, и насъ упокояли, и на путь насъ всѣмъ снабжали. Спаси ихъ Господи!

И въ которомъ дому пребываемъ, тамъ и праздникъ совершается. О, благословенна страна сія, и блаженнi людіе живущіе въ ней!

35. Страна сія благая, плодородная и хлѣбородная, кипящая всякимъ превзобиліемъ, воистинну рай Божій, напаяема рѣкою Дунаемъ и малыми рѣчками, источниками, изъ горъ и лѣсовъ текущими, изобильна рыбою и всякими фруктовыми деревьями, садами и виноградомъ, хлѣбомъ и лѣсомъ, и сѣнными покосами, и скотоводствомъ, и пчеловодствомъ; и зимы здѣсь почти не бываетъ. Въ лѣсахъ болѣе половины—древа фруктовыя, какъ-то: груша, яблонь, вишня, черешня, разные орѣхи, кизиль и дикій виноградъ. Сколько добра страна, и страннолюбивы христіане; столько бѣденъ и раззоренъ въ ней народъ, такъ что мало мнѣ случалось видѣть такой бѣдности во всемъ моемъ странствіи.

36. Въ девять дней мы видѣли только три церкви, и то столь бѣдныя, что и описать не можно; по наружности трудно съ хлѣвомъ распознать; всему причина—злая рука турецкая; во внутренности, почти ни одной иконы нѣтъ писанной, а только бумажныя; про иконостасъ и говорить нечего; облаченіе—изъ простаго холста. По этому всякъ можетъ самъ догадаться, что тамъ есть. Священниковъ же во всякой деревнѣ по-одному и по-два. Мы многихъ спрашивали: почему такъ—страна сія благая, а люди очень бѣдны?

37. Они же всегда очи свои наполняли слезъ, и съ великими воздыханіями намъ рассказывали слѣдующее: «Воистинну страна сія изобильная и благая, но грѣхъ ради нашихъ великихъ всегда насъ Господь

посѣщаетъ и наказываетъ: издревле страна наша стоитъ на границѣ, и частыя здѣсь бывають войны: лѣтъ чрезъ десять, уже много чрезъ двадцать. Только немного поправимся,—скота заведемъ, и сады свои расплодимъ,—паки встанетъ война; тогдакто можетъ,—бѣжить въ Валахію, а которыхъ турки захватятъ,—увезутъ съ собой во внутренность; скотъ нашъ поѣдятъ, дома наши пожгутъ, сады наши запустошатъ. По прошествіи войны, кто живы,—паки возвращаемся на свои жилища, паки на развалинахъ копаемъ себѣ землянки, паки заводимся хозяйствомъ. Судите же—когда мы можемъ поправиться? Еще бываетъ и другая скорбь, паче первой: послѣ каждой войны открывается чума, которая уже и самихъ насъ начнетъ пожинать; тогда мы паки оставляемъ все, и бѣжимъ, кто куда можетъ, и кроемся по горамъ и по лѣсамъ, и боимся другъ друга, братъ брата, и бѣгаемъ одинъ отъ другаго. И этотъ гнѣвъ Божій часто сію страну посѣщаетъ. Да и турки здѣсь раздраженные, очень злые, яко звѣріе, всегда насъ притѣсняють и раззоряють: церкви наши часто жгутъ; какое найдутъ серебро,—похищаютъ, иконы часто колютъ; а пожаловаться некому: Паша не принимаетъ, Царь-Градъ далеко, а мы раззоренные. Тако и терпимъ скорби, и дожидаемся отъ Бога милости, когда Россія придетъ къ намъ, и освободитъ отъ тяжкаго ига турецкаго.» Мы же, выслушавши сіе, много о нихъ сожалѣли.

38. На седьмой день вошли въ Силистрію, по древнему—Охрида, гдѣ жилъ Архіепископъ Теофилактъ, болгарскій писатель «Благовѣстника.» Когда вошли въ городъ,— намъ христіане сказали, что во градъ не

благополучно, — чума. Мы пошли прямо къ пашѣ, прописали паспорта, и скоро изъ града вышли, ничего не купили; и направили насъ, чтобы мы не шли черезъ селенія, ибо въ нѣкоторыхъ не благополучно, а чтобы шли по займищу, хотя и есть переброды, но не глубокиѣ. Такъ мы и пошли. И много на займищѣ ѣли дикаго винограду. Къ вечеру пришли въ село христіанское, и спросили: благополучно ли въ ихъ селѣ? Намъ отвѣчали: «благополучно»; и приняли насъ ночевать, и упокоили насъ по прежнему страннолюбію, и утромъ надовольствовавши на путь, сказали намъ, что по берегу селѣ нѣтъ до самаго Туртукая. Мы же пошли въ путь. Только съ самаго утра пошелъ снѣгъ и дождь, а мы шли по самому заплеску Дуная. Глина и грязь по колѣна. Мы хотѣли идти повыше, но заблудились: много ходили по лѣсу, уже и поплакали; снѣгъ и дождь пробилъ насъ сквозь, а на ногахъ сандалии распались; едва паки нашли Дунай. Пошли по заплеску, и пришли въ Туртукай уже къ вечеру. Прежде пошли къ туркамъ, и показали паспорта. Потомъ пошли искать ночлегу, но никто не принимаетъ, а посылаютъ къ священнику. Пошли; но его дома нѣтъ; и гостиницы нѣтъ. Чтѣ будемъ дѣлать? Всѣ мокры, всѣ грязны. Потомъ пошли на торжище, начали спрашивать: «есть ли во градѣ добрый человекъ?» Намъ сказали, чтобы шли къ священнику; мы же отвѣчали, что его дома нѣтъ.

39. Вскорѣ одинъ купецъ сказалъ намъ: «пойдемъ ко мнѣ ночевать; только немного подождите.» Потомъ повелъ насъ къ себѣ. И пришедши въ домъ, посадилъ насъ, позвалъ свою супругу, и сказалъ: «вотъ я гостей привелъ.» Она отвѣтила: «слава Богу.» И

начали насъ разувать. Мы сказали, что сами разусемся. Онъ же намъ сказалъ: «вы озябли, и руки ваши охолодѣли; теперъ уже не вы себѣ хозяева; когда я привелъ васъ въ свой домъ, то я хозяинъ.» Мы же испросили прощеніе. И они насъ разули. Потомъ принесли воды, и ноги наши обмыли: жена подавала, а самъ обмывалъ. Жена принесла по новымъ чулкамъ, и мы надѣли, чтобы не простудиться. Потомъ принесли для насъ одежду, и приказали намъ нашу скинуть до-нага, а ихъ одежду надѣть, и дали намъ теплые на ватѣ халаты. Потомъ ввели насъ въ теплую горницу, и угостили насъ купеческимъ угощеніемъ, и любезно съ нами разговаривали молдавскимъ языкомъ. Спаси ихъ Господи! Вотъ—Авраамъ и Сарра; но Авраамъ съ Саррою были стары, уже научились страннолюбію; сіи же рабы Христовы, Петръ и Евѳросія, были весьма молоды, только еще по двадцати лѣтъ, и два года въ супружествѣ, и имѣли единого сына. Вечеромъ поставили намъ трапезу, преизобильную всякими брашны и питіемъ, и сами съ нами утѣшались и веселились. Но еще тѣмъ не окончилось ихъ страннолюбіе: на свою постелю и на пуховики спать насъ положили; мы и не хотѣли, но они оба поклонились намъ до земли, и со слезами насъ просили, да не погнушаемся ихъ ложемъ. Мы же любви ради ихъ, помолвившись, легли и уснули. По-утру паки наготовили намъ всякой пищи. Мы же воставши помолились Господу Богу; потомъ принесли намъ нашу одежду, вымыту и высушену; мы же ихъ одежду отдали, а свою паки надѣли. И сандалии тоже были починены и вымазаны; и представиша намъ трапезу подобную вечерней. Потомъ мы пошли въ путь; она

же всѣмъ насъ напутствовали, хлѣбомъ и виномъ и виноградомъ; еще дали намъ по рублю денегъ. Мы же благодарихомъ за ихъ страннолюбіе. Хозяинъ проводилъ насъ за городъ, и показалъ намъ путь, да не заходимъ въ села: ибо тамъ чума. И много насъ привѣтствовалъ: когда шаки случится быть въ Туртукаѣ, да не проходимъ мимо дому его. Мы же простившись, пошли въ путь свой прямо лугами, всѣ села оставили въ лѣвой рукѣ. Къ вечеру приходомъ въ село, и ночевахомъ у христіянина.

40. На другой день къ обѣду вошли въ городъ Русукъ; христіане насъ привѣтствовали, и тамо ядохомъ хлѣбъ, и подписахомъ паспорта, и христіане сказали намъ, что путь до св. Горы Аѳонской отъ Русука осьмнадцать дней ходу, и переписали намъ всѣ села. По выходѣ изъ града, поворотили отъ Дуная влѣво, во внутрь Болгаріи, и шли три дни все болгарами, всё по горамъ. На четвертый день рано приблизились къ столичному болгарскому граду Тернову; обаче мы въ него не заходили, и миновавъ его, шли черезъ болгарскія сѣла, великія, подобныя градамъ: тысящи по три и по двѣ домовъ, постройка каменная; церкви великія каменные, только безъ крестовъ и безъ куполовъ, внутри много украшены иконами и паникадилами, и множествомъ лампадъ; кругомъ церквей ограды каменные высокія, на-подобіе монастырскихъ, не такъ какъ на Дунаѣ. И села ихъ не разорены, и народъ богатый, аще и въ неволѣ живутъ, аще и тяжкое иго турецкое носятъ, аще и болѣе стѣснены и отягощены игомъ турецкимъ, нежели греки: ибо греки имѣютъ у себя защиту—духовное на-

чальство: Патріарха, Митрополитовъ, Архієпископовъ и Епископовъ.

41. А бѣдные болгары не только отягощены отъ тяжкаго ига турецкаго, но и отъ грековъ страдаютъ не много меньше. Ибо во градахъ, гдѣ есть Архіереи, которые бывають изъ грековъ, не позволяютъ болгарамъ по-славянски ни пѣть, ни читать, ни дѣтей учить: впрочемъ, въ селахъ не смотрятъ на Архіереевъ, но по-славянски по російскимъ книгамъ поютъ и читають. Болгарское нарѣчіе ближе къ славянскому, нежели великоросійское.

42. Болгарскій народъ всякой похвалы и чести достоинъ: страннолюбивъ и милостивъ, много усерденъ ко св. Церкви, много любитъ благолѣпіе храмовъ Божіихъ, и весьма усерденъ ко св. мѣстамъ—ко св. Горѣ Аѳонской и ко св. граду Іерусалиму, такъ что превосходитъ всѣ роды христіанскіе, какъ то: грековъ, сиріанъ, грузиновъ, сербовъ, влаховъ, молдаванъ и даже русскихъ. И никакого роду больше не бываетъ на поклоненіи, какъ болгаровъ, и никакіе роды не приносятъ столько пожертвованій, какъ болгары. Всю св. Гору Аѳонскую содержатъ почти одни болгары. И столь усердны ко иноческому чину, что принять инока въ домъ почитаютъ за счастье; и никакого роду больше не поступаетъ въ монашество, какъ болгаровъ. Аѳонская Гора наполнена болгарами; и по Болгаріи множество монастырей наполнены всѣ монахами изъ болгаръ. Воистину, благая страна болгарская, и блаженъ въ ней народъ живущій! Болгары весьма трудолюбивы, такъ что воздѣланы у нихъ всѣ земли: хлѣбопашество, садоводство и даже шелководство у нихъ процвѣтають. Народъ торговый, обхо-

длительный и ласковый; и много имѣеть расположенія къ Россіи, потому что одного племени и языка и обычаевъ. Много ихъ смирило и отяготило турецкое иго; а если бы этотъ родъ былъ свободный,—еще бы былъ онъ превосходнѣе. У перквей ихъ звоновъ не имѣется; по городамъ и въ доску не ударяютъ, а церкви всегда полны людей. Въ церкви чинно стоятъ, подобно монахамъ; а женъ въ церкви ни одной не видать: жены всѣ стоятъ на хорахъ; а гдѣ хоръ нѣтъ, тамъ лѣвая страна отгорожена рѣшеткой, и жены стоятъ тамъ благочинно. Этотъ благой обычай наблюдается и по всей Греціи, отъ Константинополя и до самаго Іерусалима. Болгарскія жены покрываютъ главы по древнему російскому обычаю.

Оставивъ градъ Терновъ въ лѣвой рукѣ, въ десяти верстахъ, мы взошли на одну гору, и открылись намъ великія горы Балканскія, покрытыя облаками. И шли мы два дни, только и знали, что спускались съ горы, да подымались на гору; шли все черезъ частыя села; ночевали и обѣдали у страннолюбивыхъ людей и у ихъ христіанскихъ пастырей. Егда мы проходили по улицамъ, то не только не просили себѣ пищи, но почти изъ каждаго дому выходили жены, и останавливали насъ, и спрашивали: «куда идемъ?» И мы сказывали, что во св. Гору. И онѣ просили насъ: егда придемъ во св. Гору, помянуть ихъ во своихъ молитвахъ; и всѣмъ награждали,—хлѣбомъ, сыромъ, полотномъ. И просили насъ, чтобы мы не пили на пути воды, дабы не повредили здравіе, и наливали наши подорожныя тыквыцы виномъ. И мы, что могли взять, брали, и благодарили за ихъ страннолюбіе.

43. На шестой день ходу отъ Дуная, пришли подъ самый Балканъ, въ глубокую и великую долину, въ великое село Габрово, подобное великому граду: имѣеть семь базаровъ при одной церкви. На башнѣ бьютъ колокольные часы на все село, чему мы много удивлялись; климатъ весьма холодный; садовъ виноградныхъ и другихъ нѣтъ. Мы пришли рано утромъ, и ядохомъ и подкрѣпихомся. Ибо великъ намъ и трудень предлежалъ путь: весь день приходилось переходить высокіе Балканы, а на пути изъ Болгаріи во Фракію, тридцать пять верстъ, никакого жительства нѣтъ. Здѣсь попались намъ два спутника болгары. Призвавъ Бога въ помощь, пошли мы въ путь, и начали подниматься на главный и великій Балканъ, по острому камню—двадцать пять верстъ, и часто отдыхали. И взошедши на самый верхъ хребта, остановились. День былъ ясный, воздухъ прозрачный. И мы посмотрѣли на всѣ четыре страны; и аще бы имѣли дальновидящія очи, то много бы могли видѣть и осмотрѣть свѣту. Посмотрѣли мы на-задъ, на сѣверо-востокъ: видно всю дунайскую долину и даже Влахию и Молдавію. Позади Влахиі виднѣлись Карпатскія горы. Къ востоку тянется хребетъ. Къ юго-востоку—Фракія—великая равнина до самаго Чернаго моря. Къ югу—великая равнина Фракія до Адрианополя и до Константинополя и до самаго Мраморнаго моря. Къ юго-западу—равнина Фракія до Архипелага; къ западу—долина Фракія до самой Македоніи, и видно великій Балканъ, называемый Доспадъ. Къ сѣверо-западу тянется хребетъ его. Къ сѣверу—великое раздолье до самой Венгріи. Сей Балканъ тянется изъ Сербіи до самаго Чернаго моря, раздѣляетъ Болгарію

и Оракию. Прежде было это мѣсто почти непроходимо: съ великимъ трудомъ переходили пѣшіе и верховые; а нынѣ безъ всякаго труда ѣздятъ на колесахъ. Русскіе воины все расчистили и разработали во время войны 1828 года, и перевезли тогда всю военную артиллерію. Богъ велѣлъ и намъ перейти по этому пути. На верху климатъ весьма холоденъ, какъ среди зимы. Часто, сказываютъ, среди лѣта гора бываетъ покрыта снѣгами. Однако, слава Богу, тогда не было. Потомъ стали мы спускаться въ-низъ, но уже не дорогой, которая шла извилинами, а мы прямо катились, придерживаясь за камни и за траву: было не безъ страху: дорогой бы надо было спускаться три часа, а мы спустились очень скоро, почти въ одинъ часъ, прямо въ болгарское село—Шипкой.

44. Это уже во Оракии. Здѣсь мы ночевали у одного христіянина. Былъ тогда праздникъ св. мученика Димитрія, и мы ходили въ церковь. Чинъ и порядокъ въ церкви—монастырскій, какъ и въ прежнихъ селахъ; читаютъ по русскимъ книгамъ, поютъ напѣвомъ болгарскимъ. Отсюда мы рано отправились въ путь. Ибо Литургія бываетъ тамъ рано, немедленно послѣ утрени. Много въ этомъ Шипковѣ селѣ дѣлаютъ розоваго масла: кругомъ села много насажено розы, т. е. шиповнику, потому и названо село Шипкой. Мы весь день шли все по ровнымъ и хлѣбороднымъ полямъ. По правую сторону, какъ стѣна, до облакъ тянулся Балканъ; а по лѣвую страну—чистыя и ровныя поля, усыпаны частыми селами и садами болгарскими и турецкими. И прошли мы три села турецкія, а христіанскаго ни одного. Къ вечеру пришли въ великое болгарское село Калоферъ; гдѣ приняли насъ съ лю-

7

бовію, и упокоили пищею и питіемъ. Сіе село Калюферъ, славное по всей Болгаріи, велико и многолюдно, подобно великому граду; и богатое въ немъ купечество, имѣють торговлю со всей Европой; и множество разныхъ фабрикъ и заводовъ, и много изъ него выходитъ шелку и снурковъ, и работаютъ всё водой. Посреди села протекаетъ порядочная рѣчка, которая каналами разведена по всему селу, въ каждый почти домъ, и въ каждомъ почти дому фабрика. Водой прядуть, и ткуть, и плетуть; чему мы много удвлялись. Много въ немъ церквей, и два монастыря: по край села стоитъ монастырь женскій, славный по всей Турціи, и много богатъ, болѣе тысячи монахинь. А мужескій стоитъ въ горахъ, въ пустынь. Во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ читають по россійскимъ книгамъ, поють напѣвомъ болгарскимъ. И весьма много насъ просили христіанцы, чтобы мы у нихъ погостили хотя недѣлю, что они весьма русскихъ любятъ, и никогда русскаго не видали во своемъ селѣ, и чтобы сходили въ ихъ монастыри, и собрали милостыню. Но мы боялись, чтобы не захватила насъ зима: ибо время было поздно, уже 26 Октября. Потомъ благодарили за ихъ расположеніе и за привѣтствіе. По-утру вставши пошли въ путь, и шли ровными полями, чрезъ болгарскія и турецкія села, ночевали и обѣдали у болгаровъ. Въ лѣвой рукѣ, недалеко—въ двадцати верстахъ, остался древній градъ Филіппи, Филиппополь, гдѣ много потрудились св. Апостолы—Павелъ и Варнава. Шли мы два дня, и много претерпѣли отъ проливнаго дождя.

45. Потомъ пришли во градъ Базаръ-Чукъ—татарскій, въ субботу, поздно вечеромъ, и спросили: гдѣ

стоитъ христіанская церковь. Болгары сказали, что внутри града церкви нѣтъ, а церковь—внѣ града, на полѣ. Мы просили, чтобы насъ довели до церкви. И они насъ провели чрезъ весь градъ, и привели къ церкви на гостинницу, и тамъ насъ привали и упокоили пищею. По-утру пошли въ церковь, и слушали утреню, безъ расходу—и Литургію. Всю утреню читали и пѣли по-гречески. На Литургіи ничтоже пѣли, токмо *херувимскую* и *достойно*; прочее же, по древнему обычаю, каждый про себя отвѣчалъ на слова священника или діакона. Потому что человѣцы—всѣ болгары, ничего не понимаютъ по-гречески. Послѣ Литургіи далъ намъ староста церковный по блюду, да испросимъ отъ христіанъ милостыню на путь; и дали намъ каждый по силѣ своей, и собрали милостыню довольную. Спаси ихъ Господи! Градъ весьма великъ, — тридцать турецкихъ мечетей. Большая половина града — христіане; церковь одна, и та изъ града изгнана, стоитъ едина въ пустынѣ, поругана и оборвана, и нѣтъ никого, кто бы ее заступилъ, только и назираетъ ее Женихъ небесный: Онъ сохраняетъ и защищаетъ ее отъ безбожныхъ турокъ. Возлюбленные же чада ея оставляютъ градъ и свои дома, и всю молву и суету во градѣ бываемую, и бѣгутъ всѣ къ возлюбленной своей матери въ пустыню, якоже къ тихому и небурному пристанищу—возсылать свои молитвы къ Небесному своему Отцу. И столь много сошлось христіанъ, что была не одна тысяща, а церковь столь мала, что едва ли вмѣститъ сто человѣкъ. Въ ней только почти алтарь и клиросъ; люди суютъ почти всѣ подъ открытымъ небомъ, внутри ограды. Хотя и застроили

христіане нову каменную церковь, столь великую, что будетъ семь престоловъ въ рядъ, и сдѣлали уже выше оконъ, и на нее любятъ и радуютъ; но турки не даютъ довершить. Вотъ, что дѣлаетъ злая рука турецкая! При этой церкви живутъ двадцать пять священниковъ и пятнадцать діаконовъ, и Епископъ; но тогда его не случилось: уѣхалъ въ Филиппополь. По Литургіи упокоили насъ пищею и питіемъ. По трапезѣ мы ходили на базаръ, и купили по двѣ пары сандалій: ибо слышали, что наступаетъ жестокъ путь и великія горы. Во градъ христіане много насъ привѣтствовали и напутствовали. Спаси ихъ Господи! Великіе страннолюбцы—болгары! Потомъ паки пришли въ гостинницу, и разспросили путь. Почти со всѣхъ сторонъ кругомъ Базаръ-Чука стоятъ высокія Балканы выше облакъ: по правую страну—Габровской Балканъ, чрезъ который мы прежде переходили, а въ лѣвой—Балканъ Доспадъ, чрезъ который намъ путь лежитъ, и на который намъ подниматься. Потомъ мы отправились въ путь, и прошли одно село турецкое и два болгарскихъ; къ-вечеру пришли въ село Быстрицу, подобное граду; стоитъ подъ самымъ Балканомъ; и христіанцы болгары приняли насъ, и упокоили пищею и питіемъ. Въ селѣ Быстрицѣ двѣ церкви—великія каменные: въ одной читаютъ по-славянски по російскимъ книгамъ, а въ другой—по-гречески; а жители всѣ—болгары. Въ этомъ селѣ была чума, но мы не знали, и намъ уже послѣ сказали въ другомъ селѣ; насъ Господь помиловалъ.

46. По-утру воставши пошли мы въ путь; и проводили насъ за село, и показали намъ путь на Балканъ. И мы взлѣзали на гору по жесткому и трудному пути

цѣлый день; уже къ-вечеру взошли на гору, и тамъ поле ровное было засѣяно хлѣбомъ. Почва земли песковатая, лѣсъ сосновый, еловый и березовый, и климатъ весьма холодный. Мы удивлялись, что страна сія во всемъ подобна Россіи. Уже кончилась Фракія, началась Македонія. Къ вечеру пришли въ село Батакъ, и принялъ насъ священникъ въ свой домъ, и упокоилъ насъ съ любовію, и разспрашивалъ насъ о разныхъ обстоятельствахъ, а болѣе о Россіи и о російскомъ благочестіи. Потомъ сказалъ намъ: «теперь, отцы, азъ васъ не отпущу до тѣхъ норъ, пока не попадутся попутчики; здѣсь путь весьма опасный: два дня ходу, нѣтъ никакого жительствова, кромѣ одного хана, сирѣчь—постоялаго двора; все лѣса и горы, и пустыня дикая, наполненная разбойниками арнаутами, и много убиваютъ; сего лѣта убили двухъ монаховъ.» Мы поблагодарили его, и, по вечеру, отдохнули. Поутру мы ходили въ церковь, и читали въ ней утреню и часы. Церковь—великая каменная, обнесена кругомъ каменной высокой оградой; внутри иконостасъ прекрасный, и много иконъ самой высокой греческой работы, всякой похвалы достойной, такъ что мало я такихъ видалъ во всемъ моемъ странствіи; писаны однимъ монахомъ святогорскимъ; книгъ—весь кругъ церковный московской печати, и порядочная ризница, и много лампадъ, и пять паникадилъ хрустальныхъ. Мы полюбовались, и благодарили священника за его усердное попеченіе. Въ селѣ Батакъ всего триста домовъ: всѣ деревянные, срубленные изъ бревень и на моху, покрыты тесомъ и драницами, много и двухъ-этажныхъ; не можно и подумать, что то село болгарское, но совершенно великороссійское. Садовъ

никакихъ нѣтъ, по причинѣ холоднаго климату. Священникъ кормилъ насъ однимъ хлѣбомъ ячменнымъ. Мы просили у него хлѣба, либо пшеничнаго либо ржаного, а онъ намъ сказалъ: «У меня другаго хлѣба нѣтъ, кромѣ ячменнаго; нѣтъ и во всемъ нашемъ селѣ: у насъ другой хлѣбъ не родится, кромѣ ячменнаго, а достать другаго трудно. Вы видѣли—какая гора, что и самимъ трудно взойти; да и не пужень онъ намъ: мы родились при этомъ хлѣбѣ; намъ кажется—лучше его и нѣтъ». Мы же съ нуждой ѣли. Жены же страннолюбицы много намъ наносили хлѣба для пути, понеже два дни негдѣ взять. Мы же что могли взяли, а лишній оставили священнику. Отъ этого села недалеко въ виду еще другое болгарское село: прежде были христіане, но турки ихъ обасурманяли, за что много объ нихъ сожальютъ христіане; а говорятъ и до-нынѣ по-болгарски.

47. Мы подождали два дни: по пути никого нѣтъ. И не стали болѣе дожидаться, а положились на Господа Бога, и начали у священника просить благословенія въ путь. Онъ много насъ отговаривалъ, а потомъ благословилъ, и утромъ рано проводилъ насъ верстъ пять, и рассказалъ намъ путь. Мы еще верстъ пять всходили на гору, а потомъ шли съ горы на гору, темнымъ лѣсомъ; путь—узкій, трудно и верхомъ проѣхать; по пути камень острый, лѣсъ больше еловый и пихтовый и сосновый. Мы же шли, поспѣшая. На полпути попался намъ на встрѣчу обозъ турковъ съ товарами, — всѣ вооруженные, и насъ остановили, и начали спрашивать по-болгарски: откуда и куда идемъ? Мы сказали, что изъ Молдавіи, идемъ во святую Леонскую Гору. Они спросили: «Какъ вы не

боитесь въ сей дикой пустынѣ идти двое безъ всякаго оружія? Здѣсь много разбойниковъ. Намъ сто человекъ съ оружіемъ, да и то боимся». А мы имъ отвѣтили: «Вы надежду имѣете на оружіе, а мы на Бога. Чего намъ бояться разбойниковъ и смерти? Уже мы давно отреклись міра и умерли; аще и убьютъ насъ, то препроводятъ насъ на вѣчное блаженство къ Царю нашему Небесному, Іисусу Христу, а взять у насъ нечего; потому мы ничего не боимся.» Они же много намъ удивлялись, и главами своими качали.

48. Мы пошли далѣе, уповая на Господа Бога. И когда отошли отъ обоза верстъ 5, и вышли на долину, на чистое мѣсто: со стороны вышли къ намъ на дорогу 4 человека вооруженные ружьями, съ саблями, съ пистолетами и съ кинжалами; очи ихъ наполнены крові; остановили насъ, и начали намъ говорить кротко по-турецки. Мы сказали, что по-турецки не знаемъ. Они спросили: «какъ же вы знаете?» Мы сказали, что по-молдавски и по-болгарски. Они стали говорить и спрашивать по-болгарски: «откуда и куда идемъ?» Мы сказали: «изъ Молдавіи во — святую Аѳонскую Гору». Они спросили насъ: «какъ вы не боитесь, одни идете? Здѣсь много разбойниковъ, они васъ убьютъ». Мы же имъ отвѣтили: «ежели Богъ велитъ имъ, то убьютъ, а взять у насъ нечего: денегъ не имѣемъ, а одежда раздранная; а хотя и убьютъ, то къ Богу насъ пошлютъ». Они же заговорили между собою по-турецки, и пошли въ сторону, а намъ сказали: «идите съ Богомъ». Мы недалеко отошли, и они паки закричали намъ: «стойте!» Мы остановились. Они паки подошли къ намъ, и дали намъ по одному леву, т. е. по двадцати коп., и сказали: «за наше здравіе на

хану (или на постояломъ дворѣ) выпейте вина, а про насъ не говорите, что видѣли». И еще спросили насъ: «далеко ли попался намъ обозъ?» Мы сказали, что теперь уже далеко, есть въ двухъ часахъ. Они же больше ничего не сказали, и отошли отъ насъ. Мы пошли радуясь, и много благодарили Господа Бога, яко укроти сердце злыхъ разбойниковъ: не только что не обидѣли чѣмъ, но еще и соблаготворили. Воистину, всяка душа человѣча въ руку Божію есть. Надѣющійся на Господа, яко гора Сіонъ, не подвижется. Уже къ вечеру пришли въ ханъ, и удивляясь на насъ гостинникъ съ прочими спрашивалъ: «какъ вы прошли безъ всякаго вреда?» Мы сказали имъ, что не только насъ не обидѣли разбойники, но и наградили еще; они же смѣялись. По-утру, воставши, паки шли горами, но не такъ лѣсными, и то только до половины дня. Потомъ пошли все подъ гору, но не очень крутую; къ-вечеру сошли внизъ, и пришли въ село Сатавчу на гостинницу, и гостинникъ принялъ насъ ласково, и упокоилъ насъ пищею, но мы не спали; ибо еще не самый былъ вечеръ. Сказали намъ, что села здѣсь частыя, и здѣсь мирно; и мы пошли въ другое село ночевать. Прошли два села: села—болгарскія, а вѣру держатъ турецкую, и говорятъ по-болгарски; ибо потурчены неволею. И уже поздно вечеромъ пришли въ болгарское христіанское село Петреличъ; здѣсь приняли насъ на гостинницу, и упокоили пищею и питіемъ.

49. Отсюда въ правой рукѣ, въ сторону, полтора дни ходу, великій монастырь, Лавра преподобнаго отца Іоанна Рыльскаго, гдѣ онъ спасался. Тамъ и до-днесь почиваютъ нетлѣнныя его мощи на вскрытіи.

Братія—болѣе 300 монаховъ, всѣ — чистые болгары. Службу церковную читаютъ и поютъ по русскимъ книгамъ; монастырь весьма богатъ, но не общежительный. Намъ хотѣлось въ немъ побывать, но намъ отсовѣтовали: потому что очень труденъ путь и великія горы и лѣса; безъ провожатаго не можно найти его; вбо стоятъ въ самой внутренней и непроходимой пустынѣ. По-утру, воставши, пошли мы въ путь во святую Гору. Страна сія благая, горы отлогія, и небольшие лѣса, и много воды, рѣчекъ и источниковъ, и вся воздѣлана хлѣбопашествомъ и виноградными садами, и частыя села болгарскія христіанскія, изрѣдка есть и турецкія.

50. Мы спрашивали о пути въ монастырь святаго Іоанна Предтечи. Въ единомъ селѣ намъ сказали, что на-право на гору большой путь прямо во градъ Серезъ, а на-лѣво по долиня—въ монастырь. Мы пошли по долиня, и ни одного села не видали до самаго монастыря; все оставались по сторонамъ. Ночевали на полѣ въ гостинницѣ. По-утру пошли все на гору, почти до половины дня. На верху горы воздухъ весьма холодный, и мѣсто ровное засѣяно озимю рожью. Дорога плохая: трудно и узнать, потому что тамо мало кто проходитъ. Мы весьма боялись—не сбились ли съ дороги, а спросить некого; но Господь намъ былъ вождь и святыи Іоаннъ Предтеча: прямо попали на дорогу, и поспѣшали къ обѣду въ монастырь. И шли уже подъ крутую гору ущелиемъ: по правую руку — ровъ глубока, внизу бѣжитъ большая рѣка быстро, и шумитъ по камнямъ вода, а по лѣвую руку—гора, какъ стѣна стоитъ. Потомъ сошли на долину, гдѣ рѣка, и стали переходить по каменному

мосту. Посмотрѣли подъ мостъ : подъ нимъ воды нѣтъ ни капли, и мы много удивлялись, почему такъ—вверху бѣжитъ много воды, и такая быстрина, а здѣсь нѣтъ ни капли? Куда же дѣвалась вода? Сему много чудились. И паки идохомъ все внизъ. Уже по правую руку была гора, а по лѣвую—сухая долина. Мы же на пути много удивлялись, что выше бѣжитъ рѣка, а ниже сухо. Потомъ, уже часа два съ полудня, сошли подъ самыя горы по вышереченной долини. Пошли сады виноградныя; между виноградомъ растутъ дрова, которыхъ мы еще отъ роду не видали, и много мы на нихъ чудились, и стали догадываться и познавать, что это масличныя и смоковныя. Прежде мы полагали, что это башни или столбы стоять; а егда подошли,—увидали, что это дрова, но не могли узнать—какъ называются, пока намъ не сказали, что это прекрасныя кинарисы. Тогда мы возрадовались, и между собою говорили, что, стало быть, не далеко и море, когда такія невиданныя нами растутъ дрова, и—перемѣнилась страна и климатъ. Потомъ вошли въ село христіанское, но не Болгарское, а Коцовлашское; съ трудомъ могли спросить про монастырь, и намъ показали его, хотя и недалеко, но высоко на горѣ. Взошедши на гору, пришли мы къ вратамъ монастыря. Монастырь стоитъ на полугорѣ и надъ великою пропастью, какъ ласточкино гнѣздо. Между горъ и монастыря пролегаетъ узкій путь. Во вратахъ сидятъ вратники внокъ, сѣдинами украшенный. Мы сотворили по три поклона иконѣ святаго Іоанна Предтечи, на вратахъ стоящей, потомъ поклонились и вратарю, и испросили отъ него благословеніе; онъ же сказалъ: «Богъ васъ благословитъ; что хотите отъ мене?» Мы же, услы-

шавши болгарскую бесѣду, возрадовались, и отвѣтили ему, что желаемъ взойдти въ монастырь. Онъ спросилъ: «откуда и куда идемъ?» Мы сказали о себѣ. Онъ сказалъ: «подождите здѣсь; а я пойду—спрошу игумена». Мы сѣли. Онъ скоро пришелъ, и ввелъ насъ въ монастырь прямо на гостинницу, гдѣ представили намъ трапезу, среднюю, но хлѣбъ предложили ячменный. Мы ѣли и насытились, потому что проголодались; и вина принесли до изобилія. Потомъ, до вечерни, мало уснули. Егда придетъ время вечерни,—начали ударять въ било, сирѣчь—въ доску, и пошли вся братія въ церковь; пошли и мы. Егда же вошли во внутрь,—стали въ придѣлѣ, въ правой сторонѣ: тамъ стояли всѣ монахи чинно и кротко, боже ста. И подошелъ къ намъ одинъ монахъ, и сказалъ, чтобы мы шли въ великую церковь. Мы послушали, и вошли; и тамъ стоятъ всѣ послушники и мірскіе, монаховъ же ни единого. Азъ же весьма похвалилъ сей чинъ и порядокъ: всѣ иноки стоятъ одни, со смиреніемъ и со страхомъ наклонивъ главы, въ тишинѣ и безмолвіи, безъ всякаго смущенія и соблазну, и никому между собою стоять не позволяютъ, ни мірскому, ни послушнику; а женамъ въ монастырь и входу нѣтъ; на клиросахъ чловѣкъ по пятнадцати, больше послушники, только по три монаха. Канонаршили и пѣли весьма чинно, греческимъ языкомъ, также и читали. Мы простояли всю вечерню, но ничего не поняли. Церковь прекрасная, вся расписана иконнымъ стѣннымъ писаніемъ греческой работы, и множество иконъ и лампадъ, и вся церковь прекрасно убрана. Почиваютъ подъ спудомъ трое святыхъ мощей: всѣ Архіерей, ктиторы святой обители сея, въ этой обители на покоѣ

препроводившіе остальную жизнь свою. И стоит чудотворная икона святаго Іоанна Предтечи. Послѣ вечерни водили насъ всюду. Въ монастырѣ столько воды, что всюду журчить и брянчить, и всюду бѣжитъ вода. Двѣ мельницы и двѣ толчеи.

51. Потомъ подвели насъ къ водѣ, точащейся изъ камня, и сказали : «Сія вода—святая, данная святымъ Іоанномъ Предтечею, еще когда монастыря не было. Потому и выстроены во имя его монастырь сей.» Мы спросили : «а откуда сія большая вода?» Намъ отвѣчали : «И сія вода имѣже, святымъ Іоанномъ Предтечею, дана, но послѣ. Видѣли вы вверху бѣжавшую рѣчку, а послѣ изсохшую?» Мы сказали : «мы тому много чудились, что выше—вода, а внизу—сухо». Показывавшіе начали намъ рассказывать слѣдующее : «Та самая вода идетъ въ монастырь нашъ, которую провелъ самъ Іоаннъ Предтеча. Послушайте—по какому случаю : егда выстроили сію обитель, и потомъ умножившимся братіямъ болѣе двухсотъ, была засуха. Сей воды прежней стало для братіи мало, и воду носили изъ-подъ горы, изъ рѣчки, сами. Это очень наскучило, и хотѣли всѣ расходиться по другимъ монастырямъ, хотя игумень и отговаривалъ. Потомъ во снѣ игумену явился святой Іоаннъ Предтеча, и сказалъ : «скажи братіи : пусть сотворятъ мнѣ всенощное бдѣніе, и дамъ имъ воду до изобилія.» Игумень воставши повѣдалъ братіи, и сотвориша бдѣніе и литію ; но ничтоже бысть. Братія оскорбишася на игумена, и сказали ему : «Откуда возьмется вода ? Отъ сухаго камня что-ли?» Игумень отвѣчалъ имъ : «Что вы маловѣры? Не отъ твердаго ли и сухаго камня извелъ Моисей Израилю воды въ пустыни ? И намъ Господь Богъ

изведеть воду изъ камня молитвами святаго Іоанна Предтечи. Сотворимъ еще бдѣніе, и увидимъ благодать Божию. Потомъ сотвориша второе бдѣніе и литію, и ничтоже бысть. Тогда братія еще болѣе засѣтовали на Игумена, и пошли каждый въ свою келлію, да возьмутъ всякъ свою одежду, и да изыдутъ изъ монастыря. Игумень же со слезами увѣщавалъ, да послушаютъ его еще единожды, и сотворятъ еще третіе бдѣніе; и говорилъ: «аще не дастъ Богъ воды, то азъ первый изыду изъ монастыря, а вы за мной; и пойдетъ каждый, кто куда знаетъ». Послушавъ его братія, и сотвориша третіе бдѣніе и литію. Егда же возвращахуся, и стали подходить ко вратамъ монастырскимъ: услышали вси подземный гулъ. И потомъ, вдругъ изъ горы на дорогу бросилась вода съ шумомъ, братіямъ подъ ноги. Братія всѣ испугались, и побѣжали—кто назадъ, а кто впередъ. Потомъ много радовались, и благодарили Господа Бога и святаго Іоанна Предтечу, яко далъ воды до изобилія. Скорбѣли же о томъ, что не могутъ ея устроить, потому что не имѣютъ пенязей. Того-же дня къ вечеру пришелъ къ вратамъ монастырскимъ пастырь овчій, и началъ просить у вратаря хлѣба и вина. Вратарь пошелъ, чтобы принести, чего просилъ пастырь. Егда же возвратился, то никого не нашелъ, а только пастырь оставилъ во вратахъ свою сумку. Вратарь всюду его искалъ, но не обрѣлъ. Егда наступилъ вечеръ,—онъ заперъ врата, а сумку пастыреву отнесъ игумену, и сказалъ вся, яже о пастырѣ. Игумень дивился, развязалъ сумку, и увидѣлъ ея полную злата; и всѣ удивились. Нощію же явился игумену святой Іоаннъ Предтеча, и рече ему: «сіи деньги азъ прислалъ

тебѣ, да устроиши воду ». По-утру игумень, вставши, повѣдалъ братіи, и вси возрадовашася, и прославиша Господа Бога, и благодариша святаго Іоанна, Предтечу и Крестителя Господня, и устроиша воду, яже пребываетъ и до сего дня, еже сами видите.

52. Потомъ повели насъ въ библіотеку, и показали намъ множество кожаныхъ и бумажныхъ рукописныхъ славянскихъ книгъ, болѣе тысячи; лежатъ безъ всякаго бреженія, о чемъ много мы соболѣзновали и сожалѣли; уже многія повредились. Мы спросили: « почему такъ безъ всякаго присмотру находится библіотека? » Намъ отвѣчали: « А на что эти книги намъ? Читать мы ихъ не знаемъ. Хотя и вся братія—болгары, но читать по-славянски ни единъ не разумѣетъ; потому что мы всѣ изъ Македоніи. А у насъ по всей Македоніи, по градамъ и по селамъ, нигдѣ не читаютъ по-болгарски, а вездѣ по-гречески. Хотя и всѣ—болгары живутъ, хотя и ничего по-гречески не понимаютъ, ни міряне ни священники, но тако заведено издревле, и уже привыкли: потому что съ юности учимся читать и пѣть по-гречески. А сія библіотека жертвована болгарскими и сербскими царями. Тогда по всей Фрагіи и Македоніи читали и пѣли по-болгарски, а нынѣ только въ селѣ Патакѣ и въ монастырѣ Преп. Іоанна Рыльскаго ». Потомъ привели насъ паки на гостинницу, и много съ нами разговаривали, и просили насъ, чтобы мы у нихъ погостили и отдохнули отъ путнаго труда, ибо теперь уже святая Аѳонская Гора недалеко, только осталось четыре дня ходу. Потомъ представили намъ трапезу добрую, но хлѣбъ предложили паки ячменный. Мы же много тому удивлялись, и боялись, думая: ежели здѣсь, среди міру —

монастырь, да и то ячменный хлѣбъ даютъ; то уже во Аѳонѣ долженъ быть пополамъ съ мякиной. Однако, мы спросили: «почему вы насъ угощаете ячменнымъ хлѣбомъ?» Намъ отвѣчали: «Простите насъ, отцы: мы другаго не имѣемъ, а который сами ядимъ, тѣмъ и васъ угощаемъ. Такое установленіе имѣемъ отъ ктиторовъ обители сея: аще кто хочетъ жить въ монастырѣ семъ,—другаго хлѣба да не ясть, кромѣ ячменнаго. Еще—у насъ женамъ входъ запрещенъ: хотя и близко градъ, только два часа ходу, а село почти рядомъ, но жена ни одна не бывала во вратахъ монастырскихъ, а только проходятъ мимо вратъ, молятся иконѣ, на вратахъ стоящей.» Еще мы спросили о водѣ—сколько времени она идетъ отъ того мѣста, гдѣ пошла въ землю, и до монастыря? Намъ сказали: «Прямо по долини, гдѣ текла прежде, только два часа и меньше; а теперь доходитъ въ двадцать четыре часа; это мы узнаемъ потому, что, егда пройдетъ дождь и возмутитъ воду, то мы запасаемъ чистой воды; а чрезъ двадцать четыре часа, послѣ дождя, проходитъ и къ намъ мутная вода. Еще по-выше монастыря есть пещера, столь великая и пространная, что ходимъ со свѣщами шесть часовъ, но изслѣдовать всю не можемъ. Тамо находимъ и воду сію». И иная многая намъ рассказывали. Спаси ихъ, Господи! — весьма страннолюбивы.

53. Еще намъ рассказывали о своемъ градѣ Серезѣ, что весьма великъ и богатъ. «Внутри града двадцать четыре церкви православныхъ. Есть Митрополитъ и Епископъ. И часто здѣшнихъ Митрополитовъ избираютъ во вселенскіе Патріархи Константинопольскіе. Власть во градѣ почти христіанская; хотя и есть

турки, но весьма мало, почти—одинъ Паша. Купечество тамъ весьма милостивое, много жертвуетъ во святую Аѳонскую Горю; весьма степенное: ни въ какія пустыя замѣшательства не входитъ, а со смиреніемъ яго турецкое носить. Во время 1818 и 1821 годовъ почти вся турція замѣшалась и пострадала; но градъ Серезъ остался вѣренъ Султану, и ни единая душа не пострадала и не пропала. Хотя и были у Султана въ сумнѣніи, и содержалъ 140 человекъ подъ стражею сорокъ дней, но послѣ всѣхъ выпустилъ. И теперь очень у Султана во уваженіи, и дана во градъ полная власть христіанамъ: и творять по граду крестныя ходы безъ всякаго препятствія. Богослуженіе отправляютъ на греческомъ языкѣ. Люди живутъ больше трехъ родовъ: Греки, Болгары, а болѣе Коповлахи,—всѣ—православныя христіане. Есть не много и турковъ. А жидовъ и нѣмцовъ не принимаютъ во градъ и жить, развѣ только пріѣзжаютъ на ярмарку. Наполненъ же градъ монашескимъ чиномъ, а наипаче монахинями. И множество женскихъ обителей, скитовъ и богадѣленъ и келій, такъ что по улицамъ не увидишь столько мирскихъ, сколько черноризцевъ и черноризницъ. И въ церквахъ чинъ и порядокъ наблюдаютъ весь монастырскій, какъ во святой Горѣ Аѳонской. И во всемъ градѣ нѣтъ ни жида, ни еретика, ни раскольника; только—мало турокъ. Мы же сіе слышавше, весьма радовались, и прославили Бога, что еще есть на свѣтѣ такіе благочестивые города. Много и въ Аѳонской Горѣ о немъ говорятъ добраго. Потомъ благодарили за ихъ бесѣду, и они разошлись; и мы сладко спали. По-утру послѣ утрени отправились мы въ путь. Отцы же, страннолюбивыѣ, насъ

напутствовали, проводили, и не совѣтовали намъ заходить во градъ; потому что улицъ множество, узкія и кривыя, и много будете блуждать, и много васъ будутъ останавливать и любопытствовать, и вы заночуете; а на утро—Недѣля: паки васъ не отпустятъ. Вы идите позади града. Простившись, мы пошли въ путь. Потомъ пришли ко граду Серезу. Отъ монастыря до града десять верстъ. Но мы во-внутрь не пошли, а пошли позади города. Градъ остался въ правой-рукѣ, но не много его захватили, и пообѣдали; хлѣба намъ дали блага пшеничнаго, вина добраго, густаго, сладкаго, подобнаго меду; во всю дорогу такового не пили. Мы спросили: « по-чемъ такое продается на базарѣ? » Намъ сказали, что по десяти паръ (т. е. по пяти коп.) око (т. е. три фунта вѣсу), и мы много удивились, что очень дешево. Пообѣдавши, пошли въ путь. И шли шесть часовъ, т. е. тридцать верстъ, чрезъ долину, по ровному мѣсту. Къ вечеру подошли къ горамъ. И взошли въ село христіанское Негриту; и приняли насъ ласково, но уже не болгары, а греки: по-болгарски мало что знаютъ говорить, и упокоили насъ пищею и пивіемъ.

54(~~Здѣсь~~) сказали намъ печальную вѣсть, что до св. Горы три заставы, и берутъ турки за бороды: на двухъ—по 25 левовъ съ человѣка, т. е. по 5 руб. съ бороды, а на третьей—по 12½ левовъ, т. е. по 2 руб. 50 коп.,—всего надобно намъ двоимъ отдать 125 левовъ, или 25 рублей. И объяла насъ великая скорбь—что мы столько не имѣемъ и денегъ; да и напрасно поганымъ туркамъ отдать не хочется; и начали спрашивать: не можно ли заставы какъ обойти? Намъ сказали: « Можно обойти, да не вамъ, потому что вы

дорогъ не знаете, не умѣете ни говорить, ни спросить, а по-болгарски здѣсь никто не знаетъ. Но ежели хотите знать дорогу, то, какъ изъ нашего села выйдете, возьмите въ лѣвую руку, а послѣ держитесь правой.» Мы здѣсь ночевали; по-утру была Недѣля: греки все пошли въ церковь, и мы зашли, не много помолились. Церковь каменная, великая и прекрасная, и множество иконъ и паникадилъ. Мы же, призвавши Бога на помощь, скоро изъидехомъ въ путь, и повертели съ большой дороги въ-лѣво. И много въ тотъ день блуждали по горамъ и по лѣсамъ. Однако, слава Богу, въ половинѣ дня попали въ деревню. Хотя и ни одного слова—ни мы не понимали жителей, ни они—насъ: но христіане намъ хлѣба и вина дали, и показали намъ путь. Мы же къ вечеру вышли на большую дорогу. Слава Богу! одну заставу обошли. Попался на пути обозъ; мы шли съ нимъ до поздняго вечера, и стали подходить къ другой заставѣ, о чемъ намъ извошники сказали. Мы же паки пошли въ сторону, гдѣ темной ночью много блуждали по лѣсамъ. И ночью одну рѣчку четырижды перебродили выше пояса; а вода—быстрая и холодная. Потомъ попали на дорогу, да не на свою. Около полуночи пришли въ село, и увидавши въ одномъ домѣ огонь, попросились ночевать, и насъ приняли съ любовію; это была гостинница; и упокоили насъ пищею и питіемъ. Гостинникъ не много умѣлъ говорить по-болгарски, и хорошо съ нами разговаривалъ, — истинный христіанинъ,—спаси его Господи! И сказалъ намъ: «Въ нашемъ селѣ есть стража и застава; но азъ рано васъ провожу, и покажу путь по другой деревнѣ: тамо уже больше заставъ не будетъ. А вы сюда зашли въ сто-

рону и даже назадъ ; наше село стоитъ на самомъ берегу моря. » Мы же потомъ уснули спокойно ; ибо весьма въ той день устали : ушли шестьдесятъ верстъ , да еще много блуждали ; весь день бѣжали безъ памяти , страха ради турецкаго . По-утру рано гостинникъ проводилъ насъ прямо чрезъ рѣчку , и показалъ намъ путь въ деревню . И пришедши въ деревню , не нашли ни одного , кто знаетъ по-болгарски ; и показали намъ путь на гору , и мы вздыхомъ на гору , и путь потеряли , такъ что никакого не стало . И блуждали по горамъ и по непроходимымъ лѣсамъ безъ всякихъ дорогъ (лѣсъ—все каштановый) , далѣе полудня . Хотя хлѣбъ и имѣемъ , да воды нѣтъ . Потомъ сошли паки въ долину . И тамо попали на дорогу , и воды нашли много . И мы подкрѣпились хлѣбомъ и водою , и пошли паки къ морю , и возлѣ моря нашли деревню . И во всей деревнѣ не нашли ни одного , кто бы зналъ по-болгарски . Мы же спрашивали дорогу на Низворъ . И намъ паки показали на гору . О , сколько намъ было тогда грустно и скорбно !

55. Потомъ пошли въ путь ; а вечеръ уже не далеко ; и мы шли на гору два часа , уже и поплакали и устали . Ибо сколько мы въ сіи два дня перелазили горъ и вертеповъ , и сколько плутали по лѣсамъ . И отъ болѣзни сердца своего восплакали , и воскликнули : « О , св. Гора Аѳонская ! Далекъ ли ты отъ насъ обрѣтаешься ? И когда ты нашимъ очесамъ откроешься ? И когда мы тебя увидимъ , и насладимся твоею красоты ? О , св. Гора Аѳонская ! Покажи намъ свою поднебесную высоту , и обвесели насъ скорбящихъ , и утѣшь насъ плачущихъ , обрадуй насъ болящихъ ! Уже ноги наши приустиали , и тѣло наше заболѣло , и души наши приу-

ными, и сандалии наши поносились. О, св. Гора Аѳонская! Когда будетъ то время, что мы на тебя будемъ смотрѣть? И когда придетъ то время, что мы по тебѣ будемъ ходить, и наслаждаться твоей красотой?»— Но хотя мы и приустали, но поспѣшали сколько могли, чтобы пораньше, за-свѣтло, подняться на гору. И поднимаясь, взошли на самый хребетъ. И вдругъ открылось намъ новое и радостное зрѣлище: мы увидали конецъ своему пути. Кругомъ виднѣлось море: по правую страну море, и по лѣвую море, и прямо впереди море. — Конецъ своему пути видимъ, а тихаго своего пристанища св. Горы Аѳонскія, не видимъ! О семъ много соболѣзновали. Потомъ спустились версты двѣ внизъ. И пришли въ село Низворъ, и одна жена гречанка подала намъ цѣлый теплый пшеничный хлѣбъ, за что мы ее благодарили. Въ селѣ Низворѣ двѣ церкви и Епископъ. Мы же взошли на гостиницу, гдѣ приняли насъ съ любовію. Гостинщикъ—молодой и ласковый, и знаетъ по-болгарски. Мы его начали спрашивать: «Гдѣ св. Гора Аѳонская? Покажи намъ её, да утѣшимъ мы свою скорбь.»

56, Онъ вывелъ насъ на крыльцо, и показалъ намъ многовождедѣнное наше пристанище, и сказалъ намъ, показывая рукою: «Вотъ св. Гора. Но теперь верха ея не видно, покрытъ облаками; онъ осенью и зимой мало когда открывается, но всегда покрытъ облаками, а лѣтомъ часто его видно. А это—его перешеекъ.» Мы спросили: «а сколько будетъ до перешейку, и сколько до Аѳону?» Онъ же сказалъ: «ежели скоро пойдете, то завтра къ вечеру дойдете до перешейка; а до верху Аѳона пять дней ходу.» Мы же не повѣрили, и сказали: «можетъ ли это быть? до перешейку

не болѣе одного часа, а до Аѳону одинъ день?» Онъ же сказалъ: «когда пойдете, тогда узнаете.»

57. Тогда мы восплакали, и пали на землю, и поклонились св. Горѣ, глаголюще: «Поклоняемся тебѣ, святоименитая Гора Аѳонская, Богородиченъ святыи доме! Поклоняемся и твоей игуменіи и назирательницѣ— Пресвятой Владычницѣ, Пречистый Дѣвѣ Богородицѣ! Поклоняемся твоимъ гражданамъ и жителямъ, великому ополченію Царицы Небесной,—св. отцамъ аѳонскимъ! Поклоняемся твоимъ св. лаврамъ, монастырямъ, киновіямъ, скитамъ и келліямъ! Поклоняемся твоимъ камешкамъ, кровію и слезами и потомъ омоченнымъ св. отцами аѳонскими! О, блаженные очи наши, видящіе тя, св. Гору Аѳонская! И благословенъ день сей, въ онъже сподобились мы тебя увидѣть. *Сей день, елиже сотвори Господь: возрадуемся и возвеселимся въ оны.* Сей воистинну святыи и всепразднственный день, въ онъже увидахомъ тя, св. Гору Аѳонская. Днесь мы видимъ отъ скорбей нашихъ утѣшеніе, отъ печалей премѣненіе, дальнаго и жестокаго и многотруднаго пути окончаніе!» — Потомъ вечеромъ упокоили насъ пищею и питіемъ; и сами, гостинникъ съ женою, съ нами возвеселилися. Спаси ихъ Господи! И греки весьма страннолюбивы, любовны и уважительны. Потомъ мы спали спокойно; по-утру рано встали, и пошли въ путь. Гостинникъ далъ намъ хлѣба на путь, и мы шли радуясь, и единъ другаго предваряя. А путь все подъ гору, и мы бѣжали: яко елени бѣгутъ ко источникамъ воднымъ, тако мы бѣжали ко св. Горѣ Аѳонской; всю свою немощь и всю усталость оставали назади, въ Балванскихъ горахъ и въ македонскихъ лѣсахъ. *И обновися, яко орля, юность*

наша. Позабыли всѣ скорби и болѣзни, и непроходимыя горы и лѣса, страхи и ужасы отъ турковъ и разбойниковъ. Вся мимо идоша, нынѣ вся нова быша. Нынѣ радость и веселіе. Нынѣ видимъ многовождемънное и давно возлюбленное наше сокровище, которое видѣть съ юныхъ лѣтъ неограниченное имѣли желаніе,—видимъ св. Гору Аѳонскую. Было сладостно и радостно только слышать про св. Гору, и видѣть ее изображенную на стѣнахъ: како же намъ было днесь не радоваться и не веселиться, когда устремили мы свои очи прямо на св. Гору Аѳонскую, и видимъ ее уже не въ гаданіяхъ, якоже прежде, но лицомъ къ лицу? Хотя и тщилися къ вечеру до ней достигнуть, но не получили той радости; и помыслили—когда наши ноги по ней пойдутъ, когда наши грѣшныя руки будутъ ее осязать, когда наши скверныя уста будутъ лобызать ея святыню. И тако радуящися, свидохомъ къ самому морю. И шли подлѣ моря по заплеску. Около полудня пришли на источникъ, сладкую и холодную воду точашій. И здѣсь вкусили хлѣба; и наки пошли въ путь. И уже близко вечера пришли въ село Ерисово, или Гирсово; греки приглашали насъ ночевать, и говорили, что ихъ уже послѣднее село до св. Горы. А до монастыря Хилендаря далеко, девять часовъ ходу, т. е. 45 верстъ: Мы же спросили: «а что, не можемъ ли ночевать на пути?» Они сказали: «можете: есть монастырскіе метохи, т. е. хутора». Мы не медля пошли въ путь далѣе.

58. Отъ села Гирсова отшедши верстъ пять, подошли къ перешейку. Перешеекъ отъ моря до моря съ-полверсты. Здѣсь прежде была каменная стѣна: башни еще и до-днесь стоятъ; но стѣна разруши-

лась. Мы же, подошедши, пали на землю, и обливаясь слезами говорили: «Прими насъ, Владычице; прими, Пресвятая и Пречистая Дѣво Богородице; прими насъ, Небесная Царице, въ Свой святыи жребій; прими насъ, обремененныхъ грѣхами; прими подъ Свое покровительство! О Владычице, прими насъ отъ суетнаго и многмятежнаго міра и отъ его прелестей! Прими, Владычице, во Свое тихое пристанище; прими насъ, заблудшихъ овецъ, во Свою небеси подобную ограду! Причисли и присоедини насъ къ Своему избранному стаду! О Владычице, не возгнушайся насъ грѣшныхъ рабовъ Твоихъ, и не отрини насъ скверныхъ, но сама насъ очисти и освати, и благослови насъ путешествовать по святому Твоему жребію грѣшными нашими ногами! Прими, Владычице, и наставь насъ найти пастыря, отца духовнаго, который бы насъ руководствовалъ ко спасенію по незаблудному пути, ведущему въ царствіе небесное! О Владычице, покажи намъ и мѣсто, гдѣ мы спастися! Сподоби насъ, Владычице, во святомъ Твоемъ жребіи препроводить въ покаяніи остальные дни жизни нашей, и скончатъ животъ нашъ, а по смерти сподоби получить намъ вѣчное блаженство! Аминь.»

Тако помолившись, со страхомъ и трепетомъ вступили въ жребій Божіей Матери. И шли одинъ часъ. Потомъ пришли къ метоху, т. е. хутору, и стали проситься ночевать. Тамъ же всѣ—греки: языку нашего не понимаютъ, а показываютъ впередъ, что тамо есть болгары. Мы же пошли далѣе, и еще шли одинъ часъ. И отъ самаго перешейку шли все по ровному мѣсту, полями и лѣсами: лѣсъ—болѣе кедровый и сосновый, и дикія масличныя дерева.

59. Потомъ начали подходить къ самой св. Горѣ. Подъ горой—великій садъ масличныхъ дровъ, и много братіи и работниковъ собираютъ масличныя ягоды. Мы сказали : « помози вамъ , Боже, отцы св. и братія ! » Они отвѣтили : « спаси васъ Господь ! » Мы же возрадовались, услышавъ и познавъ, что они—болгары. Мы спросили : « какаго монастыря ? » Они отвѣтили : « Хилендаря. » Мы попросились ночевать, и они насъ съ любовію приняли. И въ вечеру сотворили насъ участивками своей трапезы, и упокоили насъ пищею, хлѣбомъ и виномъ. О, коль сладка и пріятна и весела была вамъ сія трапеза! Потому что уже утѣшались не съ мірскими , какъ прежде , и не съ женами , но со святыми отцами, съ жителями св. Горы Аѳонскія. И они любезно съ нами разговаривали и спрашивали насъ : « Какъ мы прошли такой дальный и прискорбный путь ? Какъ переходили великія горы Балканскія , и не претерпѣли ли какой обиды отъ турковъ и отъ разбойниковъ ? » И мы имъ все рассказали, и они весьма о насъ сожалѣли, и утѣшали насъ, говоря : « теперь, слава Богу , вотъ св. Гора Аѳонская : всѣ кончились ваши страхи и скорби и ужасы ; завтра рано вступите на св. Гору , и въ нашъ монастырь прійдете ночевать. » Мы же отъ радости проливали источники слезъ, видя аѳонскихъ братій , совершенную любовь имущихъ , и неограниченное ихъ страннолюбіе и страннопріятіе : еще мнѣ во всю жизнь свою не случалось видѣть такую любовь имущихъ людей. И часто мы возводили очи свои на св. Гору, помышляя, что сидимъ мы въ самомъ ея преддверіи , у самой ея подошвы , какъ Марія у ногъ Христовыхъ. И благодарили Царицу Небесную за Ея

неограниченныя къ намъ милости, что сподобила насъ достигнуть до св. Горы Аѳонской; и часто восклицали: « Благодаримъ Тя, наша Владычице! Благодаримъ Тя, Пречистая Дѣво Богородице, за Твои неизреченныя къ намъ благодѣянiя, яко сподобила насъ вступить въ святой Свой жребiй! И съ какою любовiю и привѣтствiемъ встрѣтила насъ и приняла въ предверiй! Еще только стали входить во врата, а уже и встрѣтила Ты насъ своею милостию. О Царица Небесная! Какъ Ты сама милостива къ роду человѣческому: такихъ имѣешь и рабовъ Своихъ, жителей и обитателей Своего жребiя. » Потомъ легли спать, и отцы снабдили насъ своей одеждой, чтобы мы не простудились: ибо тогда уже были ночи холодныя, было 7-е число Ноября. По-утру воставши, отцы дали намъ на путь хлѣба и вина въ тыквыцы, маслицъ и смоквинъ и изюму; день тотъ былъ среда и праздникъ св. Архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ Силъ. И на прощаньи отцы просили насъ, чтобы въ ихъ монастырь зашли ночевать. Мы же благодарили за ихъ любовь. Здѣсь хлѣбъ ѣли мы бѣдъи ишеничный, вкусный; мы всю дорогу не ѣли таковаго. Не такъ какъ въ Македонiи—ѣдятъ ячменный. Вотъ какъ Царица Небесная чадъ Своихъ и работниковъ утѣшаетъ, и Своихъ воиновъ успокояетъ!

60. Мы же, простившись и вышедши, вступили уже якобы въ самыя двери св. Горы, и воспѣли: « Милосердiя двери отверзи намъ, благословенная Богородице! Надѣющiися на Тя да не погибнемъ, но да избавимся тобою отъ бѣдъ! Ты бо еси спасенiе рода христіанскаго. » Вступили на Гору; и пошли по самому острому камню, и было весьма круто. И мы

каждый ступень омочали слезами отъ радости, и пригъвали разные стихи, радости нашей приличные: «возвѣдохомъ очи наши въ горы, отнюдуже придетъ помощь наша: помощь наша отъ Господа, сотворшаго небо и землю.» И паки: «на горы, душе, воздвигнемся: гряди тамо, отнюдуже помощь идетъ.» Взошли на гору съ-полчаса, и взошли на самый хребетъ. День тогда былъ ясный.

61. И открылась намъ восточная страна св. Горы Аѳонскія: множество горъ и холмовъ и великихъ удолий; покрыты всѣ темными лѣсами. Изъ-за горъ выше всѣхъ холмовъ показываетъ свою обнаженную главу самъ Аѳонъ. Но до него было еще далече, болѣе ста верстъ. У Аѳона самый верхъ—голый и острый; самъ онъ стоитъ выше всѣхъ горъ и холмовъ, какъ отецъ выше дѣтей своихъ. И мы ему поклонились, какъ отцу всея Горы Аѳонскія. Монастырей же и скитовъ ни одного не видимъ: они всѣ спрятались подъ крыльшки своей матери; стоятъ между горъ въ удолияхъ, въ тихихъ и безмолвныхъ мѣстахъ. Мы же шли радуясь и веселясь. Якоже агнцы на травѣ пасущися играютъ: тако мы, по св. Горѣ Аѳонской идуще, веселихомся. По лѣвую страну насъ было море, по правую страну св. Гора, и впереди насъ св. Гора, и взади насъ св. Гора. Оставайся теперь ты, мѣръ, со всѣми своими прелястями и со всѣми превратными и непостоянными своими красотами. Уже не боимся теперь твоихъ буйныхъ вѣтровъ; не боимся твоихъ великихъ волнъ, вмиже ты прельщаешь и уловляешь, разбиваешь и потопляешь рабовъ Божіихъ, хотящихъ спастися. Уже мы теперь въ тихомъ и небурномъ пристанищѣ. Уже не боимся те-

перъ Балканскихъ горъ: Не боимся теперь поганыхъ турокъ и разбойниковъ. О Господи! За что прежде всего воздадимъ Тебѣ благодареніе? Яко многихъ и великихъ исполнилъ еси насъ благъ, и великія и неизреченныя Свой милости изліялъ еси на насъ. Благодаримъ Тя, Господи, яко избавилъ еси насъ отъ душепагубнаго раскола, и присоединилъ насъ грѣшныхъ ко Своей Св. Церкви. Благодаримъ Тя, Господи, яко сподобилъ еси насъ перейти такой дальній путь безъ великихъ скорбей и напастей. Благодаримъ Тя, Господи, яко сохранилъ еси насъ неврежденныхъ отъ поганыхъ турокъ и разбойниковъ. Благодаримъ Тя, Господи, яко сподобилъ еси насъ достигнуть въ сіе тихое пристанище, — во жребіи возлюбленной Твоей Матери, Дѣвы Маріи, наша Владычицы, Богородицы. Теперь сподоби насъ, Господи, въ семь тихомъ пристанищѣ провести остальные дни жизни наша, и въ покаяніи скончать животъ нашъ! Теперь Господи, препоручи насъ на сохраненіе и на распоряженіе возлюбленной Твоей Матери!» И тако вдохомъ по святой Горѣ, радостныя слезы испущающе, и благодарственные гласы возсылающе. И шли мы все съ горы на гору: по обѣимъ странамъ великіе лѣса, больше сосновые и кедровые; попадались много деревъ прекраснаго платану, но мы не знали—какъ называется, а только удивлялись его красотѣ и его прекрасному листвию. По дорогѣ все камень. По сторонамъ много было разныхъ цвѣтовъ, и много цвѣло дровъ, какъ въ Молдавіи весной, и много на древахъ плодовъ было, но мы не знали—какъ ихъ звать, и боялись ихъ вкушать. Это была камарня, красная и бѣлая.

62. Въ половинѣ дня пришли къ фонтану, добрую и холодную воду имущему. Подлѣ фонтана стоитъ крестъ. Мы же, помолившись, сказали: « прежде всего встрѣтилъ насъ крестъ: видно, намъ въ св. Горѣ надобно понести крестъ иноческаго житія.» Потомъ пообедали и мало опочили, и паки пошли въ путь, но жилищъ монашескихъ никакихъ не видали, а только одни лѣса и горы и камни. Потомъ начали мало скорбѣть о томъ, что намъ говорили въ Молдавіи, — что безъ денегъ не примутъ и ночевать, а не только жить. А мы что будемъ дѣлать? У насъ у двоихъ осталось только 50 левовъ, или 10 рублей: насъ и ночевать не пустятъ; и восплакали: « О Владычице наша, Пресвятая Богородице! На Тя надѣющеса, приидомъ во св. Гору, а не на деньги; и не на человѣка, но на Тебя, Царице Небесная, надѣмся, и Тобою хвалимся, твои бо есмы раби: да не постыдимся.» Былъ уже не далеко вечеръ; взошли мы на одну небольшую гору, и вдругъ открылось намъ много келій и скитовъ, а къ морю на камени стоятъ небольшой монастырь. Мы возрадовались, что уже наступаютъ жилища свято-горскія и монашескія обиталища, и помышляли, что это самый монастырь Хилендарь. И увидали, что идутъ поперегъ дороги два монаха. И они, увидавши насъ, подождали. Мы подошедши къ нимъ, поклонились, и они насъ спросили: « откуда и какого роду?» Мы сказали: « роду русскаго, а проживали въ Молдавіи.» Одинъ изъ нихъ сказалъ: « я и самъ русскій—орловской губерніи», и много съ нами разговаривалъ, а послѣ сказалъ: « ежели вамъ угодно, то приму въ ученики.» Мы же отвѣтили: « Спаси васъ Господи! Посмотримъ—какъ бу-

детъ угодно Божіей Матери.» Еще мы спросили: «а гдѣ монастырь Хилендарь, и далеко ли до него?» И они показали его внутри горъ по долинѣ, и сказали, что полчаса ходу до него. Мы же спросили: «а сей—что за монастырь на берегу моря стоитъ?» Они сказали: «сей монастырь—Вознесенскій, называемый Старый; въ немъ братіи живутъ не много; онъ принадлежитъ къ монастырю Хилендарю.» Мы же, поклонившись имъ, пошли къ монастырю Хилендарю; шли и говорили: «слава Богу! первая встрѣча добрая: уже въ ученики зовутъ, а денегъ не спрашиваютъ!»

63. И шли мы по ровному мѣсту, по мягкой землѣ; дорога широкая и колесная, какой мы отъ самой Молдавіи не видали: пескомъ, какъ нарочно, усыпана. Хотя въ Аѳонѣ и нѣтъ обычая ѣздить на колесахъ, но въ Хилендарѣ позволяетъ мѣсто до моря, до пристани. По сторонамъ—трава зеленая, цвѣтами покрытая; лѣсъ—прекрасный, дубовый и лавровый, какъ нарочно насажденный, и частые садочки: виноградные, масличные и смоковничные, и воздухъ прохладный. И мы идуще, какъ въ раю, радуемся и веселимся, и удивляемся красотѣ мѣста, и сколь есть прекрасна св. Гора Аѳонская! По правую руку бѣжитъ небольшая рѣчка съ холодной водою. И какъ стали мы выходить изъ лѣсу,—открылось намъ множество кипарисовъ прекрасныхъ, какъ роща. Позади кипарисовъ стоитъ спрятавшаяся въ самой тишинѣ и безмолвіи св. великая Лавра, пречестная обитель Хилендарская. И когда она намъ открылась вся, то мы не могли далѣе идти: стояли изумѣваясь и много удивляясь, и плача сами себя говорили: «Что мы видимъ? не мечтаніе ли? не привидѣніе ли? не во снѣ ли

намъ показывается, чего мы не чаяли, ниже помыслили? Неужели таковы аеонскіе монастыри? Неужели таковы святогорскія обители? Былъ я въ Кіевѣ, былъ я въ Москвѣ, былъ я въ Саровской пустыни, былъ я въ Молдавіи и въ Буковинѣ: но ни гдѣ таковыхъ монастырей не видалъ.

64. Не много отошли, и се внезапно, по лѣвую сторону дороги, увидали новую и преславную вещь: стоитъ сама Игуменія св. обители Хилендарскія—Пресвятая Владычица наша, Пречистая Дѣво, Богородица; стоитъ чудотворная ея икона Троеручица — подлинный списокъ съ настоящей, отъ древнихъ лѣтъ здѣсь поставленный. И предъ нею стоитъ подсвѣчникъ со свѣщю, и горитъ неугасаемая лампада. Мы, увидавши еѣ, бросились къ ней, и пали предъ нею на землю, восплакали, и со слезами къ ней возопили: « О Пресвятая наша Владычице, Пречистая Дѣво, Богородице, прости насъ грѣшныхъ! О Небесная Царице, благослови насъ недостойныхъ рабовъ Твоихъ! О Владычице! или Ты вышла встрѣчать насъ? О Владычице! или Ты вышла изъ Своей обители обласкать насъ странниковъ, не имѣющихъ гдѣ главы подклонити? О Небесная Царице! или вышла утѣшить насъ скорбящихъ? О Владычице! Только лишь успѣли увидеть Твою святую обитель, еще не успѣли ее хорошенько разсмотрѣть: а Ты уже сама насъ встрѣчаешь! О Царице Небесная и Назирательница св. Горы Аеонскія! Ты еси сама въ ней Госпожа и Игуменія. Прими насъ, Госпоже, заблудшихъ овецъ во Свою ограду. Прими насъ, Госпоже, странниковъ, не имѣющихъ гдѣ главы подклонити, во Твою святую обитель. О Госпоже, не возгнушайся насъ грѣшныхъ! Якоже возлюбленный

Твой Сынъ и Богъ нашъ сказалъ : *грядущаю ко Мнѣ не изжгюу оубо*: тако и Ты , о Владычице ! пріими насъ отъ суетнаго міра къ Тебѣ пришедшихъ. Пріими, Владычице, насъ обремененныхъ грѣхами и немощныхъ. Пріими насъ, Небесная Царице , во Свой святыи жребій, данный Тебѣ отъ Сына и Бога Твоего. Пріими насъ подъ Свое покровительство. Покрой насъ, Владычице, честнымъ Своимъ омофоромъ, и причисли насъ къ избранному стаду Твоему; присовокупи насъ къ великому Своему ополченію. О Всемилостивая Владычице! сподоби насъ обрѣсти отца духовнаго и наставника не прелестнаго, и путеводителя къ вѣчному блаженству. О Владычице, покажи намъ и мѣсто—гдѣ имѣемъ спастися ! О Владычице , сама буди о насъ попечительница , сама буди намъ помощница и заступница ; сама буди намъ наставница и учительница, наставляя и научая насъ на полезное. Сама бо Ты , Владычице , Своими пречистыми устами произнесла такое обѣщаніе о св. Горѣ Аѳонской: «Сей—Мой жребій, данный отъ Сына и Бога Моего Мнѣ; и не имамъ его оставити даже до скончанія вѣка. Аще кто въ немъ будутъ жити и препровождать жизнь свою, сама буду имѣть о нихъ попеченіе, промышляюще о всемъ имъ нужномъ къ житію , сама буду имъ врачъ и пвтатель, научающи и вразумляющи ихъ на благое, отвращающи же отъ неполезныхъ. А кто соблюдетъ заповѣди Сына Моего, и здѣсь скончаетъ животъ свой,— сама предстану у Сына и Бога Моего , и испрошу оставленія грѣховъ ихъ. » Такое-же Ты , Владычице, дала обѣщаніе и св. Петру Аѳонскому. Такое Твое обѣщаніе и мы услышавши, грѣшніи , приидомъ отъ далечайшія страны во св. Гору Аѳонскую,—

во Твой святой жребій , подъ Твое, Владычице , покровительство ; прими и насъ подъ Свое попеченіе, да и на насъ исполнится Твое обѣщаніе. Сподоби же насъ, Владычице, препроводить остальные дни жизни нашей во святомъ Твоемъ жребіи, во св. Горѣ Аѳонской, и въ покаяніи скончать животъ свой. А по смерти нашей , якоже обѣщались у Сына и Бога Своего просить оставленія грѣховъ нашихъ, сподоби намъ получить вѣчное блаженство. Аминь.» И тако помолвшись встали, и лобызали св. икону. И паки къ ней говорили : « Иди съ нами, Владычице , невидимо , и прими насъ во Твою святую обитель, и упокой насъ странниковъ, и отъ пути утружденныхъ. Сама бо Ты, Владычице, здѣсь Игуменія и Начальница. Къ Тебѣ бо приидомъ прежде поклониться, и отъ Тебя прежде получить благословеніе на прожитіе во Твоемъ святомъ жребіи—Горѣ Аѳонской.

65. Потомъ шли мы къ монастырю , между кипарисовъ; и егда вышли изъ кипарисовъ,—открылся намъ монастырь весь явственно. И мы же много чудились и удивлялись великолѣпію и красотѣ монастыря. И не чудно бы было намъ, ежели бы мы увидали такой огромный и прекрасный монастырь въ Молдавіи или въ Россіи—подъ христіанскою державою: но то чудно, что болѣе 400 лѣтъ Аѳонская Гора находится подъ тяжкимъ игомъ турецкимъ, что по всей Турціи,—по селамъ и по градамъ, всѣ церкви и монастыри раззорены, а хотя и есть вновь выстроенные, но и то—безъ куполовъ и безъ крестовъ, безъ колоколенъ и безъ звоновъ, на-подобіе домовъ; но здѣсь видимъ не такъ, но въ полномъ христіанскомъ благолѣпіи. Монастырь обнесенъ весь не оградою, но корпусами

келлій—въ четыре и пять этажей : въ нижнихъ двухъ этажахъ только во-внутрь монастыря подѣланы окна, а въ верхнихъ—на обѣ стороны; стѣны усыпаны множествомъ оконъ съ крыльцами , галереями и балконами; всѣ раскрашены красками , также и окна , и между оконъ выкрашено. Извнутри же монастыря надъ корпусами возвышается много куполовъ, покрытыхъ оловомъ , съ главами и крестами ; также и колокольня съ колоколами и съ крестомъ , и двѣ высокія пирги, т. е. башни. Всѣхъ церквей въ монастырѣ болѣе двадцати: двѣ—посреди монастыря, а прочія—въ корпусахъ. Кто такому великолѣпію можетъ не почудиться? Днесъ увидѣли мы исполненнымъ Божіей Матери обѣщаніе о св. Горѣ Аѳонской : « сію гору Азъ избрала изо всея вселенныя въ жилище Себѣ; сама буду здѣсь пребывать и сохранять; сей—Мой жребій; и не имамъ его оставити до скончанія вѣка. » Здѣсь мы видимъ словесъ сихъ событіе : св. Гора Аѳонская одна въ Турціи осталась въ древней полной своей красотѣ невредима, и процвѣтаетъ, яко кринь посреде тернія ; и яко свѣтильникъ стоитъ на свѣщникѣ, и въ темной храниѣ всѣхъ освѣщаетъ. И якоже солнце на небеса сіяетъ и своими лучами весь міръ освѣщаетъ и согрѣваетъ : также и св. Гора Аѳонская аще и въ турецкомъ царствѣ , аще и въ неволѣ пребываетъ, аще и подъ тяжкимъ игомъ турецкимъ находится, но сіяетъ своимъ древнимъ благочестіемъ и просвѣщаетъ вселенную, красуется своею красотою ; и не боится турецкой власти, и никакого человѣческаго страхованія, потому что имѣетъ надъ собою назирательницу—саму Небесную Царицу, Которая ее спасаетъ и избавляетъ отъ всякихъ бѣдъ и напастей.

66. Помалу идуще и Божию Матерь прославляюще, приидохомъ къ самымъ вратамъ монастырскимъ. Врата и обѣ ихъ страны, и выше вратъ, все расписано иконнымъ писаніемъ, праздниками и разными чудесами Пресвятыя Богородицы. Надъ самыми вратами стоитъ великая икона Богородицы; предъ ней виситъ большой фонарь съ лампадой горящей. Подлѣ вратъ на скамьяхъ сидѣли до десяти монаховъ, сѣдинами украшенныхъ. Мы, предъ иконою сотворивши три поклона, отцамъ поклонились, и они насъ привѣтствовали, и спросили: «отъ какой страны, братія, пришли къ намъ?» Мы же отвѣтили: «отъ далекой страны, отцы святіи, отъ земли молдавской.» Они еще спросили: «Зачѣмъ потрудились пройти такой дальній путь: только поклониться, или и пожить?» Мы же отвѣтили: «я поклониться, отцы святіи, и препроводить остальную жизнь свою, аще угодно будетъ Божіей Матери.» Они сказали: «благое—ваше намѣреніе; здѣсь Царица Небесная всѣхъ съ любовію принимаетъ.» Потомъ подошелъ къ намъ вратарь, и спросилъ насъ: «чего здѣсь желаете?» Мы отвѣтили, что желаемъ въ монастырь почевать. Онъ же сказалъ: «подождите здѣсь, пойду спрошу епитропа.» Потому вратарь пошелъ къ епитропу, что здѣсь игумена нѣтъ, а Игуменія—сама Пресвятая Богородица. А епитропъ избирается только на одинъ годъ. Мы сѣли въ бесѣдкѣ, подъ балдахиномъ, гдѣ всегда странніе отдыхаютъ. И тутъ бѣжитъ изъ фонтана холодная вода: мы хотѣли напиться; но отцы намъ не велѣли, и сказали: «не пейте; вода сія для здоровья вредна; сейчасъ пойдете въ монастырь, и тамъ дадутъ вина.»

67. Потомъ вышелъ вратарь, и повелъ насъ въ монастырь. И мы пошли во врата со страхомъ и радостію. Прошли двое вратъ желѣзныхъ, и пришли на дворъ, но еще не въ монастырь: тутъ были хлебные магазины, конюшни, плевницы и работническія кельи. Вся вокругъ постройка—каменная, четырехъ-этажная. Потомъ еще прошли врата желѣзныя—третьи, и вошли внутрь монастыря. И возведохомъ окрестъ очи наши, и увидали не монастырь, а царскій дворець, или—райскія чертоги. Монастырь—пятиугольный: четыре страны—четырёхъэтажныя, а пятая—въ пять этажей. Всѣ стѣны усыпаны окнами и галереями, и во всѣхъ этажахъ подъ окнами стелется и вьется кроватной виноградъ. По монастырю много растеть кипарисовъ, лимонныхъ и апельсиновыхъ древъ съ плодами. Посреди монастыря стоятъ двѣ церкви: одна—великій соборъ седьмивратный, въ память Введенія Пресвятыя Богородицы, а другая—небольшая. Вратарь привелъ насъ въ трапезу, и приказалъ насъ покормить. Трапеза вся расписана иконнымъ писаніемъ; но отъ древности весьма потемнѣла. И стоитъ до тридцати столовъ,—всѣ мраморные и полукруглые, и каеэдра для чтенія, чему мы весьма удивлялись. Потомъ представили намъ трапезу постную и хлѣбъ бѣлый пшеничный, и вина вдоволь; трапезарь сидѣлъ подлѣ насъ и подчивалъ, любезно съ нами разговаривалъ, и много насъ спрашивалъ. Мы же ядохомъ, и благодарихомъ Божию Матерь, что такъ ласково насъ приняли и угощаютъ.

68. По трапезѣ, трапезарь проводилъ насъ на гостинницу, привелъ въ третій этажъ, и препоручилъ насъ гостиннику. Гостинникъ же ввелъ насъ въ го-

стинницу, но не въ такую, какъ въ Россіи и Молдавіи, но ввелъ насъ въ великій залъ, со многими окнами, весь раскрашенный разными красками. Полъ устланъ прекрасными преиспещренными коврами; около стѣнъ—тюфяки и подушки изъ разной матеріи. Мы боялись идти своими пыльными съ пути ногами. Гостинникъ же сказалъ намъ: «идите, не бойтесь: они для того и посланы, чтобы по нимъ ходить». Мы же со страхомъ пошли, и сѣли на тюфяки: намъ стыдно было ходить въ обуви по такимъ дорогимъ коврамъ, и мы разулись. Потомъ принесли намъ на поднось угощенія—разныхъ напитковъ и сладкаго варенія и кофею. Мы же что могли выпили, а за прочее благодарили. А сами они ходятъ въ чулкахъ однихъ, а башмаки свидають у порога. И весьма они намъ рады были, какъ родные братія или родители, и всѣ съ нами сѣли и любезно разговаривали, и насъ утѣшали. Въ монастырѣ Хилендарѣ вся братія славянскаго языка, болгары и сербы, грековъ же—ни одинаго. Мы же сидѣли веселящися, и отъ радости многи слезы проливающе, и единъ другому говорили: «знать, любезный братъ, мы пришли не въ Аѳонскую Гору и не къ земнымъ человѣкамъ, но вѣрно, мы пришли въ горній Іерусалимъ, въ райскія чертоги, къ самой Царицѣ Небесной и къ самимъ небеснымъ Ангеламъ». Потомъ ударили къ вечерни. Азъ сказалъ своему брату: «пойдемъ въ церковь: тамо еще что-нибудь узримъ неизреченное». Онъ же мнѣ отвѣтилъ: «не пойду: весьма усталъ, и ноги болятъ». Азъ ему сказалъ: «и у меня ноги болятъ, и усталъ; но терпѣнія нѣтъ, чтобы не сходить, и не поклониться Божіей Матери, и не посмотрѣть церковь».

69. И пошелъ азъ единъ; и пришедши къ паперти, поднялся нѣсколько ступеней, и положилъ три поклона, и обозрѣлъ кругомъ. Вся паперть поддерживается многими мраморными цѣльными столбами. Вся церковная стѣна и верхъ расписаны иконнымъ стѣннымъ писаніемъ высокой греческой работы; изображены разныя Евангельскія событія. Потомъ внидохъ во-внутрь въ великую церковь, но тамо нѣсть церковь, а притворъ внутренній. Полъ—изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, и свѣтится, яко стекло, и множество оконъ, и отъ того весьма свѣтелъ; имѣеть пять куполовъ, и виситъ пять паникадилъ. Поддерживается четырьмя мраморными столбами, весь расписанъ иконнымъ писаніемъ, и множество иконъ. Въ него—трое вратъ со двора, и трое изъ него—во-внутрь въ великую церковь, всѣ задернуты шелковыми занавѣсами, и много лампадъ; стѣны уставлены вокругъ монашескими мѣстами (формами). Потомъ мнѣ отцы сказали, чтобы я вошелъ во-внутрь. Азъ же идохъ трепещущи въ боковыя сѣверныя двери; и поднялся еще на три ступени выше, и вошелъ въ храмъ, подобный первому, но и тамо нѣсть церковь, а внутренній притворъ. Въ немъ три купола, и виситъ три паникадила; поддерживается онъ двумя столбами мраморными; въ него—двое вратъ снаружи, и трое вратъ во внутренній великій храмъ; всѣ задернуты завѣсами; весь расписанъ иконнымъ писаніемъ, и полъ разномраморный, и вокругъ уставленъ монашескими мѣстами, и весьма свѣтелъ. Здѣсь читали девятый часъ. Азъ же окаянный, яко странень, стоялъ въ углѣ со страхомъ и трепетомъ, и помышлялъ въ себѣ: что сіе азъ вижду? на семъ ли свѣтъ, или во снѣ?

70. Потомъ подошелъ ко мнѣ одинъ монахъ, и повелъ мене еще во-внутрь, и еще на три ступени поднялись. И взошли сѣверными дверьми въ великій настоящій храмъ, и поставилъ мене въ монашеское мѣсто, лицомъ противъ иконостаса. Братія же, кончивши девятый часъ, отдернули всѣ занавѣсы, и взошли въ великую церковь, и каждый творилъ Игуменіи по три поклона земныхъ, и лобызалъ ю, а потомъ обратившись на востокъ творилъ по два поклона въ-поясъ, и лобызалъ икону на аналоѣ, и паки творилъ единъ поклонъ. И потомъ каждый отходилъ на свою страну, творилъ братіи поклоненіе, и становился на своемъ мѣстѣ, съ навѣшеннымъ на очи клобукомъ и наклоненною главою, и стоялъ каждый во своемъ мѣстѣ со смиреніемъ. И тако наполнились обѣ страны клиросовъ и вся церковь братією. Потомъ вышелъ іеромонахъ въ соборной мантии и клобукѣ, положилъ три поклона земныхъ Игуменіи, взялъ отъ Нея благословеніе, подошелъ къ царскимъ вратамъ, и, скинувъ клобукъ съ камилавки, надѣлъ на себя епитрахиль: она висѣла подлѣ царскихъ вратъ; потомъ сотворилъ три поклона, и обратясь поклонился Игуменіи. И потомъ возгласилъ: *благословенъ Богъ нашъ*, по-славянски. И самъ епитропъ началъ читать вечерню кротко, тихо и не борзясь. Потомъ діаконъ младый сказывалъ ектенію сладкогласно. Каѳисму читали кротко, не борзясь: на каждой «*славъ*» на «*аллилуіа*» творили по три поклона всѣ равно. Чтеніе и благочиніе приводило меня въ удивленіе; все правятъ со страхомъ и трепетомъ, благочинно, все по-ряду, единъ другаго пережидаютъ. Егда пришло время «*Господи воззвахъ*», тогда вышелъ кононархъ въ собор-

ной мантии, в положивши три поклона Игуменіи, сталъ лицомъ къ клиросу, руцѣ имѣя согбенны къ персямъ, лице почти все покрыто клобукомъ, и сказалъ *гласъ*, и поклонился до земли. На клиросѣ начали пѣть «*Господи, воззвахъ къ Тебѣ,*» и проч. протяженнымъ и умиленнымъ гласомъ, греческимъ напѣвомъ, весьма сладкогласно, всѣ три псалма на гласъ, по стихамъ. Діаконъ же въ то время кадилъ. На кадилѣ же на пѣпочкахъ припѣплены бубенчики, и бряцаютъ весьма звонко; и кадилъ иконы каждую троекратнымъ каденіемъ. Игуменію же трижды по-трижды, всю же братію каждаго двукратнымъ крестообразно каденіемъ, и каждому дѣлалъ низкое поклоненіе, и кадилъ не борзаясь, но тихо и кротко; такожде и братія каждый ему поклонялся, и привлекалъ къ себѣ рукою омианъ. Стихиры всѣ пѣли съ канонархомъ; канонархъ ходилъ съ книгою, съ клироса на клиросъ, въ однихъ чулкахъ, для сбереженія драгоценнаго пола, и низко поклонялся. Егда же сказалъ *славу*: тогда среди церкви остановился, и сдѣлалъ къ царскимъ вратамъ поклонъ. *Славникъ* пѣли на распѣвъ протяжно. «*Свѣте тихій*» читалъ самъ епитропъ, «*прокименъ*» вышелъ сказывать канонархъ. Сотворивши три поклона къ царскимъ вратамъ, скинулъ клобукъ съ камилавки, и сказалъ «*гласъ первый, прокименъ, со стихами.*» Потомъ, сотворивши единъ поклонъ къ царскимъ вратамъ, надѣлъ клобукъ на камилавку, сотворилъ по земному поклону на клиросы, и пошелъ на свое мѣсто. «*Сподоби Господи*» читалъ епитропъ. *Стиховны* пѣли не на сходѣ, а по клиросамъ съ канонархомъ. Егда же начали пѣть *стиховны*, тогда епитропъ подошелъ къ Игуменіи, сотворилъ два поклона земныхъ, и приложился къ Ней,

и паки сдѣлалъ одинъ поклонъ ; потомъ подходилъ ко всѣмъ мѣстнымъ иконамъ, предъ каждою творилъ по два поясныхъ поклона, и лобызалъ икону, и паки—единъ поклонъ ; потомъ и на аналоѣ такожде лобызалъ икону. Потомъ вышелъ на средину церкви, и обратясь къ царскимъ вратамъ сотворилъ два поклона въ-поясъ, а третій въ-землю ; и потомъ поклонился на клиросы, и сталъ на своемъ мѣстѣ, а за нимъ и всѣ братія пошли по чину : и что онъ творилъ, то-же и всѣ.

71. Послѣ всѣхъ пошелъ и азъ окаянный и грѣшный со страхомъ и трепетомъ. Придохъ и увидѣхъ Ее, Царицу Небесную, чудотворную Ея икону Трое-ручицу, стоящую на игуменскомъ мѣстѣ, лицомъ на востокъ къ алтарю. Стоитъ вся украшенная серебромъ и златомъ и драгимъ каменіемъ. Предъ нею горитъ много лампадъ, и стоятъ подсвѣчникъ со свѣщами. Азъ же падохъ предъ нею на землю, аки саму живую Ее узрѣхъ, и возопихъ къ Ней со слезами тако: « Се здѣсь Ты находишься, Владычице! Се здѣсь Ты пребываешь Пречистая Дѣво Богородице! Здѣсь ты избрала Себѣ мѣсто быть Игуменіюю. Сюда ты пришла Владычице, оставивши славный градъ Дамаскъ. Оставила ты, Владычице, и святой градъ Іерусалимъ; оставила ты, Владычице, и Лавру Саввы Освященнаго, оставила Палестину, и пришла Владычице, въ Свой святой жребій, и вселилася въ сію пустыню аеонскую, и взяла на Себя сіе послушаніе—еже быти здѣсь Игуменіюю надъ здѣ живущею братією, еже наставляти ихъ на путь спасенія, и защищать ихъ отъ всѣхъ врагъ видимыхъ и невидимыхъ. Ты, Владычице, пришла еси отъ Юга къ Сѣверу во Свой жребій; мы же придохомъ отъ Сѣвера къ Югу во Твой святой жребій,

къ Тебѣ, Госпоже Владычице, подѣ Твое покровительство и подѣ Твое защищеніе. Ты, Владычице, сама обѣщала еси—грядущаго къ Тебѣ не изгнати вонъ, но всѣхъ съ любовію приимати, и на путь спасенія наставляти, и о всѣхъ имѣть попеченіе. Приими и меня, Владычице, во Свой святыи жребій, подѣ Свое покровительство; наставь и мене, Владычице, на путь спасенія. И наставь мене, Владычице, обрѣсти пастыря, отца духовнаго, во иноческомъ житіи искуснаго. И сподоби мене, Госпоже Владычице, въ семь тихомъ пристанищѣ препроводить остальные дни жизни моей, и въ покаяніи скончатъ животъ мой». И тако помолившись, прикоснулся скверными моими устами къ чудотворному Ея и святому образу. И потомъ, по обычаю, приложился ко всѣмъ иконамъ.

72. Потомъ взялъ меня единъ монахъ, и привелъ за правый клиросъ, и показалъ мнѣ гробъ—гдѣ почивало мироточивое тѣло Преподобнаго Отца Симеона, царя Сербскаго, родителя Святителю Саввѣ, Сербскому Чудотворцу, основателя и ктитора обители Хилendarской. Мироточивое же его тѣло Сыномъ его Саввою увезено въ Сербію. Азъ поклонился его чудотворному гробу, и помолился тако: «Преподобне отче Симеоне, съ возлюбленнымъ своимъ сыномъ Саввою, Святителемъ Сербскимъ, молите Бога о мнѣ грѣшномъ! Блаженъ ты, отче Симеоне, послушавый возлюбленнаго своего сына Саввы, оставивый свое земное царство, да наслѣдши небесное. Блаженъ ты, отче Симеоне, премѣнивый царскую порфиру на иноческую мантию. Блаженъ ты, отче Симеоне, премѣнивый царскую корону на монашескій клобукъ. Блаженъ ты, отче Симеоне, премѣнивый царскую багряницу на

великую ангельскую схиму. Блаженъ ты, отче Симеоне, премѣнивый царскую державу на монашескія четки. И блаженъ сынъ твой Савва, иже отъ юности своея поработалъ и послужилъ истинному Господу Богу своему». Потомъ лобызалъ гробъ его и святую икону его, лежащую на гробѣ. Надъ гробомъ его стоять Богородичная икона, изображенная мусією, принесенная имъ самимъ изъ Сербіи, изъ царскаго его дому.

73. О, войстинну благословенна была для меня та вечерня! Первую такую во всю жизнь мою сподобилъ мене Господь отстоять. Войстинну, *во храмъ столъ, на небеси* мнился стояти, въ ужасъ и радости! Куда не воззрю: всюду приводитъ мене въ удивленіе. Аще воззрю на высоту: ужасаетъ мене и удивляетъ иконное стѣнное писаніе высокой греческой работы, болѣе пяти сотъ лѣтъ существующее, и ничѣмъ не повредившееся, и все исписано разными Божественными и Евангельскими событіями и притчами. Аще воззрю немного къ высотѣ: удивляетъ мене хорусъ со многими свѣщами и со многими иконами и съ пятью паникадилами, чего еще азъ прежде никогда и нигдѣ не видалъ. Аще воззрю на землю: удивляетъ мене драгоценный и разноцвѣтный мраморный полъ; испещренъ разными цвѣтами, и свѣтится яко хрусталь. Аще воззрю прямо на иконостасъ: удивляютъ мене чудотворныя и прочія мѣстныя иконы, отъ древнихъ лѣтъ невредимыя, акы сейчасъ написанныя. И кто не почудится и не удивится иконописцамъ и высокой ихъ работѣ и прочности? Иконы стоятъ шестьсотъ лѣтъ, не старѣютъ, но паче юнѣютъ. Удивляетъ и рѣзба иконостаса—столь высокой работы, что всякаго зря-

щаго на него изумляетъ ; удивляетъ и блестящее на немъ золото. Аще воззрю на подсвѣчники: удивляюсь величинѣ ихъ и работѣ. Едва пять человекъ могутъ одинъ подвигнуть съ мѣста; сдѣланы изъ чистой мѣди, и блестятъ подобно вылащеннымъ ; не кованые, но литые. На нихъ стоятъ свѣщи желтаго воску—необыкновенной величины, аршинъ пять вышины. Удивляетъ и множество лампадъ: предъ всякой иконой по три лампы съ елеемъ ; внизу всякой иконы привѣшена пелена. Аще воззрю на клиросы: удивляетъ мене шестиугольный аналой, дорогою костью перламутровою убранный. Аще воззрю на столбы: удивляюсь ихъ толстотѣ и дорогому каменію и чистотѣ работы. Аще воззрю по всему храму: удивляюсь и радуюсь множеству монашествующихъ ; вси со страхомъ стоятъ, и истово крестное знаменіе творять, и низко кланяются.

На вечерни *«нынѣ отпущаеши»* читалъ самъ епитропъ. По отпустѣ вечерни, пришли вся братія въ послѣдній притворъ, задернули всѣ завѣсы, и читали тамъ повечеріе. На повечеріи пѣли два канона. Богородицѣ и Святому не читали, но пѣли съ канонархомъ. Младый іеродіаконъ канонаршилъ весьма сладкогласно, и ходилъ со страны на страну, и низко поклонялся. Азь спросилъ: «какого роду сей іеродіаконъ, не русскій ли?» Мнѣ сказали, что «сербинъ». Егда начали седьмую пѣснь пѣти, тогда пришелъ пономарь, держа въ рукѣ ручную кадильницу, не на пѣняхъ, а съ рукоятію, и взявши у седмичнаго іеромонаха благословеніе, началъ кадить прежде иконы, а потомъ и всю братію: каждаго кадилъ крестообразно, и каждому творилъ низкое поклоненіе, а рукоять кадильницы держалъ въ

пеленѣ. По отпущкѣ повечерія, взявши всѣ отъ седмичнаго благословеніе, идоша каждый въ свою келлію. Изъидохъ и азъ.

74. Потомъ показали мнѣ отцы лозу виноградную, ишедшую изъ-подъ стѣны церковной, изъ гроба Преподобнаго Симеона, царя Сербскаго. Она велика и многоплодна и удивительна. Потомъ идохъ на гостинницу, и спросилъ мене братъ мой спутникъ: « что въ церкви видѣлъ удивительнаго? » Азъ же ему отвѣтилъ: « Гдѣ я былъ, — не знаю, — на землі, или на небеси; что я видѣлъ или слышалъ, того прежде никогда очима моима не видалъ, ниже слыхалъ ушима моима, ниже когда взыде на сердце мое, ниже могу что тебѣ сказать; а егда самъ увидишь, тогда и познаешь. А только скажу тебѣ, любезный братъ: блажени наши ноги, сюда дошедшія, и блажени наши очи, сіе видѣвшія; блажени есмы и мы, не послушавшіе челоуѣковъ, насъ разстроивавшихъ и отговаривавшихъ ». И тако мы много радовались и веселились. Егда насталъ вечеръ, — еще пришли на гостинницу къ намъ ночевать странніи отцы аеонскіе. Гостинникъ засвѣтилъ намъ свѣчу; принесли столъ, и поставили посредѣ, и принесли пищи и вина, и начали всѣхъ сажать за столъ, и насъ такожде; мы же сказали: « спаси васъ Господи! мы не хотимъ: недавно поѣли въ трапезѣ. » А они намъ сказали: « мы того не знаемъ, что вы кушали или нѣтъ; а у насъ садитесь; сколько вамъ угодно, столько и покушаете; мы къ тому приставлены, чтобы всѣхъ угощать. » Мы же, видя ихъ страннолюбіе, сѣдохомъ и ядохомъ, и пихомъ во славу Божию. И была трапеза изобильная и многояственная. Мы же ядохомъ, веселящися и Божию Матерь

ч. II. 7

прославляюще и страннолюбивыхъ отцевъ похваляюще. Потомъ, послѣ ужина отперли шкафъ, и выдали всѣмъ по мягкой подушкѣ и по теплому стеганому на ватѣ одѣялу, и зажгли на всю ночь свѣтильникъ, и на очагъ расклали великій огонь, дабы было тепло, и потомъ сказали: «теперь почивайте съ Богомъ». Мы же, помолившись, спали спокойно. Въ первомъ часу по полуночи, по-гречески — въ седьмомъ часу ночи, заблаговѣстили на утреню. Мы встали. Гостинникъ же пришелъ, и сказалъ намъ: «вы, отцы, спите: вы съ пути утрудились». Мы сказали, что мы уже отдохнули.

75. Потомъ мы пошли въ церковь, и взошедши стали въ послѣднемъ притворѣ; въ среднемъ же читали полунощницу; врата всѣ занавѣшены завѣсами. И одинъ монахъ подошелъ къ намъ, и ввелъ насъ во внутреннюю великую церковь, гдѣ стоялъ я вечерню, и поставилъ насъ въ *формы*. По окончаніи полунощницы пѣли протяжно тропари «*помилуй насъ, Господи, помилуй насъ*» и проч. Егда начали пѣть «*милосердія двери*»; тогда на всѣхъ дверяхъ завѣсы отдернули, и всѣ братія зошли въ великую церковь, по обычаю, какъ на вечерни. Потомъ начали утреню. И читалъ два псалма чтець на гласъ, весьма умиленно и протяженно, дондеже іерей покадилъ весь храмъ и всю братію. *Шестопсалміе* читалъ самъ епитропъ протяженно со вниманіемъ. И всѣ братія изъ мѣстъ своихъ вышли, и стояли вси со страхомъ и трепетомъ. «*Богъ Господь, и явися намъ*» пѣли протяжно, и тропарь такожде. Каѳизмы читали на правомъ клиросѣ, не борзаясь, внимательно; на «*аллилуіа*» творили по три поклона, всѣ равно и низко покланяющесея, какъ рукою достать

до земли. По каѳисмѣ, *сѣдальны пѣли* съ канонархомъ; потомъ посредѣ церкви читали житіе святаго изъ четія-мѣнен. По второй и по третьей каѳисмахъ *сѣдальны пѣли* съ канонархомъ. Псаломъ «*помилуй мя Боже*» читалъ самъ епитропъ. Егда приспѣло время канонѡвъ,—*канѡны* не читать стали, но всѣ въ октоихѣ и въ мѣненіи начали пѣть по клиросамъ съ канонархомъ. Этотъ чинъ весьма мнѣ полюбился, и азъ похвалилъ сей благой обычай. Еще первый разъ сподобился сіе увидѣть и услышать. По шестой пѣсни читали *прологъ*. На девятой пѣсни пономарь, взявши благословеніе у Игуменіи, ударилъ въ желѣзное било, и пришедши зажегъ мѣстную свѣщу предъ Богородицею. Егда возгласилъ іерей «*Богородицу и Матерь Святая въ пѣсньхъ возвеличимъ*»: тогда всѣ братія вышли изъ *формъ*, и каждый скинулъ клобукъ съ камилавки. Во святой Горѣ камилавокъ никогда не снимаютъ, кромѣ Литургіи. Потомъ начали пѣть «*честнѣйшую херувимъ*» кротко, протяжнымъ гласомъ, на кійждо стихъ творяще поклоненіе весьма низкое. Іерей же кадилъ святаыя иконы троекратнымъ кажденіемъ, всю же братію двукратнымъ, крестообразно. «*Хвалите Госнода съ небесъ*» всѣ три псалма по стихамъ пѣли по клиросамъ, скоро, по одному человѣку. «*Слава въ вышнихъ Богу*» читалъ самъ епитропъ. Стиховны пѣли по клиросамъ съ канонархомъ. Егда начали пѣть стиховны, тогда епитропъ и вся братія подходили ко Игуменіи и къ прочимъ иконамъ, по обычаю, какъ на вечерни. Потомъ и мы пошли, и лобызали иконы. Потомъ читали *первый часъ* и отпущкъ. Во храмѣ—трое часовъ, и часто звонятъ. Потомъ пошли на гостиницу, и мало почали.

76. Потомъ пошли къ ранней Литургіи. Литургія была въ церкви между келій въ корпусахъ. Церковь хотя и не велика, но прекрасная и свѣтлая, и вся расписана иконнымъ стѣннымъ писаніемъ; иконостасъ—вызлащенный. Храмъ—во имя Свят. Николая: тогда день былъ четвертокъ. Литургія была кроткая и тихая. Служилъ іеромонахъ съ іеродіакономъ. Часы читали не борзясь. На шестомъ часѣ въ алтарѣ ударили трижды въ кампанъ; тогда вся братія скинули клобуки и съ камилавками, и наклонили всѣ главы свои, и поминали каждый своихъ сродниковъ и благодѣтелей. Іерей же на проскомидіи вынималъ за нихъ части. Потомъ послѣ часовъ, егда вышелъ діаконъ начинать Литургію, и положилъ три поклона; тогда и вся братія скинули клобуки съ камилавками. И каждый творилъ три поклона, и наклонили главы низко, и читалъ каждый про себя «*Царю Небесный*», до конца, съ воздыханіемъ. Потомъ возгласилъ діаконъ: *благослови, Владыко*. И на каждый *возгласъ* творили поклоны. Псалмы всѣ пѣли на клиросахъ по стихамъ; *Блаженны*, — съ канонархомъ. «*Святый Боже*» пѣли протяженно, умиленнымъ гласомъ; *прокимень* сказывалъ въ кампавкѣ, но безъ клобука. Егда начали читать Апостоль, — скинулъ и камилавку. На *Евангеліи* стояли въ кампавкахъ безъ клобуковъ. *Херувимскую* пѣли тихо, протяженно, безъ повторенія. На *выходѣ* скинули и камилавки, и наклонили всѣ главы, и поминали своихъ родныхъ. Егда же діаконъ возгласилъ «*возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмся*»: тогда всѣ братія творили по три поклона. «*Върую*» не пѣли, но читалъ самъ епитропъ со благоговѣніемъ; стояли всѣ въ кампавкахъ безъ клобуковъ. Егда іерей воз-

гласилъ «*Твоя отъ Твоихъ*» и проч., — «*Тебе поемъ, Тебе благословимъ*» не пѣли, но единъ скоро пропѣлъ. И всѣ скинули клобуки съ камплавками, и наклонили свои главы, и призывали Духа Святаго, и было въ храмѣ безмолвіе. И каждый молился съ воздыханіемъ и со слезами. «*Достойно есть*» пѣли громогласно, безъ камплавокъ. «*Отче нашъ*» не пѣли, но читалъ самъ епитропъ. *Причастіе* пѣли протяженно, безъ повторенія. На явленіи даровъ скидали клобуки съ камплавками, и творили земные поклоны. По литургіи іерей раздавалъ антидоръ, и прикладывались всѣ ко всѣмъ иконамъ, и пили святую воду.

77. Потомъ мы вышли, и пришли на гостинницу; и сдѣлали намъ угощеніе. И пришелъ іеромонахъ, и приглашалъ насъ оставаться у нихъ во обители на жительство, сказывая, что они русскихъ весьма любить, и желаютъ ихъ къ себѣ въ сожителство, что и службу церковную читаютъ и поютъ по славянскимъ, по-русскимъ книгамъ, что и русской братіи нѣсколько человекъ есть. Мы же сказали, «мы денегъ не имѣемъ: можетъ быть, вы не примете безъ денегъ.» Онъ же сказалъ: «мы не денегъ вашихъ желаемъ, но васъ самихъ: здѣсь всѣхъ Царица Небесная пропитываетъ и одѣваетъ». Мы же ему сказали: «спаси васъ Господи, за вашу любовь и привѣтствіе! но только теперь остаться не можемъ, потому что пойдѣмъ и повидаемъ свою русскую братію, и съищемъ себѣ духовнаго отца; тогда—гдѣ онъ благословитъ, тамъ и жить будемъ». Онъ же еще сказалъ намъ: «хотя одну недѣлю у насъ погостите». Мы же отвѣтили: «спаси васъ Господи! теперь не можемъ, потому что весьма желаемъ свою русскую братію по-

видать, а послѣ — просимъ не оставить насъ : » онъ сказалъ : « приходите, приходите: мы всегда русскимъ рады ». Потомъ мы собрались въ путь; онъ же привелъ насъ въ трапезу, и далъ намъ хлѣба, сыру и вина, сколько мы хотѣли ; и проводилъ насъ за врата, и много насъ привѣтствовалъ и благословилъ, и мы пошли въ путь свой. Сей монастырь Хилендаръ всѣмъ прекрасенъ и достаточенъ : постройкой и украшеніемъ, святынею и церковнымъ чиноположеніемъ, только недостаетъ одного—что не имѣютъ общежитія. Вышедъ изъ монастыря, шли мы обратно тому, гдѣ шли вечеромъ.

Ичидъ.

78. Паки пришли къ чудотворной иконѣ Богородицы, что стоитъ на пути. Паки пали предъ нею, и помолившись говорили : « Якобы, Владычице, вышла Ты проводить насъ изъ Своей святой обители? О, благодаримъ Тя, Владычице, за Твое страннопріятіе, за Твою несказанную любовь, за Твое угощеніе, за Твое утѣшеніе и за Твои, Владычице, неизреченныя милости, оказанныя намъ грѣшнымъ въ Твоей святой обители. Теперь еще просимъ Тя, о Владычице, проводи насъ во-внутрь святаго Своего жребія, и покажи намъ мѣсто, гдѣ имамы спастися, и сподоби насъ, о Владычице, найти отца духовнаго, въ иночествѣ искуснаго, и Тебѣ благоугоднаго ! » Потомъ мы лобызали икону. Сія икона поставлена по такому случаю, какъ сказывали намъ въ монастырѣ : « Егда святой Савва Сербскій привезъ изъ Іерусалима чудотворную икону пресвятыя Богородицы—Троеручицу, и егда несли ее отъ моря въ монастырь: тогда она на семь мѣстѣ остановилась, и не могли подвигнуть съ мѣста до тѣхъ поръ, пока списали съ нея списокъ. Тогда

настоящая пошла въ монастырь, а списокъ оставили на мѣстѣ семъ, гдѣ до-днесь стоитъ, и неугасимая предъ ней лампада горитъ. Захотѣла Владычица всѣхъ входящихъ отъ суетнаго міра встрѣчать, и во Свою обитель препровождать, и паки изъ обители во-внутрь во святую Гору препровождать». Потомъ мы пошли далѣе въ путь, и близъ моря заблудились, но помощію Богородицы скоро направились на дорогу.

79. Отшедши отъ Хилендара одинъ часъ, т. е. пять верстъ, въ лѣвой рукѣ увидали другой монастырь, стоящій на самомъ берегу моря, между высокими горами, постройкой подобный первому, только поменьше. Мы удивлялись, что такъ близко стоятъ одинъ къ другому, и какъ велики зданія святогорскихъ монастырей. Монастырь стоитъ отъ пути въ сторонѣ сажень пятьдесятъ. И мы, помолвившись иконѣ Вознесенія Господня надъ вратами, и не заходявши въ монастырь, пошли мимо. Подлѣ дороги стояла монастырская кузница. Изъ кузницы вышелъ монахъ, остановилъ насъ, и началъ насъ по-гречески спрашивать. Мы сказали, « что по-гречески не знаемъ ». Онъ же спросилъ насъ по-русски : « какого вы роду, и какъ знаете говорить? » Мы же отвѣтили, что мы роду русскаго; знаемъ по-русски, по-болгарски, и по-молдавски, Онъ же сказалъ : « я и самъ русскій, но живу въ этой обители тридцать лѣтъ ». И спросилъ насъ « откуда идемъ? съ какимъ намѣреніемъ сюда пришли? гдѣ ночевали? » Мы же вся яже о себѣ рассказали. Тогда онъ сказалъ намъ : « Какъ же вы разрушаете святой Аѳонской Горы обычай, что хотите нашу святую обитель пройти мимо? Теперь уже время обѣдать, а хотя бы и не это время, то надобно по-

дойти ко вратамъ, положить три поклона, и взять за благословеніе хлѣба на дорогу, наипаче вамъ: потому что вы мимо нашей обители проходите въ первый разъ; вы должны зайти въ Божій храмъ, и поклониться святымъ иконамъ, и зайти въ трапезу покушать, что намъ Царьца Небесная послала. Наипаче для насъ русскихъ сія обитель достоуважаема; потому что она породила и произрастила монашествомъ всѣхъ россійскихъ монаховъ начальника—Преподобнаго отца Антонія Кіево-Печерскаго.» Мы поклонились, и сказали: «прости насъ, отче святыи: мы не знаемъ здѣшнихъ обычаевъ, да еще и боимся, чтобы не отяготить кого». Онъ же самъ повелъ насъ въ монастырь, и пришли къ вратамъ. Надъ вратами стоитъ великая и пречудная икона Вознесенія Господня, и предъ нею виситъ фонарь съ лампадою неугасимою. Мы же сотворивши три поклона, и вродохомъ сквозъ двое вратъ желѣзныхъ, и внидохомъ во-внутрь монастыря, и обозрѣхомъ кругомъ. И здѣсь, подобно Хилендарю, вокругъ—корпуса келлій въ четыре и пять этажей; монастырь меньше Хилендаря, и весьма древень и ветхъ. Церквей четыре: соборъ посреде, а три въ корпусахъ; и много растеть дровъ апельсинныхъ и лимонныхъ. Вошли въ церковь: храмъ великъ и прекрасенъ, но меньше Хилендарскаго; весьма свѣтелъ, вновь выстроенъ; тогда только расписывали иконнымъ стѣннымъ писаніемъ; полъ разнораморный; и весь храмъ убранъ и украшенъ паникадилами, лампадами и подсвѣчниками, по обычаю аѳонскому. Мы же поклонившись и приложившись ко святымъ иконамъ, и полюбившись на красоту храма, вышли. Провожатый привелъ насъ въ трапезу; трапеза расписана, но ветха

и почернѣла. Столы всѣ—мраморные; на нихъ уже приготовлена была пища и питіе: сей монастырь—общежительный, и всѣ братія ходятъ въ трапезу; но еще не было время обѣду. И посадилъ насъ на заднемъ столѣ, и упокоилъ насъ пищею и питіемъ, общежительною трапезою, до изобилія. Потомъ мы спросили: «отче святыи, како ваша обитель называется?» Онъ же сказалъ: «сей монастырь называется *Есфименъ*, а по просту—*Сименъ*». Выстроены съ-начала царицею Пулхеріею въ воспоминаніе Вознесенія Господня. Сія святая обитель породила монашествомъ и провзрастила духовною жизнью многихъ великихъ и знаменитыхъ мужей: Михаила и Аѳанасія Аѳонскаго, и святаго Аѳанасія Патріарха Константинопольскаго. Въ сей обители жилъ и постриженъ Преп. Антоній Кіево-Печерскій. Въ сей обители былъ игуменомъ Святитель и Чудотворецъ Григорій Палама, Митрополитъ Солунскій. Изъ сея обители произошли многіе мученики и исповѣдники, которые пострадали отъ иконоборцевъ и отъ турковъ, и которымъ празднества совершаетъ токмо сія обитель (*). Мы еще спросили: «отче святыи, какъ ваше имя?» Онъ же рече: «грѣшныи Веніаминъ нарицаюся;» и паки рече: «Въ этой святой обители всѣмъ вашимъ молдаванамъ—пристанище; много здѣсь и братія изъ молдаванъ. Въ сію святую обитель много пожертвовалъ вашъ молдавскій Митрополитъ Веніаминъ, и записанъ здѣсь

(*) Сія обитель породила и провзрастила монашествомъ Святѣйшаго Патріарха Константинопольскаго вселенскаго Аѳанасія, который пребываетъ на престолѣ и по сіе время, т. е. по 1848 годъ.

въ ктиторы; ежели вамъ угодно, то погостите у насъ, сколько вамъ заблагоразсудится, и посмотрите на нашу общежительную жизнь; и ежели покажется, то оставайтесь и на жительство; только правило все отправляютъ на греческомъ языкѣ». Мы же сказали: «спаси васъ Господи! мы пойдемъ къ своей русской братіи». И благодарили за его любовь. Потомъ надавалъ намъ хлѣба мягкаго бѣлаго и сыру, хотя мы и не хотѣли брать, потому что у насъ много изъ Хилендаря. Онъ же принудилъ взять хотя не много. И потомъ показалъ намъ путь, и сказалъ: «до монастыря Ватопеду три часа ходу, т. е. пятнадцать верстъ; и тамо ночуйте: ибо далѣе уже близко монастырей нѣтъ». И простившись мы пошли въ путь свой; шли верстъ пять все на гору.

80. Егда мы взошли на горы, — открылась намъ святая, славная, великая Лавра, обитель *Ватопедская*, яко градъ великъ и прекрасенъ, со множествомъ башенъ и куполовъ; но была еще далеко. Мы же шли все лѣсомъ, но не большимъ; путь все извилинами, дѣланный, вымощенъ камнемъ, но узкій, только проѣхать верхомъ; и уже недалеко вечера стали подходить къ Ватопедской Лаврѣ; и много насъ приводило во удивленіе, что она несравненно больше и прекраснѣе Хилендаря: насчитали только однихъ великихъ тринадцать башенъ; еще вокругъ его виѣ ограды много каменной постройки. Къ самому монастырю поднялись немного на гору. Около вратъ сдѣлана великая площадь, выстланная гладкимъ тесаннымъ камнемъ, кругомъ обнесенная невысокою каменною оградою, и кругомъ подѣланы сѣдалища, или лавки; врата всѣ расписаны иконами. Надъ вратами

стоитъ великая икона Пресвятыя Богородицы отъ древнихъ временъ, въ самомъ большомъ видѣ, аки живая; всякаго поражаетъ своимъ взоромъ, и приводитъ во умиленіе; и столь явственна и свѣтла, что можно издалика видѣть, и встрѣчаетъ своими веселыми очами всякаго. Предъ нею висятъ три фонаря съ лампадами неугасимыми, окружена кругомъ небесными силами. Мы же Царицѣ Небесной помолвившись, много на нее любовались, и добротѣ писанія удивлялись; и держитъ Она во объятіяхъ Своихъ Превѣчнаго Младенца, Господа Іисуса Христа. Подошедши къ вратарю, стали мы проситься въ монастырь ночевать. Но вратарь по-болгарски и по-молдавски ничего не понимаетъ; и мы ему не могли ничего объяснить; а до вечера еще есть часа два. Онъ подумалъ, что мы святогорцы, и знаемъ всѣ аѳонскія жилища. Одежда же на насъ была святогорская: потому что въ Молдавіи, въ монастырѣ Воронѣ, все монашество носитъ аѳонское одѣяніе; вратарь потому и не позналъ, что мы—странникъ, а разговору нашего не понималъ. И тако вынесъ намъ сыру и хлѣба, и указалъ намъ впередъ дорогу.

81. И мы пошли, хотя и не съ охотой. Шли все на гору цѣлый часъ, и взошли въ великій темный каштановый лѣсъ, мало гдѣ открывается небо; стало уже темно, а идемъ — и сами не знаемъ куда. И попался намъ навстрѣчу монахъ на конѣ верхомъ, съ провожатымъ, и остановилъ насъ, и началъ спрашивать по-гречески. Мы же сказали, что по-гречески не знаемъ, а знаемъ по-болгарски. Онъ же сказалъ: «я самъ болгаринъ.» Потомъ спросилъ насъ: «откуда путешествуете?» Мы отвѣтили, что изъ Молдавіи.

Онъ же паки сказалъ : « Почему же вы не почезали въ Ватопедъ? Теперь здѣсь на пути монастырей нѣтъ, до самой Кареи, а все темный лѣсъ; а хотя по сторонамъ и много келлій и скитовъ, но вы ихъ не найдете, ибо дорогъ здѣсь много. » Мы же сказали : « Чтò будемъ дѣлать? Мы и просились, но вратарь насъ не принялъ. » Онъ же паки сказалъ : « Вратарь языка вашего не понялъ : онъ подумалъ, что вы здѣшніе, а здѣшній святогорецъ вездѣ можетъ ночевать; по сторонамъ вездѣ келліи и скиты. Вы вернитесь со мной въ монастырь Ватопедъ; а то — идите въ скитъ Богородицы; тамо живутъ болгары; они васъ съ любовію примутъ; только не знаю—попадете ли въ него: ибо уже вечеръ близко. Вы не идите большимъ путемъ, а держитесь все влѣво; а то вернитесь со мной; ибо мнѣ васъ жалко: вы заблудитесь. » Мы же сказали : « спаси васъ Господи, отче! но мы возвращаться не будемъ, а пойдемъ въ скитъ Богородицы. » И тако поблагодаривши, пошли въ путь свой. И шли лѣсомъ великимъ, каштановымъ и дубовымъ, такъ что сквозѣ ихъ и въ день солнца не видать; деревья толстыя, потому что никогда не были срубаемы. И много мы удивлялись аѳонской непроходимой прекрасной пустынѣ.

82. Немного поблуждали; однако, слава Богу, попали въ скитъ Богородицы, только уже поздно, и врата скитскія уже были заперты. Помолившись предъ иконою Успенія Богородицы, надъ вратами стоящую, мы не стали отцевъ беспокоить; стояла вѣнь ограды пустая келлія, и мы вошли въ нее, и поужинали: хлѣба, сыру и вина у насъ было довольно, дня на три. Потомъ спали на снѣгъ весьма спокойно. Въ

самую полночь ударили въ скиту на полнощное церковное пѣніе, а потомъ и ца утреннее. Мы же весьма скорбѣли, что не сподобимся быть вкупѣ съ братією въ церкви на пѣніи. По-утру, егда разсвѣтало, мы вышли изъ келліи; увидавши насъ, скитскіе отцы подбѣжали къ намъ, и стали насъ спрашивать: «гдѣ вы, отцы, ночевали?» Мы сказали: «пришли поздно, уже врата заперты; мы не стали васъ беспокоить, а хлѣбъ у насъ былъ; и мы ночевали въ сей келліи спокойно.» Они же много о насъ скорбѣли и плакали, узнавши что мы странніе, и не знаемъ дорогъ. И вышелъ игумень самъ, и много о насъ соболѣзновалъ, и говорилъ: «Какъ вы тутъ ночевали: теперь ночи холодныя, да еще и безъ всякаго утѣшенія, и безъ упокоенія? И почему вы не постучали во врата? Мы поздно ложимся.» Потомъ взялъ насъ на гостиницу, и угостилъ самъ игумень, какъ лучше быть нельзя, и просилъ насъ, чтобы у нихъ погостили хотя одну седмицу, и отдохнули отъ пути. Мы же сказали, что пойдѣмъ въ русскій скитъ Іліи Пророка. Они же дали намъ теплаго пшеничнаго хлѣба, и показали намъ скитъ Іліи Пророка: видѣтъ—недалеко, а ходу одинъ часъ, т. е. пять верстъ. И показали намъ путь, и мы пошли все темнымъ лѣсомъ.

83. Потомъ пришли въ *скитъ Іліи Пророка*, но уже Литургіи не застали. Вратарь принялъ насъ съ любовію, и только взошли во-внутрь,—встрѣтилъ насъ самъ Архимандритъ, отецъ Авакій. И спросилъ насъ: «откуда пришли, и какого роду?» Мы сказали. Онъ же, узнавши, что мы изъ Молдавіи и русскіе, весьма возрадовался, потому что онъ самъ нѣ-

сколько лѣтъ проживалъ въ Молдавіи въ Немецкомъ монастырѣ; и привелъ насъ на гостинницу, и самъ насъ угощалъ, и любезно съ нами разговаривалъ, и спрашивалъ про молдавскихъ отцевъ, и потомъ приказалъ гостиннику споконтъ насъ цѣлую седмицу, покуда распорядимся дѣлами. Гостинникъ и братія—малороссіане, весьма страннолюбивые и пріветливые, всѣ любезно съ нами разговаривали, какъ родные и сродники, и мы ихъ спрашивали объ аеонскихъ обстоятельствахъ, о иноческой жизни, о русскихъ великихъ старцахъ и о русскихъ духовникахъ.

84. Они намъ рассказывали слѣдующее: «Здѣсь во святой Горѣ русской братія довольно: болѣе пятидесяти великороссіанъ, и болѣе ста малороссіанъ, а болгаровъ и сербовъ болѣе тысячи, а всей братіи во Аѳонѣ болѣе пяти тысячъ. Великихъ старцевъ довольно, болѣе изъ грековъ и болгаровъ; есть и изъ русскихъ, но немного. Духовниковъ русскихъ довольно. Но русскіе здѣсь не имѣютъ настоящаго прістанища, а живутъ больше по келліямъ и по колибамъ, и въ пустыняхъ. Мы малороссіане, по крайней мѣрѣ, имѣемъ сей скитъ, а великороссіане и того не имѣютъ.» Мы спросили: «изъ русскихъ духовниковъ есть ли такой, чтобы былъ очень высокой жизни?» Они сказали: «что всѣ—не плохой жизни, но нѣкоторые есть и получше: а впрочемъ, Богъ ихъ знаетъ—который изъ нихъ лучше.» И тако всѣ разошлись. Гостинникъ предложилъ намъ трапезу изобильную, затворилъ двери, и самъ съ нами сѣлъ, и началъ намъ рассказывать безпристрастно со слезами—какъ разрушили любовь между собою малороссіане (туцолы) съ великороссіанами, и сдѣлали болгарамъ и грекамъ смѣхъ,

а діаволу—радость, а духовнымъ великимъ старцамъ—неутѣшимый плачь. Прежде жили всѣ вмѣстѣ, малороссіане и великороссіане, въ этомъ скиту общезжительно, въ любви и согласіи; но врагъ діаволь позавидовалъ, и вооружилъ однихъ на другихъ, и во-стали наши малороссіане на великороссіанъ. Но какъ нашихъ больше, то и изгнали изъ скиту бѣдныхъ великороссіанъ. Однако, хотя ихъ было и меньше, но игумень ихъ, отецъ Павелъ, и теперь бѣдный живетъ съ братіей на квартирѣ, на Кареѣ, и много азъ о нихъ соболѣзную.

85. А что вы спрашивали братію о духовникахъ, то я вамъ скажу, какъ предъ Богомъ, что есть изъ великороссіанъ одинъ духовникъ іеросхимонахъ *Арсе-мій*, великій и удивительный старецъ, уважаемый отъ всѣхъ грековъ и болгаровъ. Онъ живетъ во св. Горѣ болѣе двадцати лѣтъ съ однимъ ученикомъ. А живетъ въ глубочайшей пустынѣ, не имѣющій никакого утѣшенія, подъ Иверскимъ монастыремъ, на келліи св. Іоанна Златоустаго. Уже воистинну сказать—что—старецъ: есть чего послушать; уже кто его послушаетъ,—не ошибется. Онъ всѣмъ великороссіанамъ духовникъ, и многимъ малороссіанамъ и болгарамъ, а наипаче всѣмъ іеромонахамъ и духовникамъ духовникъ. Братія наша потому вамъ не сказали о немъ, что имѣютъ на великороссіанъ неудовольствіе. А спросите всѣхъ болгаровъ и грековъ: всѣ скажутъ такъ, какъ я говорю. » Мы благодаримъ за его бесѣду. Ибо мы за тѣмъ и пришли во св. Гору Аѳонскую, чтобы найти такого великаго старца, который бы управить могъ насъ по незаблудному пути въ вѣчное блаженство. И весьма мы сего гостинника, монаха Акакія, полю-

били за то, что онъ все намъ разсказалъ безпристрастно (*). Мы же пообѣдавши спочили весьма покойно; потому что уже не имѣли заботы—еще куда путешествовать: достигнули тихаго своего пристанища.

86. Потомъ къ вечернѣ заглаговѣстили прежде по-россійски въ колоколь, а потомъ по-святогорски, заколотили въ доску. Мы пошли въ церковь, и отстояли вечерню. Вечерню правили по чину святогорскому, но нѣчто и по-русски; читали по-славянски; пѣли напѣвомъ кievскимъ; все правили кротко и чинно и не борзась. Храмъ не великъ, но и не малъ, порядочный, и весьма свѣтелъ и прекрасенъ, съ куполомъ, но не такой, какъ у грековъ и у болгаровъ: не убранъ и не украшенъ, и не только что не расписанъ, но и не поштукатуренъ; иконбстасъ порядочный, работанъ въ Россіи, но не рѣзбанный и не вылащенный. Полъ прекрасный, разнораморный. Иконъ весьма довольно, и всѣ—греческой работы. Въ храмѣ стѣны обставлены монашескими мѣстами. Колокола порядочные, почти что больше во всей св. Горѣ нѣтъ. Въ скиту цѣрквей трп. Соборъ, во имя

(*) Сей отецъ Акакій послѣ былъ рукоположенъ во іеродіакона, потомъ, чрезъ частыя, въ скиту бываемыя, смущенія, вышелъ изъ скиту, и поступилъ въ ученики къ пустынножителю и къ духовнику іеросхимонаху Арсенію, и постригся отъ него въ великую схиму, и переименованъ Александромъ, и прожилъ съ духовникомъ шесть лѣтъ во единой келліи, и потомъ въ 1846 году, марта 24 числа, препроводилъ своего пастыря на вѣчную жизнь, и похоронилъ его многотрудное тѣло, и остался съ прочіей братіей наслѣдникомъ его имущества, духовнаго и тѣлеснаго.

св. Пророка Илія, стоитъ посреди скита; а двѣ въ корпусахъ: во имя Благовѣщенія Богородицы, и во имя св. Митрофана Воронежскаго. Три страны обнесены корпусами келлій: двѣ—двухъэтажными, а четвертая страна — оградою (но уже это выстроено послѣ сего игуменомъ Паисіемъ болгаринномъ). Вечеромъ паки упокоили насъ трапезою. Въ самую полночь заблаговѣстили на полунощницу. Утреню правили по обычаю русскому и святогорскому, кротно, не борзаясь. Каноновъ не пѣли, но читали съ пророческими пѣснями; каждое было по-аеонски, подобно какъ въ Хилендарѣ; и было два чтенія. Клобуки снимаютъ безъ камилавокъ по-святогорски, а камилавокъ не снимаютъ. Послѣ утрени не много уснули. Той день былъ суббота. На разсвѣтъ началась Литургія, и правили по всему обычаю аеонскому. По Литургіи насъ угостили. И потомъ стали мы просить, чтобы проводили насъ на Карею, т. е. на базарь. Они же насъ уговаривали не ходить, но съ пути отдохнуть. Но мы сказали, что мы, слава Богу, отдохнули, а намъ желательно посмотрѣть аеонскихъ отцевъ и русскую братію. И они дали намъ проводника. И шли мы больше лѣсомъ; въ лѣвой рукѣ близу моря оставался монастырь *Пантократоръ*. И версты двѣ шли путемъ малымъ, но весьма великимъ лѣсомъ; а потомъ вышли на большую пантократорскую дорогу, и шли на гору по дѣланному пути, высланному камнемъ. И егда поднялись на гору, — остался въ сторонѣ, въ лѣвой рукѣ, монастырь *Ставроникита*.

87. Потомъ открылся намъ весь Аеонъ до самой почти подошвы, и вся св. Гора, по восточной странѣ усѣянная скитами и келліями, садами и кипарисами,

и темными зелеными лѣсами, горами и удолями, яко рай Божій насажденный. Карю же, т. е. базару, не видно, потому что она немного въ лоцинѣ. Потомъ сошли въ долину, и перешли рѣку по каменному мосту; и паки пошли на гору. И егда взошли повыше,—въ лѣвой рукѣ открылась великая долина до самага моря, усѣянная частыми и большими келліями и садами, и ниже всѣхъ, между горъ, къ самому морю, стоятъ славный и великій царскій монастырь *Иверъ*, въ которомъ стоитъ во вратахъ чудотворная *Иверская* икона Пресвятыя Богородицы, Вратницы Аѳонскія. Въ правой рукѣ открылась долина и гора *Капсалъ*, усѣянная частыми келліями и колибами, и кипарисами, подобно граду. Сія св. гора Капсалъ всѣмъ бѣднымъ и неимущимъ русскимъ и молдаванамъ пристанище и прибѣжище: она всѣхъ прикрываетъ немощныхъ и немощныхъ отъ темныхъ ночей и отъ дождей, и согрѣваетъ отъ холодныхъ зимъ. Мы же идомъ, радуящеся и веселящеся. И куда не обратимъ свои очи, всюду видимъ иноческія населенія, яко прекрасные грады; что выше поднимаемъ, то больше открывается; и всюду открылись келліи, всѣ каменные, подобны господскимъ домамъ, двухъ и трехъэтажныя, раскрашенныя, съ куполами и со крестами, окруженныя виноградными и разными садами и кипарисами.

88. Была и другая намъ радость: окружили насъ св. отцы, аѳонскіе жители,—уже цѣлая толпа, со своими большими, за плечьми, торбами. Какъ въ мірѣ, егда бываетъ во градѣ базаръ, изъ деревень ѣдутъ каждый со своимъ издѣліемъ, и выѣзжаютъ на большую дорогу, и собираются ко граду обозами: тако и

отцы аѳонскіе на большую дорогу вылѣзаютъ съ обѣихъ сторонъ изъ лѣсовъ и изъ долинъ, изъ своихъ пустынныхъ келлій и колибъ, каждый со своимъ рукодѣліемъ, не на коняхъ, а пѣшіе, во имя Господне, обувенные въ сандаліи, въ однихъ подрясникахъ, подпоясаны ремнями, въ однихъ камлавкахъ, безъ клобуковъ; за плечми у каждаго большая волосная торба, навьюченная рукодѣліемъ; а въ рукахъ,—въ одной—жезлъ, а въ другой—четки, а во устахъ—молитва Іисусова. И мы, въ такой радости, не видали—какъ взонли на гору: въ разговорахъ и въ странномъ видѣніи скоро прошло время.

89. Потомъ открылась намъ аѳонская столица *Карей*, яко градъ великъ, со многими куполами и крестами и со множествомъ келлій. Егда стали подходить близко,—отцы остановились, и каждый скинулъ съ плечь торбу, и надѣли на себя рясы и клобуки, а схимники надѣли схимы; потомъ пошли. При самомъ входѣ стоитъ большой крестъ, и ему всѣ мимоходящіе дѣлали по три поклона. И внидохомъ на торжище, и увидали, что множество монаховъ толпится по базару: продаютъ монахи, и покупаютъ монахи, и цѣлые ряды съ рукодѣліемъ сидятъ монаховъ: овьи съ ложечками, овьи съ крестами, овьи съ картинами, овьи съ четками, а овьи—слѣпые и убогіе просятъ милостыню; и въ лавкахъ сидятъ разные мастера, — все больше монахи, краснорядцы и бакалейщики, хотя и мірскіе, но сами и приказчики одежду носятъ монашескую, волосъ не стригутъ, носятъ рясы и послушническія скуфы. Здѣсь—удивительное зрѣлище, здѣсь—великое ополченіе Царицы Небесной! Здѣсь есть на что посмотришь, и есть чему подивиться: при-

шли отъ четырехъ странъ св. Г'оры Аѳонскія, каждый по своей потребѣ,—кто продать, а кто купить, а овыи другъ друга повидать. Овыи—престарѣлые, съ длинными бородами, украшенные сѣдинами, овыи—въ среднихъ лѣтахъ, а овыи весьма молодые: сіи отъ юности взяли нести иго иноческаго житія. Всѣ смиренны, всѣ кротки, всѣ главы имѣютъ наклоненныя, всѣ со смиреніемъ единъ другому поклоняются, и единъ отъ другаго благословляются. Въ одеждѣ же всѣ въ разной: изъ великихъ монастырей и изъ лавръ—въ одеждѣ доброй и тонкой; изъ общежительныхъ монастырей—въ одеждѣ доброй, но грубой и смиренной; изъ келлій—въ одеждѣ средней; изъ скитовъ и изъ пустынь—въ одеждѣ ветхой и многошвенной; и всѣ разговариваютъ кротко про духовныя и про мірскія дѣла, на разныхъ языкахъ, каждый съ своими единоземцами. Узнавши, что мы—русскіе, одного съ ними племени и языку, всѣ насъ обступивша, цѣлая толпа, и всѣ съ нами любезно разговаривали, и спрашивали—гдѣ мы на первый случай пристали? Мы же сказали: «въ скиту Іліи Пророка.» Они же каждый приглашалъ къ себѣ на первый случай погостить и отдохнуть. Мы много удивлялись ихъ страннолюбію и простосердечію, и благодарили за ихъ ласковое привѣтствіе. Потомъ водили насъ въ соборную карейскую церковь. И мы поклонились и приложились къ чудотворной иконѣ Пресвятыя Богородицы, нарицаемой «*Достоѣно есть.*» Потомъ—къ вечеру паки возвратились въ скитъ. Вечерня была великая; на всѣхъ ектеніяхъ поминали Благочестивѣйшаго Россійскаго Царя Николая Павловича; также и на Литургіи, на великомъ входѣ и на екте-

ніяхъ. Послѣ вечерни были за общей трапезой съ братіей. Потомъ воротились въ скитъ.

90. Ночевать въ скитъ много пришло великороссійской братіи, которые видѣли насъ на Кареѣ: случилось подѣ недѣлю. Всю ночь они любезно съ нами разговаривали, и жаловались на малороссіанъ, что «весьма много отъ нихъ претерпѣваютъ гоненія и поношенія, потому что ихъ много, и знаютъ многіе греческій языкъ; а русскихъ мало, да и мало знающихъ хорошо греческій языкъ; да еще и отъ зависти: потому что нашихъ великороссіанъ и не много, но есть великіе старцы, а навпаче всѣхъ есть у насъ духовникъ, который не только насъ русскихъ настаивляетъ, утѣшаетъ и просвѣщаетъ своею жизнію, но и болгаровъ и сербовъ. И греки весьма его уважаютъ и почитаютъ, потому что и изъ нихъ не много такихъ старцевъ. И греки и болгары весьма насъ любятъ, — спаси ихъ Господи! И много насъ заступаютъ отъ малороссіанъ. Малороссіане много на насъ клеветуютъ, акибы мы въ Великой Россіи всѣ—раскольники. Но хотя въ Великой Россіи и есть изъ нашего роду раскольники, но не всѣ, а больше православные христіане. А здѣсь во св. Горѣ Аѳонской всѣ мы—православные христіане и чада Св. Восточной Христовой Церкви. Нижѣ мы сами попустимъ быть между нами раскольнику, нижѣ кому двумя перстами креститься, хотябы былъ и православный; потому что греки и болгары почитаютъ за великую ересь, и гнушаются какъ еретиками, еслибы кто, хотя и православный, двумя перстами крестился: не будутъ его ни исповѣдывать, ни причащать Св. Тайнами; да мы и сами раскольниковъ гнушаемся. А малороссіане упрекаютъ

насъ напрасно ; но какой-то природной злобѣ ноносить насъ ни за что. Впрочемъ они не всѣ такіе; есть и изъ нихъ рабы Божіи, которые весьма о насъ сожалѣютъ. И есть о чемъ. Всѣ роды имѣютъ себѣ пристанище во св. Горѣ Аѳонской—монастыри и скиты ; только одни наши бѣдные великороссіане не имѣютъ себѣ вѣрнаго пристанища. Прежде хотя небольшое прибѣжище имѣли здѣсь въ скиту; но и отсюда малороссіане выгнали. Хотѣли выгнать и изъ св. Горы Аѳонской ; но сама Владычица Царяца Небесная насъ защитила. Что будемъ дѣлать? Только и надежды имѣемъ на нашу Владычицу : Она намъ заступница и помощница и въ скорбяхъ нашихъ утѣшительница, а изъ чловѣковъ некому насъ здѣсь заступить на чужой странѣ. Мы оставили благоденственное житіе въ своемъ отечествѣ, въ благословенной Россіи, подъ покровительствомъ нашего Благочестивѣйшаго Монарха: тамъ наши братія монашествующіе наслаждаются спокойствіемъ; а мы оставили то спокойствіе Бога ради, и удалились въ сію далечайшую страну, въ сію св. Аѳонскую Гору, и претерпѣваемъ здѣсь всякія скорби и напасти отъ діавола и отъ чловѣкъ. И только надѣемся получить отраду и утѣшеніе въ будущемъ безконечномъ вѣкѣ; только и просимъ Царицу Небесную, чтобы не выгнала насъ изъ св. Горы Аѳонской; только того и боимся.

91. Еще благодаримъ Господа Бога, что имѣемъ мы здѣсь такой твердый столпъ, что есть за что держаться. Имѣемъ мы духовнаго отца и наставника, который насъ поддерживаетъ, и утѣшаетъ насъ въ скорбяхъ нашихъ, и не велитъ намъ ни о чемъ скорбѣть и унывать, и говоритъ: « Выгнать насъ изъ св.

Горы никто не можетъ, потому что насъ Царица Небесная лучше всѣхъ родовъ любитъ во св. Горѣ Аѳонской, потому что мы изъ самой далекой страны пришли, оставили свое благоденственное отечество, славную и богатую нашу Россію и богатые и спокойственныя російскіе монастыри. Оставили своего отца и покровителя—Благочестивѣйшаго и Христолюбиваго Россійскаго Царя и Императора, и пришли подъ тяжкое иго турецкое въ далечайшую сію страну, и платимъ туркамъ великую дань, да еще и терпимъ гоненіе отъ своей братіи. Но радуйтесь и веселитесь! Мы сіе терпимъ не за что другое, а только за любовь Христову, и не въ мірѣ суетномъ и не во градѣ многиятежномъ, но въ тихомъ и небурномъ семь пристанищѣ, во св. Горѣ Аѳонской, въ жребіи Божія Матери. За это наше терпѣніе скоро насъ Царица Небесная утѣшитъ, и наградитъ такимъ мѣстомъ, что вся св. Гора удивится: нныя будутъ и завидовать, а другіе будутъ радоваться и прославлять Бога; только потерпите еще немного.» И теперь не знаемъ, что будетъ! И ожидаемъ сбытія его пророчества,—не будетъ ли какой перемѣны?» Мы ихъ спросили: «стало быть, этотъ духовникъ очень высокой жизни, что вы такъ его одобряете?» Они отвѣчали: «Какъ не высокой жизни?—Живетъ во св. Горѣ Аѳонской болѣе двадцати лѣтъ въ совершенномъ нестяжаніи, въ глубочайшей пустынѣ, не имѣющій никакого тѣлеснаго утѣшенія: пищу употребляетъ самую постную, не ѣстъ ни рыбы, ни сыру, ни масла, а спитъ весьма мало, развѣ одинъ часъ въ сутки, и то сидя. Любовь же имѣетъ неограниченную, и столько милостивъ, что часто и книги свои отдаетъ на какую кому ну-

жнюю потребу. Онъ насъ и держитъ во св. Горѣ Аѳонской ; а ежели бы не онъ , то отъ такихъ великихъ скорбей половина бы ушли паки въ Россію , но онъ никому не даетъ благословенія ; а кто что безъ благословенія его сдѣлаетъ , или куда поидеть , то всѣ страдаютъ и пропадаютъ.»

92. Мы паки спросили ихъ : « есть ли во св. Горѣ Аѳонской другіе такіе духовники или старцы — изъ русскихъ или изъ болгаровъ , или изъ грековъ ? » Они отвѣчали : « Изъ русскихъ и изъ малороссіанъ другаго , такого нѣтъ ; а изъ болгаровъ былъ одинъ духовникъ , іеросхимонахъ отецъ Григорій , но уже другой мѣсяцъ померъ . Пятдесятъ лѣтъ былъ во Аѳонѣ духовникомъ , и имѣлъ даръ прозорливства такой , что кто у него исповѣдывался , то онъ ничего не спрашивалъ , но самъ , яже отъ юности содѣянная всякаго человека сказывалъ , и своими слезами грѣхи исповѣдниковы омывалъ , и легкія епитиміи налагалъ , и каждому предъидушая предсказывалъ . Многіе Патріархи и Архіереи на-духъ къ нему приходили . Великъ былъ старецъ , да отъиде отъ насъ на вѣчность ко Господу . А изъ грековъ хотя и есть такіе великіе старцы ; но мы языку ихъ не знаемъ , и не можемъ отъ нихъ пользоваться ; только развѣ на нихъ посмотримъ . »

93. Мы спросили : « а гдѣ русскій духовникъ живетъ , и какое имя ему ? » Они отвѣчали : « Имя ему *Арсеній* , а ученику его *Николаѣ* . А живутъ они подъ Иверскимъ монастыремъ , на келліи св. Іоанна Златоустаго , отъ монастыря Ивера одинъ часъ ходу — все на гору , въ дикой пустынь . Ежели кто не бывалъ , то трудно ихъ и найдти . » Мы сказали : « мы за тѣмъ и пришли во св. Гору Аѳонскую , чтобы найдти та-

коваго великаго старца и наставника, и препоручить ему свои души и тѣлеса, и по его благословенію и наставленію препровождать жизнь свою. Они же сказали намъ: «благое—ваше намѣреніе; лучше и искусиѣ этого старца вы не найдете во всей св. Аѳонской Горѣ: всѣ единогласно вамъ скажутъ о немъ, русскіе и малороссіане, болгары и греки и молдаваны, и у всѣхъ велико имя старца Арсенія.»

И тако мы препроводили всю ночь до самой утрени въ духовныхъ бесѣдахъ; и столько мы собесѣдниковъ нашихъ возлюбили, аки самыхъ ближайшихъ родственниковъ или друзей, за ихъ любовь и страннолюбіе, и за ихъ монашескую простоту и добросердечіе. И возгорѣлось мое сердце любовію къ духовнику Арсенію.

94. Когда заблаговѣстили къ утрени: мы пошли въ церковь, и наши великороссіане стали по клиросамъ, и составили прекрасные хоры; и была утрениа весьма торжественная, и читали три поученія въ толковомъ недѣльномъ Евангеліи, и въ толковомъ Апостолѣ и въ Прологѣ. Напѣвомъ пѣли россійскихъ пустыней Софроніевои и Глинской. Продолжалась утрениа пять часовъ, чѣмъ мы были весьма утѣшены. Послѣ утрени мало спочили, а потомъ пошли къ Литургіи. Литургія такожде была торжественная, и поминали всю Россійскую Царскую Фамилію. По Литургіи всѣмъ была общая трапеза. По трапезѣ взялъ насъ одинъ іеромонахъ къ себѣ на келлію въ гости, отъ скита полчаса ходу, на *Капсальскую Гору*, на келлію св. *Аястола*, и пришедши насъ угостилъ. А потомъ намъ предложилъ: «теперь, братія моя, какъ вамъ угодно: аще хотите,—приставайте ко мнѣ въ общее; а сжели

не угодно, то живите на своемъ содержаніи до времени, покуда изберете себѣ мѣсто; возьмите любую комнату, и живите хоть навсегда; за это съ насъ ничего не возьму, но еще буду вамъ радъ: будете мнѣ пособлять правило читать; ибо вотъ имѣю свою церковь и шесть комнатъ, а живу одинъ.» Мы же сказали: «Мы въ общее пристать не можемъ, пока не обрѣтемъ себѣ духовника, и не получимъ отъ него благословенія. А ежели—на квартиру, то можно до времени, и просимъ не оставить.» Онъ далъ намъ комнату, и мы пошли въ скитъ за своими сумками. И въ скиту игуменъ насъ уговаривалъ погостить хотя одну седмицу; но мы поблагодарили, и пошли на свою келлію. Три дни насъ поковлъ іеромонахъ Сергій пищею. Потомъ на оставшіяся отъ пути деньги мы купили себѣ сухарей, капусты и масла; и стали жить, да Божию Матерь благодарять. Іеромонахъ Сергій часто ходилъ на чужія келліи служить Литургіи, и насъ съ собой бралъ, и отъ того со многими познакомились, и мало когда хлѣбъ свой ѣли.

95. Мы всѣхъ спрашивали о духовникахъ; и всѣ едиными устами одобряли духовника Арсенія,—русскіе и болгары. И азъ больше не могъ терпѣть, чтобы не сходить къ такому великому старцу, и вознамѣрился его посѣтить безъ всякаго отлагательства. Хотя меня и уговаривали еще подождать, и общались сами проводить, и говорили, что безъ провожатаго никакъ не возможно пройти аѳонскихъ горъ и лѣсовъ, чтобы не заблудиться, и не найдешь не только духовника, но даже и Иверскаго монастыря; но азъ имъ сказалъ: «сколько времени прошло, а мы не были у такого великаго старца, и все отлагаемъ день за день, и живемъ

уже больше недѣля, не получивши отъ него благословенія.» Потомъ, разспросивши путь до Иверскаго монастыря, и помолившись Господу Богу, пошелъ къ духовнику, и шелъ до Ивера все лѣсомъ и маленькой тропинкой, все по долину и подъ гору. Потомъ недалеко отъ монастыря вышелъ на большую дорогу: Божіею помощію не заблудился, и уже шелъ между садовъ и масличныхъ древъ.

96. Потомъ пришелъ къ *Иверской* славной *Лавръ*, къ великой царской обители, къ самой Вратницѣ Горы Аѳонскія, ко Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ. Монастырь *Иверъ* подобенъ Ватопеду, только развѣ немного поменьше: четырехъугольный, ограды нѣтъ, но вокругъ четырехъэтажные корпуса келлій, и много куполовъ съ крестами и башенъ. Возлѣ вратъ сдѣлана великая площадь, выстланная гладкимъ камнемъ, и подѣланы кругомъ сѣдалища; и два фонтана воды. Надъ вратами стоитъ великая икона Пресвятыя Богородицы—Иверская, вратница Аѳонская, подлинный списокъ съ чудотворной иконы. Азъ положилъ три поклона; подвратарь же спросилъ мене по-болгарски: «куда иду?» Азъ же ему сказалъ, что иду къ духовнику Арсенію. Онъ же вынесъ три хлѣба, далъ мнѣ, и сказалъ: «единъ тебѣ, а два отцу духовнику», и показалъ мнѣ дорогу на высокую гору и келлію на горѣ стоящую. Азъ же шелъ съ великимъ трудомъ: дорогъ стало много, и не зналъ—по которой идти; всѣ пошли въ разныя стороны. Азъ же всѣхъ оставилъ, и пошелъ прямо безъ дороги на ту самую гору, гдѣ духовникова келлія. И шелъ великимъ и частымъ лѣсомъ, и съ великимъ трудомъ пролѣзалъ сквозь кустовъ; было весьма круто, и съ

трудо́мъ я мо́гъ взлѣзати: держался руками за древа, и такъ всходилъ два часа; однако, съ помощію Божіею добръ угодила прямо къ духовниковой келліи, и мало спочилъ. Потомъ пошелъ къ дверямъ келліи, одержимъ страхомъ и радостію: радовался о томъ, что обрѣлъ искомага; ужасался о томъ—какъ подойду къ такому великому старцу, предъ которымъ вся Гора Аѳонская благоговѣтъ.

97. Подошедши къ дверямъ, сотворихъ молитву; духовникъ, сказавши: «аминь», вышелъ. Азъ же падохъ ему на нозѣ. Онъ благословилъ мене; азъ же лобызалъ десницу его. Потомъ онъ спросилъ: «что, любезный, желаешь отъ мене?» Азъ отвѣчалъ: «желаю, отче святыи, имѣть съ вами бесѣду». Онъ же поятъ мя въ келлію свою, и приказалъ сѣсть, и началъ мя вопрошати: «знать, брате, недавно пришелъ во святую Гору, что я тебя прежде никогда не видалъ?» Азъ же отвѣчалъ: «на сихъ дняхъ только пришли, отче святыи». Онъ паки вопроси: «отъ какія страны придосте?» Азъ отвѣчалъ: «изъ молдавскія земли, отче». Онъ паки: «какимъ путемъ пришли: по морю, или по суху?» Азъ отвѣчалъ: «сухимъ путемъ, отче». Онъ паки: «съ какимъ намѣреніемъ пришли во святую Гору Аѳонскую,—поклониться только, или на жительство?» Азъ же отвѣчалъ: «аще угодно будетъ Богу в Божіей Матери, то я пришелъ препроводить здѣсь остальную жизнь свою, и скончать животъ свой.» Онъ же сказалъ: «Благое—твое намѣреніе; только—аще по волѣ Божіей будетъ. Какую желаешь жизнь себѣ здѣсь избрать: монастырскую, или общежительную, или скитскую, или келейную, или пустынную?» Азъ отвѣчалъ: «Не знаю, отче святыи, како будетъ угодно

Господу Богу и Божіей Матери, и отцу моему духовному. Азь пришелъ во святую Гору Аѳонскую мѣсто избирать не по своей волѣ, но пришелъ найти себѣ старца и руководителя отца духовнаго, и препоручить ему свою душу и тѣло, и гдѣ онъ благословить, тамо и жить буду. Съ тѣмъ мене послали и отцы молдавскіе, чтобы по своей волѣ не жить.

98. И азъ просилъ Господа Бога моего и Его Матерь, Пречистую дѣву Марію, нашу Владычицу Богородицу: да сподобить мнѣ обрѣсти старца и отца духовнаго. И Господь мой Иисусъ Христосъ и Его Пречистая Матерь услышали мою молитву, и сподобили меня обрѣсти вашу святыню, и теперь избираю васъ себѣ за старца и отца духовнаго, и препоручаю вамъ свою душу и тѣло, и вы будьте мнѣ старецъ и отецъ духовный, наставникъ и руководитель къ вѣчному блаженству. И отдаю всю свою волю на ваше разсужденіе и распоряженіе, даже до самой моей смерти. И гдѣ вы мене благословите жить, тамо и буду; аще вамъ угодно, то да не изъиду изъ келліи вашей, но всегда съ вами пребуду, и послужу вашей старости». Онъ же сказалъ: «Велико обѣщаніе творишь: но аще его до конца исполнишь, то благо тебѣ будетъ. Только надобно много тебѣ приготовиться къ терпѣнію, потому что много надобно претерпѣть и перенести скорбей и искушеній. Мое распоряженіе будетъ не по твоему хотѣнію и желанію, ниже по моему человѣческому, но по Божіей волѣ. А Господь Богъ не хочетъ, чтобы мы рабы Его были въ спокойствіи тѣлесномъ или во утѣшеніи плотскомъ, или во благоденствіи міра сего; но проводитъ вѣрныхъ Своихъ рабовъ узкимъ и тѣснымъ и прискорбнымъ

путемъ, многими скорбми и напастьми, тѣмъ путемъ, которымъ Онъ самъ, Творецъ и Создатель нашъ, прошелъ, и намъ образъ Собою показалъ. Онъ самъ, бывши во плоти, претерпѣлъ гоненіе, хуленіе и поруганіе, мученіе и заплеваніе, и послѣ понесъ крестъ Свой, и на немъ распятъ. И во всемъ показавъ намъ примѣръ, сказалъ и намъ—Своимъ ученикамъ: *аще кто хочетъ по Милъ ити, да отвержется себѣ, и возьметъ крестъ свой, и послѣдуетъ Ми.* Лук. 9, 23. Вотъ, возлюбленный брате, каковъ Христовъ путь! Онъ въ мірѣ семъ весьма прискорбенъ; но если прискорбенъ, то приводитъ въ вѣчное блаженство: узкій и прискорбный путь вводитъ въ жизнь вѣчную, а широкій и пространный путь вводитъ въ пагубу. И азъ поведу тебя путемъ узкимъ и прискорбнымъ, по волѣ Божіей, хотя онъ тебѣ покажется жестокъ и несносенъ. Захочешь ли по нему до конца идти? Не велико стоятъ—положить начало, но то велико—кто до конца начатое доведетъ. Мое распоряженіе будетъ тебѣ трудное и тяжкое, и аще не захочешь его исполнить,—за то получишь сугубое наказаніе, потому что узнавши волю Божію—не совершилъ. Кто не знаетъ, и не сотворить, той наказанъ бываетъ, но меньше. И ты пришелъ во святую Гору Аѳонскую съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы здѣсь препроводить жизнь свою, и скончать животъ свой; а можетъ, воля Божія будетъ такая, что надобно будетъ тебя послать туда, куда ты не помышляешь, а тебѣ покажется невмѣстительно, и не захочешь того исполнить; потому, сначала лучше не обѣщайся, а съищи себѣ другаго старца и духовника: много есть во святой Горѣ старцевъ и духовниковъ, и кромѣ мене много живетъ отцевъ, и

спасаются.» Азъ же падохъ ему на позѣ, и со слезами началъ ему говорить: «отче святой, не отгони мене грѣшнаго отъ себя, но приими мене, яко блуднаго сына, и буди мнѣ во отца и старца, и послушаю тебя во всемъ даже до смерти, и вся повелѣваемая тобою буду исполнять съ любовію». Онъ же спросилъ мене: «кто тебѣ про мене сказалъ, что ты такъ ко мнѣ расположился?» Азъ же отвѣтилъ: «Во-первыхъ, азъ просилъ Божию Матерь, да наставитъ и поможетъ мнѣ обрѣсти старца и отца духовнаго, во иноческомъ житіи искуснаго, которому бы могъ препоручить свою душу и тѣло. Во-вторыхъ, вопрошалъ всю русскую братію, и всѣ единогласно сказали про твою святыню». Онъ паки спроси: «кто тебя ко мнѣ привелъ, и какъ ты ко мнѣ нашелъ дорогу?» Азъ отвѣчалъ: «Никто, отче святой, не проводилъ мене, но азъ самъ пришелъ къ вамъ, и Божія Матерь направила мене на путь. Иверскій вратарь показалъ мнѣ вашу келлію, но азъ не дорѣгой шелъ, но прямо на гору лѣсомъ пролѣзалъ съ великимъ трудомъ, какъ заблуждающая овца, не имущи добраго пастыря; и, слава Богу, обрѣтохъ желаемое». Онъ же паки спроси: «а гдѣ теперь на первый случай присталъ? и имѣешь ли хлѣбъ? и есть ли у тебя деньги? и знаешь ли какое руководѣіе?» Азъ отвѣщалъ: «теперь живемъ на Капсалѣ, на келліи святыхъ Апостолъ у отца Сергія; купили себѣ сухарей и капуста и масла, и деньги всѣ потратили; я руководѣія никакого не знаю, а товарищъ мой иконописецъ». Онъ же рече: «товарищъ твой пусть какъ знаетъ, а ты никуда не ходи, хотя и многіе тебя будутъ звать къ себѣ жить; а только знакомься съ братіей, и когда позовутъ въ гости,—иди,

а когда—дома,—ѣшь свои сухари; а когда что нужно,— приходи ко мнѣ, и азъ тебѣ дамъ. Эту седмицу пока не говѣй, а говѣй уже послѣ праздника Введенія Богородицы, и тогда приди ко мнѣ, и исповѣдаешься и причастишься Святыхъ Таинъ, и тогда дамъ тебѣ мѣсто—гдѣ будешь проживать, и получишь благословеніе на такую жизнь, какой отъ юности желала душа твоя.

99. Еще скажу тебѣ: вашъ приходъ во свитую Гору Аѳонскую весьма счастливъ для русскихъ. Даетъ Божія Матерь нашимъ великороссіанамъ доброе и крѣпкое мѣсто, чему многіе будутъ завидовать, а другіе будутъ радоваться.» Азъ же спросилъ: «а гдѣ, отче святой, русскимъ готовится мѣсто?» Онъ же рече: «нечего сказывать: самъ скоро узнаешь.» Потомъ представилъ трапезу; и пригласилъ своего ученика схимонаха Николая. Сей пришедши поклонился духовнику и мнѣ до самой земли. Азъ же смотря на него, стоялъ и умилялся: ибо весьма смиренъ и кротокъ, и весьма сухъ; очи наполнены слезъ, слово кроткое и тихое. Потомъ всѣ трое вкупѣ помолвившись сѣли за трапезу; поставлены были яства: сухари моченые, вода и квашеный стручковый перецъ. Мнѣ же, яко гостю, поставили соленыхъ маслинъ и пять смоквинъ; сами же ничтоже вкусиша, кромѣ сухарей и перцу. Азъ же взялъ изъ торбы данные мнѣ во Иверѣ три хлѣба, и предложилъ на трапезу, и сказалъ, что сіи хлѣбы даны во Иверскомъ монастырѣ,— одинъ мнѣ, а два вамъ. Духовникъ же мнѣ сказалъ: «возьми ихъ себѣ домой». Азъ же паки положилъ въ торбу. О, сколь для мене сладостна была та трапеза тѣмъ, что сподобился азъ окаанный и грѣшный

сидѣть вмѣстѣ и трапезовать съ такими великими старцами, славными по всей св. Горѣ Аѳонской, или лучше сказать—съ земными ангелами и съ небесными человѣками!

100. По трапезѣ духовникъ благословилъ меня на путь, проводилъ за ограду, и показалъ мнѣ дорогу. Келлія духовника стоитъ на горѣ, на возвышеніи, на открытомъ мѣстѣ, откуда видно почти всю восточную страну св. Горы: на югъ—до самаго Аѳона и весь Аѳонъ; на сѣверъ—до монастыря Пантократора и до скита Богородицы; къ востоку, къ морю, подъ горой—монастырь Иверъ весь на открытіи; къ востоку же—и открытое великое море Архипелагъ, до самаго Дарданельскаго пролива. Посредѣ моря синѣются четыре острова: Тасъ, Самоеракъ, Имбро и Лимнось; къ сѣверовостоку синѣются горы Македонскія; съ прочихъ же сторонъ келлія окружена лѣсами и холмами. Недалеко отъ келліи, изъ земля истекаетъ источникъ холодной и здоровой воды. Хотя келлія стоитъ яко свѣтильникъ на свѣщницѣ, на самой красотѣ, но въ самой почти непроходимой пустыни, такъ что ни съ которой страны къ ней подойти нельзя: ибо окружена горами и непроходимыми лѣсами. Хотя и есть къ ней двѣ тропинки, одна изъ—подъ горы, а другая съ горы, но и тѣ очень малы, такъ что съ трудомъ можно познать. Келлія—каменная; внутри келліи сдѣланы двѣ комнаты—гдѣ сами живутъ, а третья—гостиная, и большія сѣни; а чрезъ сѣни—церковь: храмъ во имя св. Іоанна Златоустаго. Иконъ—довольно; потиръ и дискось—оловянные; ризница—холщевая; книгъ—довольно,—весь церковный кругъ. Въ нижнемъ этажѣ лежатъ дрова; тамо и работаютъ ложечки.

101. Идя отъ отца Арсенія, я радовался и веселился, яко сподобился бесѣдовать съ такимъ великимъ старцемъ, и столько сдѣлался спокоенъ сердцемъ, что якобы получилъ уже все желаемое и самое царство небесное. И оставили мене всѣ замыслы и планы мои, и сдѣлался—якобы природный аеонскій житель; и всю дорогу отъ радости плакалъ, и благодарилъ Всевышняго моего Творца, Господа моего Иисуса Христа, за Его неограниченныя милости, изліянныя на мя недостойнаго, яко все мое прошеніе и желаніе исполнилъ; и отъ радости глаголалъ таковая: «О Господи, велія милость Твоя, и чудна дѣла Твоя, явленная на мнѣ грѣшномъ! Благодарю Тя, Господи, яко сподобилъ еси мя — исторгнутися и отлучитися отъ суетнаго міра и отъ его прелестей. Благодарю Тя, Владыко, Человѣколюбче Господи, яко извелъ мя изъ бездны душепагубнаго раскола, и присоединилъ мя къ Своей Св. Церкви. Благодарю Тя, Господи, яко сподобилъ еси мя достигнуть въ сіе тихое и небурное пристанище, во св. Гору Аеонскую. Благодарю Тя, Господи, яко сподобилъ еси мнѣ грѣшному обрѣсти себѣ такого великаго старца — отца и наставника. Теперь, Господи, буди милость Твоя на мнѣ; якоже хоцещи, устрой о мнѣ.» И часто обзирался назадъ на гору, и возводилъ очи мои на пустынную духовникову келлію, помышляя, что тамъ — мой покой и утѣшеніе, тамъ моя радость и веселіе; тамъ остались всѣ мои помыслы и планы. Идя туда, былъ обуреваемъ разными помыслами и скорбями; а оттуда возвращаюсь во всякомъ спокойствіи, въ радости и веселіи, яко овца заблуждающая, и обрѣтшая себѣ добраго пастыря, иже взялъ мене на свою отвѣтственность, и возло-

жилъ мене на свои рамена , и взялся принести ко Отцу моему Небесному !

102. Отецъ духовникъ, іеросхимонахъ Арсеній, росту высокосредняго , волосомъ русъ , брада средняя, окладистая, съ просъдюю; главу всегда держалъ мало наклонну на правое плечо , лицемъ чистъ и весьма сухъ, и всегда въ лицѣ игралъ румянецъ , а наипаче при Богослуженіи , и едва можно было на него смотрѣть; всегда былъ веселъ, и на взглядъ пріятенъ, очи имѣлъ наполненныя слезъ , слово кроткое и тихое, говорилъ всегда просто, безъ ласкательства, рѣшительно, безъ повторенія.—Потомъ азъ паки пріидохъ къ монастырю Иверскому. И паки помолился Пресвятѣй Богородицѣ, Вратницѣ Аѳонской. Паки подвратарь далъ мнѣ одинъ хлѣбъ, и спросилъ: « како живетъ духовникъ? » Азъ же сказалъ, что — слава Богу! Потомъ пошелъ я въ путь свой , и, пришедши въ келлію свою , сказалъ брату своему — какъ былъ у духовника , и что отъ него слышалъ. Онъ же весьма о томъ сожалѣлъ, что не пошелъ со мной.

103. Потомъ, вечеромъ, пошли ночевать на *келлію св. Василія Великаго*, что на *Капсаль*, и тамо служили вечерню , а по-утру — утреню и Литургію. На Литургіи былъ причастникомъ Тѣла и Крови Христовой больной схимонахъ Андрей, великороссіанинъ, ученикъ іеромонаха, отца Аникиты Шихматова, бывшій съ нимъ въ Аѳонахъ. Онъ послѣ причастія жилъ только одинъ часъ , и представился ко Господу въ радости и веселія. Азъ читалъ надъ нимъ Псалтирь. Онъ лежалъ посреде церкви. Азъ читалъ на аналоѣ, по правую страну , а братія стояла позади , подлѣ стѣнъ. Около полунощи было одному схимонаху Арсе-

цію откровеніе : видѣлъ онъ Ангела Господня, приведшаго душу Андрееву къ тѣлу его, и прочитавшаго *аллилуіа* трижды. Схимонахъ Арсеній не могъ болѣе удержаться, вскричалъ, и всѣмъ объявилъ видѣніе. И мы всѣ прославихомъ Господа Бога. Послѣ и самъ схимонахъ Арсеній въ скоромъ времени представился ко Господу; онъ жилъ на келліи Покрова Пресвятыя Богородицы, что подъ монастыремъ Ставропигитою. Онъ первую келлію во св. Горѣ Аѳонской выстроилъ во имя Пресвятыя Богородицы Покрова, и освятилъ. Сей Арсеній былъ за старца и духовнику Арсенію — егда сей постригался въ великую схиму. Отпѣвали погребеніе по отцѣ Андреѣ восемь іеромонаховъ — всѣ русскіе; было до ста человекъ братія. Похоронили при самой стѣнѣ церкви Свят. Василя, и была всѣмъ изобильная трапеза. Келлія Свят. Василя въ древнія времена была знаменитая и славная, ради великихъ старцевъ, въ ней жительствовавшихъ, о которыхъ много упоминается во аѳонскомъ Патерикѣ.

104. Недалече, подъ горою, подлѣ рѣчки, есть и другая келлія знаменитая, во имя Успенія Богородицы, называемая « аксіонъ », т. е., « достойно », въ которой Архангелъ въ первый разъ пропѣлъ пѣснь Богородицѣ сію: *Достойно есть яко воистинну блажити Тя Богородицу, присноблаженную и пренепорочную, и Матерь Бога нашего.* О чемъ напишу здѣсь слѣдующее, что я читалъ во аѳонскомъ Патерикѣ: « Во св. Горѣ Аѳонской, подъ монастыремъ Пантократоромъ, на Капсалѣ, на келліи Успенія Пресвятыя Богородицы, живяше нѣкій инокъ, старецъ богобоязливъ, со ученикомъ своимъ; но ученикъ его былъ простъ и

малограмотенъ. Во единъ день недѣльный, старецъ пошелъ въ монастырь на всенощное бдѣніе, ученикъ же остался дома во своей келліи, и въ нощи моляшеся предъ иконой Пресвятыя Богородицы, и повторяше сію пѣснь ко Пресвятѣй Дѣвѣ Богородицѣ: *Честнѣйшую Херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ, безъ истлѣнія Бога-Слова рождшую, сущую Богородицу, Тя величаемъ.* И егда онъ сію пѣснь часто воспѣвалъ, —вдругъ пришелъ къ нему въ келлію юноша неизреченной красоты. И гость спросилъ: « что ты, брате, творишь? » Хозяинъ отвѣтилъ: « славлю Пресвятую Дѣву Богородицу. » Гость сказалъ: « а како ты славнѣе? » Хозяинъ пропѣлъ « *Честнѣйшую Херувимъ* » до конца. Гость сказалъ: « А мы не тако Её, Владычицу міра, славимъ, но воспѣваемъ сице: *Достойно есть яко воистинну блажити Тя Богородицу, присноблаженную и пренепорочную, и Матерь Бога нашего;* потомъ прилагаемъ и « *Честнѣйшую Херувимъ.* » Хозяинъ поклонился ему, и сказалъ: « прошу тебя: научи и мене тако, да и азъ буду воспѣвать тако. » Гость же сказалъ: « привеси чернилъ, перо и бумаги: азъ тебѣ напишу. » Хозяинъ отвѣтилъ: « не имѣемъ мы ни чернилъ ни бумаги. » Гость сказалъ: « приноси каменную плиту. » Хозяинъ принесъ, и далъ ему. Гость написа на плитѣ перстомъ, какъ на мягкомъ воскѣ, пѣснь Богородицѣ: « *Достойно есть* » до конца, отдалъ хозяину, и сказалъ: « тако пой ты, и всѣ православные христіане: такъ мы Её на небеси воспѣваемъ »; и потомъ невидимъ бысть. Хозяинъ же много удивлялся, и позналъ, что это былъ самъ Архангелъ Гавріилъ; и всю нощь препроводилъ безъ сна, въ безпрестанномъ пѣніи и молитвѣ. По-утру

пришелъ старецъ. Ученикъ сказалъ своему старцу, что въ нощи видѣлъ и слышалъ, и показалъ ему каменную плиту. Старецъ весьма удивлялся; потомъ объявилъ Проту св. Горы. Проть навелъ свидѣтельство, и плиту послалъ въ Константинополь къ вселенскому Патриарху, а икону, предъ которой пѣлъ Архангелъ Гавріилъ, перенесъ къ себѣ на Карею, и поставилъ въ соборномъ храмѣ, въ алтарѣ, гдѣ и донынѣ стоитъ. А пѣснь Архангела Гавріила ко Пресвятѣй Дѣвѣ Богородицѣ Святою Церковію и донынѣ по вселенной воспѣвается тако: *Достойно есть...* и до конца. А во св. Горѣ Аѳонской, во весь годъ, каждую недѣлю, кромѣ Пасхи, поютъ «*Достойно есть,*» хотя бы случился и великій праздникъ». И въ недѣлю никогда не поютъ ирмосъ девятой пѣсни, но всегда «*достойно есть,*» въ память того, что въ Аѳонѣ—и въ недѣлю предано воспѣвать сію Архангельскую пѣснь Царяцѣ Небесной и Владычицѣ міра, Пресвятѣй Богородицѣ, Приснодѣвѣ Маріи: *достойно есть* яко вонстину и проч.

105. Еще на Капсалѣ, недалеко отъ келліи Свят. Василя, есть знаменитая колиба, т. е. келлія безъ церкви, въ которой препровождалъ постническую жизнь, болѣе пятидесяти лѣтъ, великій и знаменитый ученый мужъ, славный учитель и сочинитель, великій старецъ схимонахъ Никодимъ Святогорецъ, который преставился ко Господу около 1819 года. Онъ сочинилъ и написалъ тридцать книгъ. Но двѣ не обрѣтаются; ибо захвачены папистами въ Венеціи самыя черновыя, о чемъ греки весьма сожальютъ и собогъзнуютъ, и много старались исходатайствовать, но не могли; а прочія двадцать восемь напечатаны и

выпущены, о чемъ Восточная Св. Церковь весьма радуется. Содержаніе книгъ своихъ старецъ Никодимъ заимствовалъ отъ Священнаго Писанія, отъ всѣхъ древнихъ и новыхъ Восточной Церкви учителей; собралъ все во едино, изъяснилъ и предалъ православнымъ грекамъ, яко чистую пшеницу: и у всѣхъ грековъ, у мірскихъ и у монаховъ и у безмолвниковъ, не увидишь въ рукахъ больше книгъ, какъ—Никодима Святогорца. И никто не можетъ его книгъ и словесъ до сытости насладиться: всѣмъ достаетъ отъ его кладезя пити, мірскимъ и монахамъ и безмолвникамъ. Онъ былъ великій постникъ и великій ревнитель по Святой Христовой Восточной Церкви и по древнемъ благочестіи. Многія книги написалъ противъ разныхъ еретиковъ: противъ Папы Римскаго, противъ лютеранъ и протестантовъ, и противъ душепагубной униі. И часто въ своихъ книгахъ упоминаетъ о православной Россіи, и похваляетъ ея благочестіе. У грековъ въ духовныхъ разговорахъ всегда повторяется имя Никодима Агіоритиса, т. е. Святогорца. Ему были всѣ аеонскія бібліотеки отверсты; и было ему—изъ чего черпать: не имѣлъ въ книгахъ недостатку. Ктому же еще имѣлъ въ себѣ свыше отъ Бога данную благодать Св. Духа и даръ разсужденія, что явѣ показываетъ его глава, источающая благоуханіе. Только мы русскіе весьма сожалѣемъ о томъ, что не сподобляемся пить отъ его медоточныхъ источниковъ. Ибо почти не имѣемъ ни одной книги его на славянскомъ и на русскомъ языкѣ, кромѣ аеонскаго сокращеннаго Патерика, — и то болгары перевели и напечатали въ Болгаріи.

106. Капсальская гора и другихъ многихъ знамени-

тыхъ отцевъ произрастила. И до-днесь всѣхъ бѣдныхъ и немущихъ къ себѣ принимаетъ, сокрываетъ и упокояетъ. Аще которыхъ и нигдѣ не принимаютъ: на Капсалѣ всѣ находятъ себѣ убѣжище и пристанище; ибо всякъ работаетъ свое рукодѣліе, а базаръ близко; и кто что сработаетъ,—приносятъ на Карею и продаютъ, и покупаютъ себѣ сухарики въ большихъ монастыряхъ, и питаются, и за то благодарятъ Божию Матерь. И мене грѣшнаго довольно упокоялъ св. Капсалъ; хотя и бѣдные братія по нему живутъ, но весьма страннолюбивы. Мы же, проживавши на келліи св. Апостолъ, повсюду по св. Горѣ ходили, и красоты ея наслаждались, и посѣщали, на келліяхъ и въ скитахъ, своихъ русскихъ братій, и всѣ насъ съ любовію принимали, упокояли какъ гостей и странниковъ, и всѣ приглашали къ себѣ въ сожительство.

107. Въ скорости всѣ великороссіане услышали весьма радостную вѣсть, что греки русскаго монастыря св. Великомученика Пантелеимона зовутъ и просятъ изгнаннаго изъ Ильинскаго скита игумена, іеросхимонаха Павла, со всею великороссійскою братіею къ себѣ въ Русикъ въ сожительство. И по всей св. Горѣ Аѳонской пошла сія молва; а на чемъ дѣло кончится, — не извѣстно. Ибо хотя греки и просили игумена отца Павла, но онъ никакъ не соглашался, и говорилъ имъ: «Я никакой не имѣю надежды къ житію въ вашемъ русскомъ монастырѣ. Хотя вы и просите и примете насъ, но послѣ паки изгоните: уже когда насъ свои русскіе изгнали, а на грековъ какая надежда? Когда вы уже князя Шихматова изгнали: про насъ уже нечего и говорить. Мы здѣсь на чужой странѣ; насъ защитить некому: кто хочетъ, тотъ и гонитъ.» Потомъ

сказалъ грекамъ : « Вы мене отцы и не просите : не пойду я къ вамъ въ монастырь, да не наведу на себя другую скорбь, паче первой, какую вы навели отцу Аникитѣ, князю Шихматову. Взойди въ монастырь—не долго : но напередъ надобно хорошенько подумать, и попросить Господа Бога и Божию Матерь.»

108. Но Греки русскаго монастыря, всѣ старшіе братія, ежедневно къ отцу Павлу приходили, и просили его со слезами : « Отецъ Павелъ, идите въ нашу обитель, и ничего не бойтесь : уже мы никогда вашихъ русскихъ не изгонимъ : клянемся Богомъ Вышнимъ, и свидѣтелей представляемъ Божию Матерь и святаго Великомученика Пантелеимона. Много мы сожалѣемъ и плачемъ и о томъ, что выгнали князя ; за что Божія Матерь много насъ наказала, о томъ и вамъ и всей святой Горѣ Аѳонской извѣстно ; и мы теперь хотимъ Божию Матерь умилоствовать, и свое согрѣшеніе загладить, и свою совѣсть очистить : и тогда мы возрадуемся и успокоимся совѣстію, когда увидимъ русскихъ въ своей обители. Придите, отче Павле, во свое русское древнее наслѣдіе, и обладайте имъ. Придите, отче, и приведите съ собою русскаго Святителя Митрофана, Воронежскаго Чудотворца, котораго мы изгнали вмѣстѣ съ княземъ, да и спросимъ мы своему согрѣшенію прощеніе. Есть у насъ одна неосвященная церковь, которую по приходѣ вашемъ освятимъ во имя Святителя Митрофана, въ которой вы русскіе будете отправлять по-русски церковное служеніе. И еще дадимъ вамъ мѣсто среди монастыря, на которомъ, со-временемъ, во имя сего Святителя выстроете соборъ. Придите и видите, отче, во обитель нашу : не можемъ мы болѣе терпѣть, видѣвши

васъ въ такомъ бѣдствіи, не имѣющихъ никакого себѣ пристанища, и не имѣющихъ—гдѣ главы поклонити. Вниди, отче, во святую древнюю русскую обитель. Не мы васъ зовемъ, но желаетъ и зоветъ васъ святыи Великомученикъ Пантелеимонъ, какъ своихъ древнихъ обитателей, и отъ его лица мы васъ просимъ; и желаемъ съ вами жить во общежитіи, и другъ друга тяготы носить, въ любви и во смиреніи препроводить остальные дни жизни нашей, и въ покаяніи скончать животъ свой; а которые останутся послѣ насъ, тѣ будутъ насъ поминать, и за насъ Бога молить». Отецъ же Павелъ имъ сказалъ: «Вотъ, отцы, ежели вы солжете и не исполните своего обѣщанія, то Божія Матерь васъ еще накажетъ. Еще, отцы, скажу вамъ: аще вы желаете принять насъ русскихъ во свою святую обитель отъ искренняго своего сердца; то спаси васъ Господи! Однако, мы сами идти къ вамъ не можемъ; потому что мы имѣемъ у себя старца и духовника, іеросхимонаха Арсенія, живущаго въ пустынь подъ монастыремъ Иверомъ; онъ надъ нами начальникъ и пастырь; его попросите: ежели онъ благословитъ, то мы съ радостію можемъ идти.» Греки же изъ русскаго монастыря приходили просить отца Павла, отъ лица игумена Герасима и отъ лица сто-шести-лѣтняго старца, схимонаха іеродіакона Венедикта, сіи: дидаскалъ іеросхимонахъ и Архимандритъ Прокопій, іеросхимонахъ и духовникъ и ризничій Кирилъ, іеросхимонахъ Митрофанъ, схимонахъ и іеродіаконъ Никифоръ, — и всѣ сіи съли на муловъ, и отцу Павлу дали мула, и поѣхали въ пустыню къ старцу и духовнику Арсенію. И пріѣхавши, взошли въ келію. Греки всѣ пали старцу Арсенію въ

ноги, и со слезами просили его, да благословить русскихъ взойти въ русскую обитель.

109. Старецъ и духовникъ Арсеній радости исполнился, и сказалъ: «Богъ ихъ благословить, и азъ благословляю. Давно уже русскихъ дожидается святой Великомученикъ Пантелеимонъ». Отецъ Павелъ заплакалъ, и палъ предъ нимъ на землю, и сказалъ: «отче святой, чтобы не случилось со мной, какъ—и съ княземъ?» Духовникъ же ему сказалъ: «не бойся, отецъ Павелъ, но иди съ Богомъ: ты тамо и померешь, и будутъ твои кости фундаментомъ для русскихъ вѣчно въ русскомъ монастырѣ». Греки же и отецъ Павелъ всѣ великой радости исполнились. Потомъ духовникъ сказалъ: «Богъ васъ благословить! Идите съ Богомъ. А ты, отецъ Павелъ, за-утро переходи въ русскій монастырь: тако угодно Божіей Матери стало, что въ который день Она входила во Святое Святыхъ, въ той-же день и русскихъ вводитъ въ святую русскую обитель Пантелеимонову». Потомъ отецъ Павелъ, получивши благословеніе, изыде. И идоша всѣ, радуящися и веселящися. Греки радуются, яко имѣютъ получить потерянное сокровище; а русскимъ—всѣмъ радостямъ радость—что имѣютъ получить свое древнее достояніе, и возвратиться въ свою русскую обитель, и могутъ имѣть себѣ во святой Горѣ Афонской прибѣжище и тихое пристанище. Это было 20 ноября; а 21 число праздникъ—Входъ во храмъ, во Святое Святыхъ, Божія Матери: въ той-же день Царьца Небесная вводитъ и русскихъ въ русскую обитель съ торжествомъ, съ честію и со славою. Поутру, т. е. 21-го ч. ноября, 1839 года, прогремѣла, какъ громъ, молва по всей святой Горѣ Афонской—

по монастырямъ и по скитамъ, и по келліямъ и по пустынямъ, а наипаче между русскихъ, — что днесь русскіе входятъ въ русскій монастырь, днесь русскіе получаютъ древнее свое наслѣдіе, днесь русскіе обрѣтаютъ себѣ пристанище. Всюду русскіе радуются и веселятся; всюду русскіе торжествуютъ, по скитамъ и по келліямъ и по пустынямъ. Сорадуются съ русскими и болгары, увидя нечаянно русскихъ утѣшенными, потому что они много о русскихъ соболѣзновали. Пусть бы кто спросилъ: «что днесь у русскихъ за торжество, и что у нихъ за радость?» На это всѣ русскіе отвѣтятъ: «О, какъ намъ русскимъ днесь не радоваться, и како намъ не веселиться? Днесь у насъ сугубый праздникъ: во-первыхъ, празднуемъ Входъ во храмъ Пресвятыя Богородицы; во-вторыхъ, празднуемъ и торжествуемъ входъ нашей русской братіи въ русскую обитель. Днесь Царица Небесная насъ утѣшила: вмѣсто скита дала намъ великій царскій монастырь; вмѣсто малыхъ келлій дала намъ пятиэтажные корпуса. По сей день насъ гнали и поносили, и укоряли, и всегда намъ грозили изгнаніемъ изъ святой Горы Аѳонской: а днесь Царица Небесная нечаянно ввела насъ въ каменную ограду, за желѣзныя врата. Днесь Владычица возвратила намъ древнюю нашу русскую обитель, которая болѣе ста лѣтъ находилась въ рукахъ грековъ. Днесь исполнилось и предсказаніе нашего духовника, отца Арсенія. И всѣ днесь съ нами радуются, греки и болгары, сербы и молдаване, яко утѣшила насъ Божія Матерь; только скорбятъ и сътуютъ одни малороссіане, что напрасно насъ изгнали и оклеветали, и поносили насъ. Но Господь ихъ да проститъ и помилуетъ, и да не поставитъ имъ грѣха

сего: ибо днесъ за все насъ Божія Матерь наградила; хотя немного и поскорбѣли, но пакн утѣшились.

110. 21 числа ноября, изъ русскаго монастыря поутру рано прислали на Карею двадцать муловъ, и взяли отца Павла со всею братіею и со всѣми вещами, и отправились въ русскій монастырь, и пріѣхали къ вратамъ. Греки, всѣ братія, вышли встрѣчать за врата. Отецъ Павелъ, слѣзши съ мула, надѣлъ на себя епитрахиль и фелонь, взялъ икону Святителя Митрофана, Воронежскаго Чудотворца, которую привезъ съ собою, и пошелъ во врата монастырскія. Игумень съ братіею запѣлъ стихиру праздника Входа Пресвятыя Богородицы, и прошли прямо въ великую соборную церковь святаго Великомученика Пантелеимона. И взошедши, икону Святителя Митрофана положили на аналой; вынесли изъ алтаря и главу святаго Пантелеимона, и положили рядомъ на другомъ аналоѣ; вынесли изъ алтаря честное древо Креста Господня, и положили на третьемъ аналоѣ. Потомъ пошелъ отецъ Павелъ прежде къ честному Древу, и положилъ два поклона до земли, и потомъ цѣловалъ Крестъ, и пакн—единъ поклонъ до земли. Потомъ святаго Великомученика Пантелеимона главъ также сотвори; а послѣ и Святителя Митрофана иконъ также сотвори. Потомъ вышелъ среди церкви, и положилъ три поклона до земли. Потомъ подошелъ къ игумену Герасиму, и поклонился ему до земли. Игумень заплакалъ, и самъ ему поклонился до земли, и поцѣловали одинъ другому руки и во уста. Потомъ пошли всѣ братія русскіе по-два, и творили также, какъ и отецъ Павелъ. Потомъ пошелъ самъ игумень Герасимъ, и творилъ также, какъ и отецъ Павелъ, и послѣ подходилъ

къ иконѣ Святителя Митрофана, и со слезами просилъ прощенія за прежнее согрѣшеніе. Потомъ и всѣ греческіе братія подходили по-два. И была въ церкви великая радость и ликованіе, и всѣ кланялись одинъ другому до земли,—русскіе грекамъ, а греки русскимъ,—и всѣ торжествовали.

111. Потомъ пошли всѣ на гостинницу, и тамо угощали русскихъ, какъ лучше быть нельзя. И была въ русскомъ монастырѣ въ той день радость неизреченная; таковой радости въ русскомъ монастырѣ никогда не было, да, можетъ быть, и послѣ не будетъ. Великъ день сей для русскаго монастыря, а наипаче для русской братіи! Не имѣли—гдѣ главы поклонить, и не имѣли никакой надежды—получить какое-нибудь пристанище, а вечаивно получили великій царскій монастырь и свое древнее достояніе, святую обитель Пантелеимонову, именуемую Русскъ. И греки не менѣе радовались, что приняли русскихъ. Ибо и они не имѣли надежды—еще видѣть русскихъ въ своей обители, и помышляли—вѣчно терпѣть это поношеніе, что изгнали русскихъ изъ русскаго монастыря, и за то ихъ всѣ осуждали; и Божія Матерь съ святымъ Пантелеимономъ ихъ безпрестанно наказывали разными искушеніями, которыя опишу послѣ, въ исторіи русскаго монастыря. Греки столь были совѣстію отягощены, что всегда со слезами говорили, что за то ихъ Божія Матерь со святымъ Пантелеимономъ наказываютъ, что изгнали русскихъ, князя со святымъ Митрофаномъ; и полагали они, что этотъ фіалъ гнѣва Божія будутъ пить вѣчно, и не имѣли уже надежды возвратитъ русскихъ въ свою обитель. Да и не возвратили бы, если бы русскихъ не изгнали изъ Ильин-

скаго скита. Русскіе весьма на нихъ оскорбились за изгнаніе князя. И всегда греки говорили, что не видать имъ русскихъ въ монастырѣ.

112. Но старецъ ихъ Венедиктъ сто-шести-лѣтній всегда имъ говорилъ и увѣщаль, что не умретъ, пока не приметъ русскихъ въ монастырѣ. Сіе явно показалъ онъ на гостинницѣ, егда угощали русскихъ. Пришелъ на гостинницу съ своимъ жезломъ, и положивши три поклона до земли, со слезами прочиталъ молитву « *нынѣ отпуцаеши раба Твоего, Владыко* » до конца. Потомъ подошелъ къ отцу Павлу, и поклонился ему до земли, и взялъ отъ него благословеніе. И потомъ, взявши его въ свои объятія, началъ говорить слѣдующее : « Нынѣ возвеселилось сердце мое, и возрадовался духъ мой, что держу днесъ русскихъ въ объятіяхъ моихъ : нынѣ держу потерянное сокровище; нынѣ пришла паки изгнанная моя овца, и блуждавшая по горамъ и по лѣсамъ, и не имѣвшая себѣ ни ограды ни пристанища — гдѣ главы подклонити ; нынѣ паки возвратилась во свою прежнюю ограду ; нынѣ азъ держу ее во своихъ объятіяхъ; уже болѣе еѣ не изгоню, и отъ себя не отпущу. Нынѣ азъ очистилъ свою совѣсть, которая всегда мене обличала и беспокоила за изгнаніе русскихъ ; нынѣ же паки пріяхъ ее, и держу во своихъ объятіяхъ ». Потомъ отпустилъ, и паки сказалъ : « Садитесь, мои дорогіе гости, садитесь, мои честные отцы, садитесь, моя возлюбленная чада, садитесь, изгнанныя овцы, и паки возвращенныя во свою ограду, садитесь, обрѣтенное сокровище, садитесь, чистота моей совѣсти, садитесь, радость моя неизреченная, садитесь, многовожделѣнные мои братія. Веселитесь и радуйтесь, и торжествуйте съ нами за-едино ». Егда же

онъ сіе говорилъ : греки всѣ стояли и смотрѣли на него, и много плакали; русскіе же мало что понимали.

113. Потомъ старецъ Венедиктъ обратилъ очи свои къ братіи своей—грекамъ, и началъ имъ говорить съ великою радостию, съ торжествомъ, слѣдующее, и воскликнулъ : «Радуйтесь со мною, чада моя, радуйтесь со мною, братія моя; и паки реку: радуйтесь! Днесь обновися, яко орля, юность моя, днесь сто-шестилѣтнія мои косточки помолодѣли, днесь слѣпыя мои очи посвѣтлѣли : ибо днесь они видятъ русскихъ паки въ нашей обители; днесь плачетъ одинъ врагъ діаволь, посмѣявшійся надъ моею старостию, смутившій мене на изгнаніе русскихъ; азъ же, яко человекъ, послушалъ его, и поползнулся въ великое искушеніе при послѣднихъ лѣтахъ моей жизни ; еще послушалъ нѣкоторыхъ изъ васъ, и изгналъ русскихъ изъ обители, и возмутилъ свою совѣсть, и погубилъ многолѣтніе свои труды и подвиги, и отяготилъ свое сердце. Три года лежалъ на моемъ сердцѣ этотъ тяжкій камень, и никогда не могъ я успокоить свою совѣсть и душу, и о томъ много пролилъ слезъ; и просилъ Господа моего Іисуса Христа и Пречистую Дѣву Богородицу Марію, да возвратятъ русскихъ паки въ нашу обитель. И услышалъ Господь молитву мою, и извѣстилъ мнѣ, что будутъ отпѣвать и погребать мене русскіе; и дождался того дня съ вождельніемъ, — когда узрю русскихъ въ нашей обители ; днесь сіе получилъ. Сей день, егоже предвозвѣстилъ мнѣ Господь : возрадуемся и возвеселимся въ онъ. Вотъ теперь послушайте, братія моя : азъ изгналъ русскихъ, но азъ паки и ввелъ и принялъ ихъ. Паки говорю вамъ, что азъ принялъ ихъ и посадилъ въ обители сей—вашъ старецъ и наста-

вникъ, грѣшный Венедиктъ. Азъ принялъ русскихъ, и отхожду отъ васъ на вѣчность; оставляю русскихъ—по себѣ наследниками въ вѣчные роды. И вы навсегда живите съ русскими въ любви и единомысліи, и другъ друга тяготы носите; и азъ всѣхъ васъ оставляю, и препоручаю васъ сему блаженному старцу, вашему игумену, а моему ученику—отцу Герасиму. И воистинну онъ есть блаженъ и треблаженъ; всѣ вы поколебались противъ русскихъ; только онъ единъ стоялъ за русскихъ. Но азъ не послушалъ его. А онъ единъ только могъ предъусмотрѣть нашъ душевный и тѣлесный вредъ; онъ только единъ могъ всѣхъ немощи носить. Но теперь, слава Богу, азъ паки принялъ русскихъ и прикрылъ, и оставляю ихъ наследниками, и препоручаю васъ игумену Герасиму. Уже азъ теперь русскимъ—не гонитель, но покровитель и защититель. Мнѣ только того и желательно было. Аминь». Потомъ со всѣми простился, и пожелалъ мира и любви, и пошелъ съ помощію другихъ во свою келлію. И уже еще изъ келліи своей никуда не выходилъ; и болѣе уже его никто не видалъ. И по принятіи русскихъ пожилъ только сорокъ дней, и помре, и отъиде на вѣчную жизнь.

И тако русскіе съ греками въ тотъ день торжествовали, т. е. 21 ноября; а 22-го убирали храмъ къ освященію, въ назначенномъ для русскихъ корпусѣ, въ третьемъ этажѣ. И въ тотъ день много сошлось русской братіи, изъ разныхъ скитовъ и келлій, дѣлать между собою радость и веселіе въ русскомъ монастырѣ, и торжествовать свѣтлый праздникъ Святителя Христова Митрофана, Воронежскаго Чудотворца.

114. Потомъ, въ назначенномъ къ освященію храмѣ

ч. II.

10

была малая вечерня. По вечерни пошла съ иконою въ трапезу. И было въ трапезѣ велие утѣшеніе. Потомъ началось всенощное бдѣніе съ вечера, и продолжалось 12 часовъ. Пѣли—единъ клиросъ по-гречески, а другой по-русски ; греки больше пѣли на-распѣвъ. И многія читали словеса отъ Священнаго Писанія и изъ Отцевъ по-гречески; а по-русски прочитали чудеса Святителя Митрофана и житіе иже во святыхъ отецъ нашихъ Амфилохія Иконійскаго и Григорія Акрагантійскаго. Предъ Литургіей было освященіе храма. И была Литургія самая торжественная. По Литургіи Архимандритомъ Прокопіемъ говорена была торжественная проповѣдь. Подлинно ее упомнить не могу: онъ говорилъ по-гречески; но многія выраженія произносилъ и по-славянски, потому что онъ мужъ ученъ, знаетъ разные языки, а шайпаче знаетъ хорошо славянскій и болгарскій. Мы уже послѣ собирали—кто что могъ припомнить, греки и русскіе, потому что онъ говорилъ наизусть и весьма пространно и столь разительно, что всѣ плакали—русскіе и греки. Хотя не многое изъ слова его напишу днесь, да знаютъ греки и русскіе—съ какимъ торжествомъ и радостію приняла русская Пантелеимонова обитель своихъ русскихъ чадъ. Онъ говорилъ въ слѣдующемъ разумѣ :

115. « Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Что днесь въ русскомъ монастырѣ за праздникъ ? Что днесь въ Пантелеимоновой обители за торжество ? Спросятъ насъ аѳонскіе жители : что въ общежительной киновіи за радость ? Что тамо за веселіе ? Они всегда учатъ всѣхъ плакать о грѣхахъ своихъ, и не позволяютъ даже никому осклабиться, а днесь уже и сами всѣ веселятся. Или они уже премѣнили

жизнь свою? Или они разрушали свои строгіе общежительные уставы? Мы же къ нимъ отвѣщаемъ: мы не премѣнили своей жизни, и не разрушили своихъ общежительныхъ уставовъ; но радуется и веселится днесь мать, и торжествуетъ, что приняла въ свои объятія возлюбленныхъ и первородныхъ старшихъ своихъ чадъ, которые находились въ странствіи болѣе ста-двадцати лѣтъ, скитавшись по горамъ и по вертепамъ, не имѣюще—гдѣ главы приклонити; днесь они пришли къ своей возлюбленной матери во объятія, и она днесь радуется и веселится, и торжествуетъ, что приняла ихъ здравыхъ. И мы, юная ея чада, съ нею веселимся и торжествуемъ, яко видяще своихъ старшихъ братій, вънамъ въ свой домъ возвратившихся—здравыхъ и благополучныхъ. Днесь пришли русскіе къ своей возлюбленной матери въ русскую обитель, и привели русскіе съ собою въ русскую обитель дорогого гостя, своего русскаго Чудотворца, Святителя Митрофана. Но что говорю—*гостя*? Гость только погостить, да и паки уходить. Пришли русскія чада къ своей матери, и привели съ собою Святителя Митрофана уже не въ гости, а на вѣчное жительство, во увѣреніе чего днесь посвятили ему сей храмъ, да пребываетъ Святитель Митрофанъ въ этой русской обители во вѣкъ вѣка, и да содержитъ при себѣ и русскую свою братію. Но что говорю—освятили *храмъ*? Не *храмъ* освятили, а *храмикъ*—только ради перваго случая; а великій соборный храмъ, во имя сего Святителя, со-временемъ выстроютъ себѣ русскіе посреди монастыря, аще подастъ имъ руку помощи благоденственное ихъ отечество—святая и славная Россія. Но паки глаголю радостная, и паки восклицаю торжествен-

ная. Свѣтло днесь красуется и радуется, и весело торжествуетъ святая наша обитель русская о пріятіи своихъ чадъ, и торжествуетъ вкупѣ со святымъ Великомученикомъ Пантелеимономъ и со святымъ Митрофаномъ, и со всѣми своими чадами — съ греками и русскими, и всѣхъ съ собою торжествовати созываетъ, и взываетъ тако: Радуйся и веселися со мной, Госпожа моя и Назирательница моя, Пречистая Владычице моя Богородице! Се бо расточенная моя чада русскія собрашася днесь ко мнѣ въ объятія. Радуйся и веселися со мной и ты, первый по Богородицѣ мой помощниче и заступниче и назирателю мой, святыи Великомучениче Пантелеимоне; торжествуй днесь со мною и веселися: днесь бо древнии твои обитатели и твои любители къ тебѣ возвратишася! Радуйся со мной и ты, святыи Отче Митрофане, изъ Россіи пришедшій съ своею русской братіей въ сію святую Гору Аѳонскую, во жребій Царьцы Небесной, какъ въ тихое и небурное пристанище, ко мнѣ во обитель и ко святому Великомученику Пантелеймону въ содружество! И азъ дала тебѣ сей храмъ, да пребываеши въ немъ даже до втораго Христова пришествія, хотя не тѣломъ, но духомъ; и твоей святой иконой спасай и соблюдай мене съ моими чады, со всею своею русской братіей и съ греками; и сохраняйте мене отъ всякихъ бѣдъ и напастей вмѣстѣ со святымъ Великомученикомъ Пантелеимономъ и съ Пречистою Дѣвою Богородицею! Радуйся и ты со мною днесь, вся святая Гора Аѳонская, со всѣми своими жителями и пустынями! Радуйтесь днесь со мною и вы, мои другини, святыя Лавры и честныя монастыри и святыя киновіи, со мною — обителью

русскою : се бо азъ пріяла днесь возлюбленныя своя русская чада въ свои нѣдра ! Радуйтесь со мною днесь и вы, святогорскіе скиты и келлія и колибы пустынные ! Днесь повсюду въ васъ торжествуютъ русскіе братія, и веселятся, что днесь пришли они ко мнѣ—своей матери, и пріяла я ихъ въ свои объятія. Теперь послушайте, русскія братія, здѣсь присутствующіе; и къ вамъ обращаетъ обитель слово. Радуйтесь и веселитесь, ликуйте и свѣтло торжествуйте, и вы, многовождељная и возлюбленная моя чада русскія, со мною матерью вашею, обителью русскою ! Днесь у насъ обоюдная радость и торжество : вы радуетесь, яко обрѣли мене свою возлюбленную родную мать—обитель русскую, и пришли въ мой матернія нѣдра и въ мои матернія объятія, по многолѣтнемъ вашемъ странствіи и бѣдствіи, скитавшись по чуждымъ обителямъ. Хотя онѣ и всѣ—мои другини и сестры, но нѣсть въ нихъ вашей матери; а я едина — ваша возлюбленная мать—обитель русская; я едина могу васъ упокоить въ сей маловременной жизни, и препроводить на вѣчное блаженство. И азъ, возлюбленная моя чада, паче васъ радуюся и веселюся, яко сподобилась пріянуть васъ во свои объятія. Сколь мнѣ было грустно и скорбно смотрѣть на васъ, любезныхъ моихъ чадъ, странствующихъ по святой Горѣ Аѳонской, по горамъ и по вертепамъ, и не имѣющихъ—гдѣ главы приклонити, гонимыхъ и хулимыхъ, поношаемыхъ и укоряемыхъ ! И сколь мнѣ было болѣзненно смотрѣть на ваше такое горестное бѣдствіе, болѣе ста-двадцати лѣтъ вамъ терпимое ! Теперь скажу и о себѣ: какую и азъ терпѣла безъ васъ скорбь о томъ, что нахожусь я горькою и беззаступною сиротою, оборванною и

обнаженною, и лишенною своихъ любезныхъ чадъ первородныхъ, и не имѣющею ни отъ кого помощи, да кто мя облечетъ и украситъ красотою, какъ и прочія мои сестры убраны и украшены. И како мнѣ было не скорбно—называться русскою обителью, а русскаго чада ни одного въ себѣ не имѣть? И како мнѣ было не грустно—терпѣть отъ приходящихъ поѣтителей? Каждый приходящій ко мнѣ стремится, какъ къ русской славной обители, имѣющей богатыхъ и славныхъ русскихъ сыновъ, и чаеетъ мене обрѣсти убранную и украшенну паче прочихъ моихъ сестръ; но егда приходитъ, и обрѣтаетъ мене сиротою, оборванною, обнаженну, и съ возлюбленными первородными моими русскими чадами разлученну; то каждый отходитъ отъ мене со слезами, и оставляетъ мене сироту горько плакати. Како мнѣ не скорбно было слышати, что я, обитель русская, имѣю у себя сыновъ великаго и славнаго и благоденственнаго отечества Россійскаго, еще имѣю покровителя и защитника всея святаыя Восточныя Церкви—Благочестивѣйшаго Россійскаго Императора, азъ же мать, обитель русская, нахожусь здѣсь во святой Горѣ Аѳонской самая убогая и сирота беззащитная, оборванная и обнаженная, и отъ всѣхъ обижаемая и оскорбляемая, и отъ нихъ первородныхъ возлюбленныхъ моихъ чадъ разлученная, и до конца оставленная ими, не имѣющими обо мнѣ никакого попеченія и вниманія? И находилась въ такомъ сиротствѣ и скорби болѣе 120 лѣтъ. Нынѣ же вся сія скорбная мимодоша; нынѣ вся нова быша; нынѣ веселіе и торжество. Днесь всякія радости азъ преисполнена: днесь возлюбленные и первородныя мои чада русскія возвратишася въ мою матернію обь-

ятія и въ мои нѣдра. Уже нынѣ азъ нѣсмь сирота, ни убога: отнынѣ они мои любезныя чада, мене, свою мать, облекутъ и украсятъ красотою паче всѣхъ, и буду азъ славна по всей святой Горѣ Аѳонской. И еще радость къ радости присовокупилась; ибо не одни они пришли чада моя, но пришелъ съ ними и святой русскій Митрофанъ: и онъ, Святитель, пришелъ помочь мнѣ бѣдной, и украсить мене обнаженную, и азъ съ великою радостію его приняла къ себѣ, и на первый случай дала ему сей храмъ, да въ немъ пребываетъ; а по времени выстроютъ ему чада моя великій храмъ соборный, въ которомъ Святитель будетъ пребывать во вѣкъ вѣка. Аминь.»

116. По окончаніи Литургіи, съ иконою Святителя Митрофана пошли въ трапезу. И было въ трапезѣ велие утѣшеніе. Въ трапезѣ самъ игумень Герасимъ говорилъ слово къ своимъ грекамъ слѣдующее: «Отцы и братія! послушайте мене грѣшнаго, вашего старца и игумена: днесь мы празднуемъ и веселимся, и торжествуемъ потому, что мы днесь совершили великія два дѣла: первое—приняли русскихъ въ обитель и во общежитіе; тѣмъ мы прегражденіе вражды разрушили: второе—освятили храмъ свитому Митрофану, Россійскому Чудотворцу, и этимъ мы утвердили и укрѣпили и заключили русскихъ вѣчно въ нашей обители пребывать. Хотя мы и согрѣшили прежде, что выгнали русскихъ изъ обители, но азъ тому дѣлу былъ не причастенъ, не моя была воля: вы захотѣли, вы и выгнали; но за то какъ насъ Господь и Божія Мать наказала,—кому вамъ неизвѣстно? Аще вспомяну, то всѣ будете плакать; оставлю о томъ много говорить: днесь десь — не плача, но день.—радости и веселія. Воспо-

мяну не много, дабы впредь отъ того были осторожны. Вы знаете, что вы хотѣли оставить обитель сію, и бѣжать—кто куда знаетъ; но азъ васъ уговорилъ, и азъ за васъ много пострадалъ, и мало что не посланъ былъ вѣчно въ заточеніе, только Божія Матерь защитила мене безвиннаго. И еще скажу: сколько разъ мы сядились въ трапезѣ почти безъ хлѣба, съ одними малыми гнилыми сухарями! Но еще Господь не до конца на насъ прогнѣвался, и не въ-вѣкъ враждовалъ на насъ, но паки утѣшилъ насъ симъ радостнымъ торжествомъ. Паки загладили мы свое согрѣшеніе; паки русскіе — въ нашей обители, паки съ нами торжествуютъ и веселятся. Еще скажу вамъ братія: хотя и изгнали прежде русскихъ, но не самыхъ чистыхъ русскихъ, а болѣе были то малороссіане. Весьма жалко мнѣ того блаженнаго старца, князя отца Аникиту, что его оскорбили; но за то Господь да упокоитъ его въ будущемъ вѣкѣ. Но теперь приняли русскихъ всѣхъ—самыхъ великороссіанъ, какъ сего отца Павла, такъ и всѣхъ сущихъ съ нимъ; это для насъ еще большее веселіе и радость: теперь наша обитель русская—не малороссійская, но настоящая великороссійская. Теперь, отцы и братія, приняли мы русскихъ, и приняли вся благая для обители нашей; и ежели навсегда будутъ русскіе жить въ обители нашей, то какъ она теперь убога и обнаженна, и попраема изъ всѣхъ аѳонскихъ обителей, такъ будетъ богата, убрана и украшена, и славна будетъ не только во святой Горѣ Аѳонской, но и по вселенной; потому что русскіе имѣютъ благоденственное свое отечество—славную и богатую Россію и своего благочестиваго и Христомлюбиваго Россійскаго Императора. Къ русскимъ будутъ пріѣзжать разныя лица на постъ

щеніе , и награждать своими щедрыми милостями, и украшать нашу обитель, и намъ помогутъ Богъ дастъ, и долгу избудемъ: ибо вы сами знаете, что болѣе ста тысячъ обитель должна. Вы не знаете — каково мнѣ это иго вести: до крайности оно мене отягчало. Прошу васъ, отцы и братія, и со слезами прошу: несите немощи русскихъ, несите, и не отягчайтесь; ибо теперь я васъ предъупреждаю, что не безъ труда будетъ намъ съ русскими жить, потому что они языку нашего не понимаютъ, обычаевъ и уставовъ и работъ нашихъ не знаютъ; и намъ надобно больше терпѣть и цести ихъ немощи, а они будутъ помогать въ другомъ дѣлѣ. И ежели кто, отцы и братія, будетъ не согласенъ съ русскими жить, и немощи ихъ носить, то прошу — изъ обители выходить; и держать тѣхъ не буду. А я и обитель съ русскими не разлучимся вѣчно. Осветили днесъ храмъ Святителя Митрофана для русскаго богослуженія; но скоро будемъ закладывать великій соборный храмъ для русскихъ. И тако, отцы и братія, будемъ вѣчно съ русскими жить, и другъ друга тяготы носить, и тако исполнимъ законъ Христовъ. И будемъ въ смиреніи и въ послушаніи препровождать остальные дни жизни нашея, и въ сей святой обители скончаемъ животъ свой, да перейдемъ на вѣчную жизнь. Аминь. »

По трапезѣ, пошли съ иконой въ соборную церковь, и тамо была великая ектенія за ктиторовъ и за Константинопольскаго Патріарха, и за Россійскаго Императора, Николая Павловича, и за всю Фамилію Его. Потомъ пѣли многолѣтіе вселенскому Константинопольскому Патріарху и Россійскому Императору, Николаю Павловичу, и всей Фамиліи Его; потомъ — игумену

Герасиму со всею братією и іеросхимонаху Павлу со всею русскою братією. Вышедши изъ церкви, игумень Герасимъ остановился, и сказалъ отцу Павлу, показывая рукою: «Вотъ отецъ Павелъ, со всею твоею русскою братією, благословляетъ вамъ святая наша обитель и святой Великомученикъ Пантелеимонъ, и азъ съ братією, сей пятиэтажный корпусъ со всѣми тремя церквами. Ты самъ возьми келлію угольную подлѣ церкви Святит. Митрофана, а братію самъ распоряди. А отдохнувши, мы къ тебѣ на новоселье придемъ въ гости. А вы, отцы греки, всѣ выберитесь изъ того корпуса по прочимъ.» И самъ пошелъ во свою келлію. Русскіе братія тотчасъ перебрались—кому гдѣ назначилъ отецъ Павелъ. Потомъ, отдохнувши, принесли съ гостинницы всякаго угощенія къ отцу Павлу въ келлію, и пришедши игумень Герасимъ, позвалъ всю русскую братію, и приказалъ всѣмъ сѣсть, и началъ говорить слѣдующее:

117. «Возлюбленные отцы и братія русскіе, ты, отче Павле, со всѣми прочими! Теперь мы васъ приняли въ св. сію обитель, и освятили для васъ храмъ, и дали вамъ келліи,—сей корпусъ съ тремя церквами: довольны ли вы этимъ?» Русскіе отвѣтили: «довольны, отче святой.» Игумень же паки началъ говорить: «Теперь живите, и благодарите Господа Бога и Божию Матерь, и св. Великомученика Пантелеимона и Святителя Митрофана, и за насъ грѣшныхъ молитесь Богу. Теперь, отцы и братія, надобно намъ другъ друга тяготы носить; и вы, отцы и братія русскіе, понесите немощи нашихъ грековъ, потому что и наши греки есть немощные: яко челоуѣцы падаютъ, ктому же вспыльчивы и круты характеромъ. Ежели

они что скажутъ , а вы не поймете , и они на васъ оскорбятся ; то вы сотворите поклонъ , и скажите : прости , согрѣшихъ . Что дѣлать ? Всюду нужно терпѣніе ; и Господь сказалъ : *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* . А наипаче , отцы , старайтесь привыкать , и подражать нашимъ общежительнымъ уставамъ и обычаямъ , и во всемъ подражайте нашимъ грекамъ , и блюдитесь , чтобы не произошло отъ васъ какой соблазнъ . На послушаніе ходите , но не одни , а съ нашими греками . Черезъ силу не работайте , а помаленьку , по своей силѣ . А уставъ нашъ общежительный таковъ : канонъ келейный—тысячу триста поклоновъ ; въ келліи ничего не имѣть , даже и воды ; безъ рясы не ходить ; на послушаніи не говорить ; ежедневно помыслы исповѣдывать ; каждую седмицу причащаться Святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой , и прочая многая , что сами увидите и узнаете . И помалу научайтесь , и во всемъ примѣръ берите съ нашихъ грековъ ; въ келліи единъ къ другому не ходите ; и келлій своихъ никогда не запирайте ; тако живите и спасайтесь ; о здѣшнемъ ни о чемъ не печетесь , но на вѣчное приготовляйтесь ; а тѣлесное все вамъ будетъ готово и дано,—пища и одежда и дрова ; а кто заболитъ,—есть у насъ спокойная больница ; а кто помретъ , то похоронимъ съ честію и со славою , и будутъ обитель и братія вѣчно поминать ; а изъ русскихъ кто будетъ желать съ нами жить,—всѣхъ буду принимать , только по вашему совѣту ; но знайте и помните , что ваша вѣчная русская сія обитель . Аминь . » Потомъ всѣхъ русскихъ и грековъ угощали .

118. Вечерни были двѣ : греки служили въ соборѣ ,

а русскіе—въ своей церкви, у Святителя Митрофана. На вечерни отецъ Павелъ сказалъ своей русской братіи слово слѣдующее: «Возлюбленные мои великороссійскіе братія! Днесъ у насъ праздникъ праздниковъ и торжество торжествъ; днесъ у насъ радость и веселіе; сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ оны! Днесъ мы обрѣтохомъ свою возлюбленную мать, столько лѣтъ отъ нея бывши разлученными! Днесъ мы взошли во св. русскую свою обитель! Хотя мы и нашли ее убогую и обнаженную; но Господь намъ русскимъ поможетъ: паки облечемъ ю въ первую одежду, и паки обогатимъ ю. Днесъ мы обрѣтохомъ себѣ тихое пристанище и прибѣжище по многолѣтномъ нашемъ странствіи и бѣдствіи! Днесъ мы отъ странствія во свою русскую обитель возвратимся, и отъ всѣхъ скорбей на радость премѣнимся! Днесъ мы торжественно празднуемъ праздникъ Святителя Христова Митрофана, Воронежскаго Чудотворца, и освятили ему сей храмъ! Черезъ то мы въ этой русской нашей обители положили твердое и вѣчное основаніе, чтобы русской нашей братіи здѣсь проживать, и вѣчно здѣсь пребывать. Теперь, слава Богу, имѣютъ себѣ великороссіане во св. Горѣ Аѳонской пристанище и прибѣжище. Сколько лѣтъ наши великороссіане бѣдствовали, и не имѣли—гдѣ главы приклонити, и ходили съ келліи на келлію, съ колибы на колибу! Всюду нашихъ притѣсняли, какъ безпріютныхъ овецъ: всему азъ самовидѣцъ, ибо живу во св. Горѣ Аѳонской тридцать пять лѣтъ. И азъ самъ, пришедши во св. Гору, расположился здѣсь скончать жизнь свою, и негдѣ было проживать, и прилѣпился къ малороссіанамъ въ Ильинскій скитъ. И жилъ, какъ овца посредѣ волковъ, трид-

цать пять лѣтъ, и терпѣлъ повседневно скорби, пошенье и укоренье. А сколько еще во время смущенія претерпѣлъ скорбей и самую почти смерть, со игуменомъ Пареемъ сохраняя скитское имѣнїе, странствуя по Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи! Черезъ шесть лѣтъ паки возвратились во св. Гору Аѳонскую, паки пришли во свой Ильинскій скитъ, и онъ былъ пустъ, и весь лѣсомъ заросъ, такъ что въ двѣ недѣли едва до вратъ добрались, и что положили трудовъ,—только единому Богу извѣстно. Паки привели въ порядокъ, паки собрали и братіи до тридцати человѣкъ. Но паки Господь посѣтилъ насъ: посла Богъ намъ въ скитъ моровую язву, и почти всѣ братіи сдѣлались жертвою ея, и самъ игуменъ Пареевъ помре. Азъ же по вся дни служилъ Литургію, и всѣхъ причащалъ Святыми Тайнами, и постригалъ въ схиму, и остался азъ живъ съ четырьмя человѣками, которые находитесь здѣсь. По прошествіи же моровой болѣзни, съ согласія всей братіи избрали мене во игумена; но ненавидящіе насъ малороссіане мене извергли; и трижды мене возводили, и паки низвергали; а послѣ, не только извергли, но и изгнали изъ скита, и не одного мене, но и всѣхъ васъ великороссіанъ, монаховъ учениковъ. Вы же теперь не всѣ со мной остались, но многіе разсѣялись по св. Горѣ, по разнымъ монастырямъ и скитамъ. Теперь желалъ бы всѣхъ собрать къ себѣ во едино; но не неволю никого, а кто какъ знаетъ. А ненавидящихъ и обидящихъ насъ прости, Господи, и помилуй, и не постави имъ, Господи, грѣха сего! А за наше малое терпѣнїе утѣшили и наградили насъ Господь и Божія Матерь сторицею: вмѣсто скита, далъ намъ Господь царскій монастырь,

вмѣсто одной церкви, дагь намъ три церкви, вмѣсто одноэтажныхъ келлій—пятиэтажный корпусъ; вмѣсто чуждаго скята, дагь намъ Господь свою древнюю русскую обитель; вмѣсто гуцоловъ, дагь намъ Господь сихъ блаженныхъ старцевъ, благословенныхъ грековъ. Воистинну блаженны мы, братіе! Ибо не достойны мы на таковыхъ старцевъ смотрѣть; а намъ приводить Господь и пожить съ ними, и пользоваться ихъ примѣрною жизнью. Теперь, братія моя, надобно намъ паки снова учиться монашеству. Хотя азъ и тридцать пять лѣтъ въ монашествѣ, но еще общезнательныхъ греческихъ уставовъ и обычаевъ не знаю. И всегда азъ удивлялся имъ—какъ они опасно блюдутъ свои чувства отъ всѣхъ соблазновъ; но теперь благодарю Господа моего, яко сподобляетъ мене—съ ними пожить, и на нихъ посмотрѣть. Теперь, братія моя, и вы старайтесь свои русскіе и скитскіе обычаи перемѣнять и забывать, и во всемъ подражать и послѣдовать смиреннымъ грекамъ, и во всемъ съ нихъ брать примѣръ. А наипаче, братія моя, надобно приучать себя къ терпѣнію, и переносить всякія скорби, случающіяся отъ общежитія. Теперь, слава Богу, всѣмъ упокоены: церковь у насъ своя, келліи добрыя, пища и одежда готовая, обитель у насъ великая и славная; теперь—только надобно благодарить Бога и Божию Матерь, и имѣть попеченіе о душахъ своихъ, и предъуготовляться на вѣчное блаженство. Аминь.»

Послѣ вечерни, была трапеза изобильная. Мы же по-утру, послѣ утрени, возвратились каждый въ свою пустынную келлію, благодаряще Господа Бога. Потомъ азъ тую седмицу постился.

119. Въ пятокъ вечеромъ пошелъ ночевать къ духовнику—отцу Арсенію, и читалъ съ ними вечерню и правило и утреню. И всякая служба была слезами растворена: они безъ слезъ не могли ни читать, ни пѣть, а наипаче отецъ Николай. Послѣ утрени азъ исповѣдался, и открылъ своему духовному врачу и пастырю всѣ мои язвы и болѣзни, яже отъ юности моя, и всѣ мои дѣянія и начинанія, и всѣ мои желанія и помышленія. Онъ же ко всѣмъ моимъ язвамъ и болѣзнямъ приложилъ пластырь, и уврачевалъ, и всѣмъ мене успокоилъ; а послѣ сказалъ: «Вотъ тебѣ Господь на-время назначилъ мѣсто: ступай и поживи одинъ въ пустыни, но не много; и научись руководѣлю — работать ложечки. А келійка есть у отца Павла хромаго; тамъ и поживи; а послѣ Литургіи еще поговоримъ.» Литургію духовникъ служилъ въ холщевыхъ ризахъ; азъ пономарилъ, а отецъ Николай пѣлъ тихимъ плачевнымъ гласомъ; отъ слезъ едва былъ слышенъ гласъ его. Духовникъ же во алтарѣ предъ престоломъ Господнимъ стоитъ весь во слезахъ, и едва можетъ произносить возгласы. Азъ же, окаянный и грѣшный, между такими великими огненными столпами весь былъ одержимъ страхомъ и ужасомъ, не зналъ—куда направить свой слухъ: въ алтарь ли, или назадъ? Всюду возбуждаетъ мене на плачь. И азъ, смотря на нихъ, не могъ удерживаться отъ слезъ. И были мы съ отцемъ Николаемъ причастниками Тѣла и Крови Христовой. По Литургіи была преизобильная трапеза: сухари съ водою, да огурцы съ перцомъ, и масляны соленыя, и смоквы.

120. По трапезѣ спросилъ мене духовникъ: «имѣешь ли ты деньги купить инструментъ ложечный?» Азъ же

отвѣтилъ, что не имѣю почти ни одной копѣйки денегъ, только немного сухарей. Онъ же вынулъ свой кошелекъ, и высыпалъ всѣ свои денежки, и пересчиталъ; и было только тридцать левовъ, т. е. шесть рублей; и сказалъ мнѣ: «возьми ихъ всѣ себѣ»; а самъ пошелъ, и принесъ книгу «*октоихъ*», и сказалъ: «этихъ денегъ тебѣ мало, надобно пятьдесятъ левовъ: сорокъ—за инструментъ, а десять—на сухари; ты возьми сію книгу, и заложь у русскихъ, у Кореневыхъ, и возьми еще двадцать левовъ, а я послѣ выкуплю.» Азъ же палъ ему на носъ, заплакалъ, и сказалъ: «отче святой, а вы съ чѣмъ останетесь? вы—люди старые и немощные.» Онъ же отвѣтилъ: «Ты о насъ не пекись; намъ Богъ пошлетъ; мы работаемъ рукодѣліе; а ты иди съ Богомъ. А когда какая еще нужда будетъ, то приходи ко мнѣ: я еще дамъ на сухари; и похаживай ко мнѣ почаще.» Азъ же еще палъ ему въ ноги, и началъ его просить, да приметъ мене жить къ себѣ въ келлію. Онъ же сказалъ: «этого не проси; никто съ нами не можетъ жить, и нашей жизни вмѣстить: намъ опредѣлено двоимъ скончать свою жизнь.» Азъ же взявши благословеніе изъидохъ. И много удивлялся—какъ они живутъ, яко птицы, отнюдь ни о чемъ житейскомъ попеченія не имѣютъ; но всю свою надежду положили на единого Господа Бога, и со единымъ своимъ Создателемъ бесѣдуютъ, и приносятъ свои теплыя молитвы о всемъ мірѣ и о всякой душѣ христіанской. Азъ же пошелъ на келлію къ Кореневымъ, и отдалъ имъ книгу; они еще мнѣ своихъ дали десять левовъ. Потомъ азъ пошелъ къ отцу Павлу хромому, и сказалъ ему, что хочу жить на его колѣбѣ. Онъ же весьма радъ былъ, и привелъ меня къ

ней, и сказалъ : « вотъ , любезный братъ , живи , да Бога моли .

121. Азъ же вселился въ сію пустынную колибу съ благословеніемъ отца моего духовнаго, и купилъ себѣ ложечный инструментъ и сухариковъ, а вода близу—источникъ чудотворный точится: изъ камене изведена св. Іоанномъ Предтечею; во имя его и келлія выстроена. И положилъ азъ начало—жить единъ со единымъ Богомъ; и началъ учиться помаленьку работатъ ложечки; а отцы и братія аѳонскіе стали мене посѣщать, и приносить мнѣ нужное къ житію, овыи—изъ пищи, овыи—изъ посуды, а кто—изъ одежды; и началъ жить и радоваться, и благодарить Господа Бога моего и Владыку, Царя Небеснаго, и Пречистую Его Матерь, Пресвятую Владычицу нашу Богородицу, за Ихъ неизреченныя ко мнѣ милости. Ибо что азъ просилъ, и что желалъ съ самой юности, то все получилъ. Желалъ оставить суетный міръ со всѣми его прелестями: Господь и освободилъ. Желалъ, искалъ узнать едину православную Христову вѣру и единую Св. Соборную Апостольскую Христову Церковь: Господь мнѣ показалъ, и къ ней присоединилъ. Желалъ видѣть св. и пресловутую Аѳонскую Гору: Господь привелъ и жить въ ней. Желалъ найдти и имѣть себѣ старца и отца духовнаго, въ иноческой жизни искуснаго: и Господь далъ мнѣ старца—прозорливца. Желалось пожить единому въ пустыни: и того Господь сподобилъ. Желалъ, чтобы никого не отяготить: и Господь далъ мнѣ малое руководѣіе, которое довольно къ моему пропитанію; только теперь единого не получилъ—что еще не сподобился постричься въ совершенный иноческій чинъ: но имѣлъ надежду

на Господа моего , Иисуса Христа , и на Пречистую Его Матерь, что и въ томъ не оставяеть мене, но современемъ и то сподобяеть получить.

Сія колиба принадлежить къ монастырю *Ставроукиитъ*, разстояніемъ отъ монастыря полторы версты, подлѣ келліи Іоанна Предтечи. Въ 1839 году келлія сгорѣла; ибо лѣтомъ былъ пожаръ, и сгорѣло много лѣсу, до двухъ тысячъ масличныхъ древъ и сія келлія; а колиба осталась, ибо она стоитъ на скалѣ: внизу, какъ подъ стѣной, шумить море, а съ другой страны стоитъ гора, какъ стѣна; а съ третьей страны—горѣлая келлія и мало древъ и неприступная скала; а съ четвертой страны—висячій камень; изъ-подъ него течеть вода; и никуда ничего не видно: ни Аеона, ни монастырей, ни келлій; только къ востоку открыто великое море, и на немъ синѣются острова, а отъ запада нависла гора, какъ стѣна, а подо мной шумить морская вода, и вокругъ мене горѣлыя древа. Азъ же, яко птица, свилъ на камени себѣ гнѣздо, ни о чемъ не имѣя попеченія: всѣмъ доволенъ, и всѣмъ спокоенъ, и успокоились всѣ мои чувства, и успокоились всѣ мои помыслы, и живу въ радости и веселія, какъ въ раю, припѣвая съ Пророкомъ Давидомъ: *се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыни, чаяхъ Бога спасающаго мя. Пс. 54, 8.* И перковная ластовица, св. Іоаннъ Дамаскинъ утѣшаетъ мя, воспѣвая сиче: *пустыннымъ животъ блаженъ есть: Божественнымъ раченіемъ воскриляющимся.* Ант. гл. 5. И паки: *пустыннымъ непрестанное Божественное желаніе бываееть міра сущимъ суетнаго кромь.* Ант. гл. 1. Живушу мнѣ въ такой тишинѣ и безмолвіи, радуюшуся и веселяшуся, вышелъ изъ моей памяти мѣръ со всѣми своими пре-

лестями, и сдѣлался азъ, яко природный гражданинъ св. Горы Аѳонскія. Каждую субботу исходжалъ на Карею съ прочими отцами, и продавалъ свое убогое рукодѣлье, свои плохенькія ложечки, и покупалъ себѣ потребное къ житію, а сухари покупалъ больше въ Иверскомъ монастырѣ. И часто посѣщалъ своего духовнаго отца Арсенія, и получалъ отъ него наставленія на совершенное иноческое житіе, и всегда исходжалъ отъ него съ неизреченною радостію; многажды и ночевалъ у нихъ, и присматривался къ ихъ жизни, и никогда не могъ замѣтить, чтобы они когда въ нощи спали, но всю нощь препровождали во бдѣніи, или въ келейной молитвѣ, или прохаживались. Въ самую полунощь входили въ церковь, и читали полунощницу, а потомъ утреню. И тако провозждали всю нощь въ молитвѣ. Азъ же всегда ходилъ мимо вратъ монастыря Иверскаго, и получалъ отъ вратаря хлѣбъ. Егда же случался въ какомъ монастырѣ или въ скиту, храмовый праздникъ или торжество,—азъ съ прочіею братіею ходилъ туда, и торжествовалъ духовно и тѣлесно, и разсматривалъ зданія и иконное стѣнное писаніе, и прочую святогорскую аѳонскую лѣпоту, и лобызалъ всѣ святыни, чудотворныя иконы и св. мощи, и прочія достопамятныя вѣщи. И тако посѣщая святогорскія обители и прочія монашескія жилища, я изслѣдовалъ всю св. Аѳонскую Гору, и разсмотрѣлъ ея красоту: пречестныя св. великія лавры и великія царскія св. обители, монастыри и киновіи, и великіе скиты и келліи, и отшельническія пустынные колибы, и великія прекрасныя удолія, усѣянныя монашескими келліями и колибами, усаженныя разнообразными великими прекрасными садами, масли-

чными и вивоградными, и смоковничными и орѣховыми древами. И каждая келлія и колиба имѣеть по три и по пяти кипарисовъ, которые неизреченную красоту придаютъ св. Горѣ Аѳонской. И каждая келлія преизобилуетъ водою: по одному и по два журчатъ источника. Тогда азъ со страхомъ и радостію часто повторялъ сіи словеса: воистину сей есть домъ Божіей Матери! Воистину сей есть рай едемскій, изъ негоже Адамъ изгнанъ бысть; азъ же грѣшный въ него возвращенъ есмь. О, блаженн очи мои, видѣвшіе тя, св. Гора Аѳонская, и блаженн родители мои, родившіе мя! Сего мои родители, дѣды и прадѣды, не только не видѣли, но почти и не слышали; а мене грѣшнаго сподобилъ Господь въ тебѣ жить, и наслаждаться твоею красотою. И часто ходили по непроходимымъ аѳонскимъ пустынямъ, горамъ и лѣсамъ; и часто блуждали; и случалось блуждать по половинѣ дня. И тако посѣтилъ я всю Аѳонскую Гору, и узналъ всѣхъ русскихъ братій и ихъ жилища, и кто какую жизнь проводятъ. Праздникъ Святителя Николая праздновали въ своемъ монастырѣ, Ставропикитѣ. Декабря 21-го ч. была гроза, громъ и молнія; а послѣ выпалъ небольшой снѣгъ.

122. Декабря 23-го, пошли на праздникъ Рождества Христова въ общежительный монастырь *Симонетръ*, который отстоятъ отъ моей колибы шесть часовъ ходу, т. е. тридцать верстъ, и тамо гостили два дня. Тамо первый разъ увидалъ я чинъ и уставъ и порядокъ аѳонскихъ общежительныхъ обителей, котораго азъ еще отъ роду нигдѣ не видалъ: правятъ и распоряжаютъ благочинно, кротко, тихо и любовно; и весьма азъ распалился душею, смотря на равно-

ангельную общежительную жизнь, на смиреніе и кротость тамошнихъ иноковъ: они—совершенные и искусные иноки по виду и по обхожденію. И праздновали праздникъ весьма торжественно. Былъ Архіепископъ, двадцать іеромонаховъ и восемь іеродиаконовъ, и до пятисотъ братіи. Продолжалось всенощное бдѣніе четырнадцать часовъ. Пѣли пѣвцы dobroгласные, все по-гречески. Потомъ—Литургія; по Литургіи была всѣмъ трапеза изобильная, съ велимъ утѣшеніемъ. По трапезѣ мы русскіе пошли въ путь, съ намѣреніемъ ночевать въ русскомъ монастырѣ, посѣтить свою русскую братію на новосельи. А отъ монастыря Симопетра до русскаго монастыря четыре часа ходу, т. е. двадцать верстъ.

123. Пришли уже къ самой вечерни: вечерню греки правили въ соборѣ, а русскіе — во своей церкви Святителя Митрофана. По вечерни была трапеза изобильная. Теперь азъ увидалъ русскаго монастыря общежительный чинъ и уставъ; прежде хотя я былъ, но ничего не могъ разсмотрѣть, потому что было многолюдствіе и суета, а теперь—только одни свои братія; и столько было благочинно и кротко, что несравненно превосходить Симопетръ. Ибо полна трапеза своей братіи; сидятъ всѣ до чинамъ, каждый чинъ за своимъ столомъ: іеромонахи съ игуменомъ—за своимъ; схимонахи и монахи—за своими; рясофорные—особенно; послушники—за своими; безбрадые и младые—особливо; прихожіе мірскіе—особливо. Пища же всѣмъ одинаковая,—какъ игумену, такъ и работникамъ. И предъ каждымъ стоитъ своя чаша съ кушаньемъ и тарелка съ платкомъ, съ салфеткой, ложка, вилка и ножикъ, и кубокъ вина и стаканъ, и каж-

дому—цѣльный пшеничный хлѣбъ. И столько чинно, что каждый сидитъ накрывшись своимъ клобукомъ, и не видитъ единъ другаго—кто противъ его сидитъ, но со страхомъ и молитвою ясть представленное ему брашно; и ничего больше не слышно, кромѣ чтенія; а жертвенникъ читаютъ на каедрѣ высоко. Аще ли кто не хочетъ ясти, или вкусилъ до сытости, тотъ рудѣ имѣеть прижаты къ персемъ и главу наклоненну, и сидитъ со страхомъ, дожидается окончанія трапезы. И азъ, сидѣвши и смотрѣвши на нихъ, не могъ удерживаться отъ слезъ. И столько распалилось сердце мое и растопилась душа моя, что не хотѣлъ азъ изыти изъ обители; но возжелалъ пребывать въ ней до смерти, съ сими земными ангелами, что послѣ трапезы и предложилъ духовнику, отцу Павлу. Онъ же сказалъ, что съ любовію приметъ, только ежели благословитъ духовникъ и старецъ Арсеній. И ходилъ азъ къ духовнику моему Арсенію, и просилъ его, да благословитъ меня во общежительный русскій монастырь; но онъ мнѣ отказалъ, и сказалъ тако: «будешь въ русскомъ монастырѣ, да послѣ; а теперь живи на своей колибѣ.» Азъ же съ радостію пошелъ на свою колибу, и жилъ во всякомъ спокойствіи духа.

124. На Богоявленіе пошли въ Иверскій монастырь. Въ Иверскомъ монастырѣ на Богоявленіе бываетъ каждый годъ торжество и великое стеченіе монашествующихъ. (Иверскій монастырь празднуетъ въ годъ три торжества: первое—Успеніе Богородицы; второе—Богоявленіе; третье—во вторникъ на Пасхѣ, Иверской иконѣ Богородицы.) И азъ на Богоявленіе торжествовалъ въ Иверскомъ монастырѣ, и только тогда, первый разъ, увидалъ Царицы Небесной чудотворную

икону Иверскую, Вратницу Аѳонскую. Ее отъ вратъ на праздникъ перенесли въ соборъ. Послѣ вечерни была Литургія. Потомъ было великое освященіе воды; ввечеру на трапезѣ было сухояденіе. Потомъ началось всенощное бдѣніе, и продолжалось двѣнадцать часовъ. Потомъ — Литургія. Послѣ Литургія былъ крестный ходъ на море, и носили чудотворную икону Пресвятыя Богородицы Иверскую; надъ ней носили великій зонтикъ съ вышпаннымъ крестомъ: во Аѳонѣ такой обычай, что надъ всѣми чудотворными иконами, во время крестныхъ ходовъ, носятъ великіе зонтики со крестами: первое—для защиты отъ дождя и отъ солнца; второе—ради велелѣпія и чести святыни; и мнѣ сей благой обычай весьма полюбился. И Молдавія отъ св. Горы сей обычай приняла: и тамъ во время крестныхъ ходовъ надъ храмовыми иконами носятъ зонтики.

И ходили съ крестнымъ ходомъ весьма чинно, по греческому обычаю—со многими крестами и хоругвями и съ фонарями. Былъ Архіерей, да пятьдесятъ священниковъ (священники всѣ несли небольшія иконы) и десять діаконовъ, и все духовенство въ бѣломъ облаченіи, мірскіе и работники безпрестанно палили изъ пушекъ и изъ ружей, для бѣльшаго торжества. Подлѣ самага моря святили воду, а по освященіи воды, Архіерей ввергнулъ крестъ въ воду прямо въ море, а крестъ былъ серебряный; и множество мірскихъ людей во одеждѣ бросились въ море искать крестъ. Нашли и вынесли; и подали Архіерею. Потомъ пошли съ иконами кругомъ монастыря. Потомъ была всѣмъ трапеза порядочная. И кто тамъ изъ русскихъ не можетъ быть въ радости? Въ Россіи на

Богоявленіе бываетъ зима, холодъ, морозъ; во святой же Горѣ Аѳонской, напротивъ, самый пріятный воздухъ, трава зеленая, и цвѣты цвѣтутъ, лимоны, апельсинны и померанцы на деревьяхъ висятъ и поспѣваютъ, и лѣса большая часть въ листь, и въ огородахъ зеленѣется. Кто не можетъ веселиться и благодарить Господа Бога, что сподобилъ жить въ земномъ раю? На мясопустной недѣлѣ съ сѣверовосточной страны подулъ холодный вѣтръ, и пошелъ снѣгъ, и шелъ десять дней. И напало снѣгу на Карѣѣ на три аршина. И много поломало деревь, которыя были съ листомъ. И лежалъ снѣгъ цѣлую недѣлю, потомъ весь растаялъ; у моей же колибы не было ни одной снѣжины, потому что близу моря весь обращался въ дождь: ибо отъ моря тепло, никогда не бываетъ снѣгу.

125. Наступалъ великій постъ, и во мнѣ родилось неотлагаемое желаніе постричься во иноческій чинъ. На сырной недѣлѣ пошелъ къ духовнику, и объявилъ ему свое желаніе, и сталъ его просить—постричь меня. Онъ же рече мнѣ: «я тебя постригу; только съищи себѣ старца—съ кѣмъ будешь жить; теперь ты всѣхъ русскихъ знаешь—кто какой жизни; изъ нихъ одного избери себѣ по совѣсти, и возьми отъ меня благословеніе, и перейдешь къ нему; тогда постригу». Азъ же ему сказалъ: «отче святыи, во всей Горѣ двоиъ избралъ себѣ по совѣсти, которые могутъ мнѣ быть за старца, и азъ имъ за ученика, и которымъ могу препоручить свою душу: первый—твоя святыня, а второй—ученикъ твой отецъ Іоанникій, Старооскольскій». Онъ же рече: «Со мной жить не можно; а я тебѣ безъ того старецъ. А ко отцу Іоанникію ты сходи; попросись у него, и скажи ему, чтобы эту недѣлю попусти-

лясь, и ты также, а въ субботу всѣ приходите причащаться ко мнѣ; и тогда азъ вами распоряжусь». Азъ пошелъ къ отцу Іоанникию, упалъ ему въ ноги, и началъ просить его, да приметъ меня къ себѣ въ ученики; «аще ли буду тягостенъ вамъ въ общежитіи, то буду жить на своемъ содержаніи, только будьте мнѣ за старца, и постригите меня.» Онъ же рече: «азъ тебя не могу принять, ниже другаго кого, потому что азъ самъ живу подъ старцемъ; ежели онъ благословитъ, то приму къ себѣ во общежитіе: всѣхъ насъ Господь пропитаетъ». Азъ же ему сказалъ, что слышалъ отъ духовника. И тако первую недѣлю Великаго Поста проводивши, въ пятокъ ночевать пошли всѣ къ духовнику. И духовникъ благословилъ меня принять отцу Іоанникию, а мнѣ—къ нему идти. Въ субботу всѣ были причастниками, и было монаховъ человекъ пятьдесятъ. Мы же по Литургіи пошли всякъ на свою келлію. И азъ перебрался со своей колыбы на келлію святаго Пророка Іліи, къ отцу Іоанникию. Сія келлія тоже принадлежитъ къ монастырю Ставроникитъ, стоитъ на горѣ, на самой красотѣ: видно половину Горы Аѳонской, и самъ Аѳонъ весь открытъ, а отъ монастыря Ставроникиты полчаса ходу. Кругомъ келліи растутъ пять кипарисовъ и великій садъ съ масличными древами, виноградомъ и прочими садовыми древами. Келлія—каменная, двухъ-этажная, со многими комнатами; есть кухня и гостиница, а внизу погреба и сараи; церковь—прекрасная, съ куполомъ, во имя святаго Пророка Іліи, и много иконъ; есть и дворъ, огражденъ каменной стѣной; есть и сарай; дворъ вмѣсто крыши стелется кроватнымъ виноградомъ. И пережилъ азъ свою жизнь съ

пустынной самоизвольной на скитскую келейную, и сталъ жить въ послушаніи и самоотверженіи и совершенномъ отсѣченіи собственной своей воли. У отца Іоанникія еще кромѣ меня было три ученика. Азъ былъ у нихъ за повара и за пекаря, и за чтеца и за канонарха. Они же всѣ четверо ученые и доброгласные были пѣвцы, и отправляли службу церковную по монастырскому уставу. И была наша келія по клиросамъ подобна монастырю. Всѣми меня Господь милостями наградилъ во святой Горѣ Аѳонской, и живу во всякой духовной радости и веселіи !

126. Отца же Іоанникія разсмотрѣлъ, и нашелъ въ немъ великаго и ученаго мужа, во внѣшней и въ духовной премудрости искуснаго, и въ Божественномъ и отеческомъ писаніи много начитаннаго и свѣдущаго. Хотя и азъ много читалъ книгъ, но противъ его—какъ капля противъ моря; и по вся часы отъ него пользовался; что бы азъ отъ него ни спросилъ, скорый давалъ мнѣ отвѣтъ. И весьма былъ кротокъ и снисходителенъ; могъ всѣ немощи наши нести такъ; что азъ во всю жизнь мою такого кроткаго и терпѣливаго не видалъ; и во всѣхъ добродѣтеляхъ совершенъ былъ; не словомъ училъ, но во всемъ дѣломъ показывалъ, и во всемъ образъ былъ намъ; и словомъ былъ сладкоглаголивъ, твердъ и разсудителенъ, и такую имѣлъ силу въ словѣ, что хотя бы былъ каменный сердцемъ, и то могъ всякаго уговорить и въ слезы привести, и всякаго могъ увѣщать и наставить на истинный путь; только не доставало — что былъ не іеромонахъ, и отнюдь не хотѣлъ принять хиротоніи; за то и удалился изъ Россіи, чтобы избѣжать хиротоніи. Росту былъ высокосредняго, власы длинныя

свѣтлорусые, борода длинная и широкая, русая, лицомъ чистъ и бѣлъ, и всегда весель, взглядъ самый пріятный, но весьма блѣденъ и худощавъ отъ великихъ подвиговъ и отъ слабаго здоровья. Часто съ нами занимался въ духовныхъ разговорахъ, и часто проводили до самой утрени безъ сна. За счастье почитали—когда онъ съ нами займется такой бесѣдою: мы забывали свое естество и сонъ. И столько прилѣпилось сердце мое къ нему, и возлюбила душа моя его, что за великую потерю считалъ — аще который часъ его не могъ видѣть, и слышать отъ него полезное слово; когда увидаемъ его лице,—забываемъ сами себя. И положилъ я намѣреніе — никогда отъ него не разлучаться, даже до смерти. А когда онъ случался боленъ, то мы тѣ дни плакали, и просили Бога, да подастъ ему здравіе. И тако живущу мнѣ съ такимъ старцемъ, радовался я, и благодарилъ Господа Бога, яко сподобилъ меня быть ученикомъ такихъ великихъ двухъ старцевъ. И толико мя Божія Матерь утѣшила во святой Горѣ Аѳонской, что хотя бы кто и съ тысячами пришелъ, не былъ бы спокоенъ такъ, какъ я. Душевнымъ и тѣлеснымъ упокоеніемъ доволенъ; каждый мѣсяцъ по седмицѣ постились, и ходили всѣ къ духовнику Арсенію; у него исповѣдывались и причащались святыхъ Таинъ.

127. На Благовѣщеніе ходили праздновать во святую *Ватопедскую Лавру*, гдѣ было великое стеченіе народу: монаховъ и мірскихъ. И было торжество удивительное толико, что по всей Горѣ Аѳонской другаго такого не бываетъ; а наипаче утѣшительно для русскихъ и болгаровъ то, что поютъ и читаютъ часть по-славянски: ибо управляютъ правымъ клиро-

сомъ хилендарцы—болгары. И такого еще торжества въ жизни своей не видалъ, кромѣ какъ во Иерусалимѣ—на Пасху, и въ Вифлеемѣ—на Рождество Христово. Весь храмъ украшенъ серебряными вызлащенными лампадами и златошвенными пеленами, вышитыми древними греческими царицами и царевнами; и уставленъ многими подсвѣчниками съ великими восковыми желтыми свѣщами. И собраны были изъ всея Горы Аѳонскія доброгласные и ученые пѣвцы. И было болѣе ста іеромонаховъ и до пятидесяти діаконовъ; діаконы всѣ юные, яко ангели, и доброгласные; іеромонахи и іеродиаконы—болѣе гости, со всей Горы Аѳонскія собрались торжествовать праздникъ своей назирательницы, Царицы Небесной; храмъ весь наполненъ монахами, которыхъ было болѣе тысячи, и пѣли всю службу по нотамъ, на-распѣвъ, весьма протяжно. И продолжалось всенощное бдѣніе семнадцать часовъ; присутствовалъ Митрополитъ, живущій въ Ватопедѣ на покоѣ. На бдѣнія подходили вси къ чудотворной иконѣ Божія Матери, называемой Кти-торша, и клали каждый по два поклона земныхъ, и прикладывались, и паки—по одному поклону; а помазывалъ Митрополитъ всѣхъ елеемъ. Канонъ пѣли весь по нотамъ, распѣвомъ, съ канонархомъ. По окончаніи бдѣнія духовенство все облачилось въ алтарѣ; давали каждому отдревле соблюдаемую святыню—отъ честнаго древа кресты, поясъ Пресвятыя Богородицы, крестъ царя Константина и разныя святыя мощи, и прочее неоцѣненное сокровище, и съ хоругвями, со свѣщами и со сладкогласнымъ пѣніемъ, понесли изъ алтаря внѣ храма и кругомъ церкви, и противъ церковныхъ вратъ освятли воду, и погружали крестъ

самаго честнаго древа ; и поставили ковчеги со святынею на устроенныя нарочито скамьи, и прикладывались всѣ братія ко всей святынѣ, и Митрополитъ кропилъ каждого святою водою. А послѣ паки всю святыню съ честію снесли въ алтарь. Ковчеги всѣ—серебряные и повызлащенные (*). И какъ внесли,—начали часы читать ; а потомъ и Литургія была торжественная. По Литургіи раздавалъ Митрополитъ антидоръ, и пили святую воду ; и потомъ съ иконой и двумя подсвѣчниками пошелъ въ трапезу, и полна трапеза набилась монаховъ ; мірскихъ кормили на дворѣ. Трапеза устроена крестообразная, великая и пространная, вся наполнена иночествующими, а большая часть схимниковъ и пустынножителей ; пищи и питія—велие изобиліе, и утѣшеніе таковое, что ни во единомъ святогорскомъ монастырѣ не справляютъ такой трапезы, какъ въ Ватопедѣ. И вси отцы авонскіе ядоша и утѣшахуся у Божіей Матери въ гостяхъ, благодарящи Её Царицу Небесную, и похваляючи Ея служителей, отцевъ ватопедскихъ, за ихъ любовь. Отцы же ватопедскіе сами служили, и всѣхъ подчивали : овыи хлѣба подкладывали, овыи пици прибавляли, овыи вина подливали ; начальники же ходяще сами, назираючи всѣхъ и кланяющися, просили, да ядятъ до сытости. Трапеза вся расписана стѣннымъ иконнымъ писаніемъ высокой греческой работы, весьма ярко. Азъ часто возвождалъ очи мои по трапезѣ, и отъ радости не могъ быть безъ слезъ, яко вижу мно-

(*) А кто хочетъ знать—какая именно святыня, да прочтетъ книгу Василия Григоровича Барскаго.

жество святыхъ отпевъ аеонскихъ, великое полчище Царицы Небесной, сѣдящихъ и обѣдующихъ у своей Царицы на трапезѣ; и азъ грѣшный сажу и утѣшаюсь съ ними вмѣстѣ. Не помышлялъ я, что увижу такое торжество гдѣ-либо на семь свѣтѣ; но Господь сподобилъ меня—вмѣстѣ со святыми отцами аеонскими сидѣть и торжествовать. По трапезѣ раздавали коливо и панакію. И егда воста отъ трапезы (прошло двадцать три часа въ молитвѣ и трапезѣ безъ отдыху), какъ началась вечерня, и вышли изъ трапезы.

128. Да заградятся богохульные уста моихъ соотечественниковъ, называющихъ себя старообрядцами, глаголющихъ на смиренныхъ грековъ, якобы греки измѣнили древнихъ святыхъ отцевъ преданія, или нарушили ихъ уставы, или по-своему поправили книги. Придите и разверзите свои очи, и посмотрите: не тѣ ли самыя читаютъ книги, которыя писали и читали древніе святые Отцы, писанныя на пергаминѣ и на бумагѣ, безъ всякихъ переписокъ и поправокъ и переводовъ, но самыя древніе подлинники, по тысящи лѣтъ и болѣе? А хотя есть новописанныя и печатныя, но онѣ съ древними совсѣмъ сходственны, и различія между ими никакого не имѣется. Не самыя ли тѣ исполняютъ уставы, которые предали святые Отцы? Во всякомъ монастырѣ уставы преданы ктиторами обители подъ клятвою, и подписаны Патріархами и Царями. Не самыя ли тѣ стоятъ древнія иконы, которыя поставлены самими ктиторами, по тысящи лѣтъ и болѣе? Хотя есть и новыя, но во всемъ подобны древнимъ. Не самыя ли тѣ поютъ гласы и напѣвы, которые сочинены святымъ Іоанномъ Дамаскинскимъ? Не самыя ли тѣ носятъ облаченія, которыя

питы греческими царицами и царевнами, и прочими великими лицами? Не самое ли то аеонскіе отцы носятъ монашеское одѣяніе, какое носили древніе святыя отцы аеонскіе, которое почти во всякомъ монастырѣ отъ разныхъ святыхъ Отцевъ сохраняется? Воистину, смиренные греки еще и въ неволѣ живутъ, еще и туркамъ дани даютъ, но право имѣютъ древнее свое благочестіе содержать. Оставлю теперь о семъ писать; въ другомъ мѣстѣ подробнѣе опишу святую Восточную Греческую Церковь и ихъ древнее благочестіе, и загражду бусловныя уста раскольниковъ, и не будутъ болѣе называть себя старообрядцами: нѣсть они старообрядцы, но новообрядцы. А настоящіе старообрядцы—греки, которые содержатъ вѣру, преданную отъ святыхъ Апостоловъ, и имѣютъ свои обряды, преданные имъ отъ святыхъ Отецъ седми Вселенскихъ Соборовъ, которые и до-днесь содержатъ, ничтожеизмѣняющіи.

По трапезѣ же, кто не хотѣлъ ночевать, тѣмъ давали на путь колива за благословеніе; рыбы же и вина мы не взяли, потому что на келліи свое имѣемъ. И паки стали проживать на своей келліи.

129. Того лѣта прибылъ изъ Молдавіи, изъ монастыря Вороны, старый мой другъ Аѳанасій; отыскавши меня, радъ былъ весьма, и просилъ меня, чтобы азъ показалъ хорошаго духовника—взять отъ него благословеніе на жительство во святой Горѣ Аеонской; азъ же проводихъ его къ своему духовнику Арсенію. Духовникъ же, поговоря съ нимъ, приказалъ ему—недѣлю попоститься, а послѣ исповѣдаться и причаститься святыхъ Таинъ; тогда, сказалъ, и мѣсто назначу—гдѣ будешь жить. Онъ же, попостившись недѣлю, пошелъ къ духовнику, и тамо исповѣдался и причастился,

и паки къ намъ возвратился, но весьма скорбень и печалень, и весь въ слезахъ. Мы же его спросили: почто такъ скорбень, или духовникъ не причастилъ? Онъ же плача отвѣчалъ намъ: « Слава Богу, причастился и исповѣдался, но духовникъ не благословляетъ мнѣ жить во святой Горѣ Аѳонской, а посылаетъ меня въ Россію, и сказалъ мнѣ, что нѣсть ти воли Божіей ни моего благословенія—жить во святой Горѣ Аѳонской, а иди въ Россію, тамъ живи и спасайся. Чтò азъ, отцы, теперь буду дѣлать? Азъ пришелъ во святую Гору жизнь свою скончать, а онъ меня высылаетъ ». Мы же о немъ весьма соболѣзновали, и пошли вси и отецъ нашъ Іоанникій—просить духовника, да оставитъ его во святой Горѣ Аѳонской. Духовникъ же намъ сказалъ: « Что меня просите? Азъ Богу—не братъ: вѣтъ ему воли Божіей—жить во святой Горѣ Аѳонской, а ежели останется здѣсь, то много потерпитъ скорбей и искушеній, да и не вѣнчается; а ежели пойдетъ въ Россію, — тамъ будетъ спокоенъ и спасется; азъ же его силою не посылаю: сказалъ ему волю Божію; а онъ, какъ знаетъ, сотворитъ; только ко мнѣ больше да не приходитъ ». Азъ же сказалъ: « Отче святой, брата Аѳанасія высылаешь—съ деньгами и рукомышленнаго: азъ какъ могу жить? Благослови и меня съ нимъ ». Онъ же рече: « Ты здѣшній аѳонскій; всѣмъ будешь доволенъ и спокоенъ; живи и благодари Божію Матерь; и ты будешь въ Россію, но еще долго до того: а теперь пусть онъ одинъ идетъ ». Съ тѣмъ мы пошли на свою келлію. Еще онъ жилъ болѣе мѣсяца, ходилъ по святой Горѣ; а послѣ и проводили его со слезами. Онъ же пріѣхалъ паки въ Молдавію, и не захотѣлъ ѣхать въ Россію,

но пакъ опредѣлился въ монастырь Ворону, и жилъ еще два года, и постригся въ монашество, и наречень бысть Александръ; но не могъ успокоиться помыслами: уѣхалъ въ Россію, и опредѣлился въ Свято-Троицкую Сергіеву Лавру, въ новый скитъ — Геосиманію, тамо рукоположенъ во іеромонаха, и до-днесь живетъ. Во св. Горѣ намъ живущимъ, еще оставили насъ два брата, жившіе съ нами, и пошли въ Россію: три года смущались, и отецъ Іоанникій ихъ отговаривалъ; но послѣ сказалъ духовникъ: «больше ихъ не отговаривай и не удерживай; пусть идутъ, и накажутся»; и проводили мы ихъ со скорбію, и остались трое: двое насъ учениковъ, а третій—старецъ Іоанникій. И стали мы проситься, чтобы насъ постригъ во иноческій чинъ. Отецъ нашъ Іоанникій объявилъ объ насъ духовнику—и своему и нашему, старцу Арсенію. Онъ же сказалъ: «да: уже пора ихъ постричь», и приказалъ—седмицу поститься, потомъ прійти къ нему.

130. Мы же, недѣлю попостившись, пришли къ нему въ пустыню, и онъ насъ исповѣдалъ, и на Литургіи постригъ меня перваго, и нарекъ мнѣ имя Самва, т. е. *многостранствующій*; а потомъ—и другаго, нарекъ его Михаиломъ. И были всѣ трое причастники Святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой. Послѣ Литургіи предалъ насъ на сохраненіе и на послушаніе отцу Іоанникію, и сказалъ: «кромѣ моей вбли ничтоже творите, покуда азъ живъ буду»; и далъ намъ великое наставленіе—какъ намъ препроводить жизнь свою въ иноческомъ чинѣ, и какъ проходить послушаніе и побѣждать свои страсти и отсѣкать собственную свою волю, открывать свои помыслы своему пастырю, и какъ любить Господа Бога

своего, отъ всея души своея и отъ всего сердца и помышленія своего, и какъ хранить умъ свой въ безпрестанной молитвѣ, и какъ претерпѣвать всѣ скорби и искушенія съ благодареніемъ, и ни въ чемъ не унывать. Мы же, слушавши, не могли воздержаться отъ слезъ. Потомъ, получивши благословеніе, пошли на свою келлію, радуящися и веселящися, что пострижены въ ангельскій иноческій чинъ, во св. Горѣ Аѳонской, въ такой глубочайшей пустынѣ, отъ такого великаго старца, и причислены къ великому ополченію Царицы Небесной, ко множеству отцевъ аѳонскихъ.

131. Юля 5-го, торжествовали въ *Лавръ св. Аѳанасія Аѳонскаго*. Такое-же было торжество, какое и въ Ватопедѣ на Благовѣщеніе; только утѣшеніе въ трапезѣ—не столь изобильное. Послѣ трапезы собралось насъ человѣкъ двадцать, взяли въ Лаврѣ пища, каждый ради себя на полтора дни, и просфоръ и вина, и пошли къ самому Аѳону. Отъ Лавры шесть часовъ ходу—чтобы взойти на самую вершину Аѳона. Проходили мимо пещеры св. Петра Аѳонскаго; потомъ съ трудомъ возлѣзали на гору, ибо ноги катятся по листу внизъ. Шли все лѣсомъ и боромъ сосновымъ. Потомъ пришли къ церкви Пресвятыя Богородицы, при которой никто не живетъ, по несносному суровому климату. Отъ церкви Богородицы до вершины горы еще часъ ходу, то-есть верстъ пять; и около церкви Богородицы каждый изъ насъ набралъ по ношѣ дровъ; и уже къ вечеру пришли на самую вершину. Солнце закатывалось, и пала тѣнь Аѳона чрезъ весь островъ Лимносъ. На самой вершинѣ Аѳона стоитъ небольшая каменная церковь, во имя Преобра-

женія Господня, но такъ тамъ мало мѣста, что кругомъ церкви обойти невозможно; только, съ южной стороны, пониже немного, есть небольшая площадка. Мы вошли въ церковь и помолились. Въ ней стоятъ по обѣ стороны царскихъ вратъ двѣ большія мѣдныя иконы, одна — Преображенія Господня, а другая — Божіей Матери. Есть и еще иконы, но на бумагѣ: ибо здѣсь, по суровости воздуха и климата, писанная красками на холстѣ икона существовать не можетъ. Потомъ мы читали тамъ вечерню, и ночевали въ паперти церковной. На-ночь развели большой огонь, но не спали отъ великаго холоду, и всю ночь просидѣли подлѣ огня, хотя было и 6-е число іюля, самое лѣто. По-утру читали утреню по уставу; послѣ утрени служили Литургію, пѣли всю по-русски. По Литургіи полюбовались на всю Гору Аѳонскую; ибо отсюда она вся видна какъ на ладони. Егда же начало солнце восходить, — ударила тѣнь на полуостровъ Кассандру. Подлѣ церкви виситъ желѣзное било; и мы довольно потѣшились, ибо очень въ верху отдастъ гулъ. Тамъ есть и колодезь воды подлѣ церкви: вода дождевая, но очень холодная, и принято въ обычай пить ее откровенною главою, безъ камлавокъ; ибо называютъ ее агіасмою, то-есть—святою водою. Самая вершина Аѳона голая—одинъ камень, мраморъ. Версты три внизъ никакой зелени и лѣсу нѣтъ, и не можетъ расти, по причинѣ холоду; только растутъ по пропастямъ одни неуядаемые цвѣты, которые монахи и собираютъ для продажи. Но я не только не согласился ихъ собирать, но даже и страшился смотрѣть на тѣ мѣста, гдѣ они растутъ,—въ самыхъ непроходимыхъ скалахъ и пропастяхъ земныхъ! Но мы тамо на вы-

сотахъ не замедлили, а скоро сошли внизъ, и у церкви Богородицы пообѣдали, и пришли ночевать паки въ Лавру святаго Аѳанасія. По-утру, воставши, пришли ночевать на свою келлію, и стали проживать трое въ любви и въ радости, по Евангелію: *идѣже два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредь ихъ*. Матѳ. 18, 20. И шли мы царскимъ среднимъ путемъ. И благодарилъ я Господа Бога за Его неограниченныя изліянныя на мя милости, что всѣ мои желанія и прошенія исполнились: далъ мнѣ мѣсто, которое превосходитъ мое недостойнство; далъ мнѣ двоихъ пастырей, искусныхъ великихъ старцевъ, которые просвѣщаютъ всю Гору Аѳонскую своею жизнію, и сподобилъ меня постричься въ иноческій образъ. Теперь, Господи, сподоби—въ такой жизни препроводить остальные дни мои, и въ покаяніи скончать животъ мой.

132. Праздникъ св. Іліи Пророка торжествовали на своей келліи: было пять іеромонаховъ, два іеродіакона, за игумена присутствовалъ нашъ старецъ, духовникъ Арсеній; было восемьдесятъ человекъ русской братіи. Всенощное бдѣніе пѣли по-русски; продолжалось восемь часовъ. Вечеромъ, по Литургіи, трапеза была очень изобильная, съ велиимъ утѣшеніемъ.

133. Іюля 27-го, праздникъ св. Великомученика Пантелеимона торжествовали въ русскомъ монастырѣ. Всѣ русскіе радовались и веселились, что черезъ сто двадцать лѣтъ первый годъ сподобились праздновать день св. Пантелеимона въ своей обители, съ своей братіей; служили всѣ въ соборѣ, и было торжество и пѣніе—какъ въ прочихъ аѳонскихъ монастыряхъ; множество іеромонаховъ и іеродіаконовъ, и присутствовалъ Епископъ, и были собраны пѣвцы доброголасные, и пѣли

и читали все по-гречески, и продолжалось бдѣніе четырнадцать часовъ. Потомъ было освященіе воды и Литургія. На Литургіи Апостолъ и Евангеліе читали прежде по-гречески, а потомъ по-русски. По Литургіи была трапеза изобильная: монахамъ—въ трапезѣ, а мірскимъ—среди монастыря. По трапезѣ и отдохновеніи, всѣмъ русскимъ было великое угощеніе. Вечери были двѣ: греки служили въ соборѣ, а рускіе—у Святителя Митрофана. Была вечерня торжественная: не только что рускіе были, но и много грековъ слушали русское пѣніе, и былъ самъ Архіерей. Потомъ пошли въ трапезу, и всѣ мы рускіе ночевали. Въ первомъ часу съ полуночи начались двѣ утрени, греческая и русская. Пѣли поліелей св. Пантелеимону, и читали его житіе, и продолжалась утренняя шесть часовъ; въ свое время—и Литургія, потомъ—трапеза; по трапезѣ пошли каждый на свою келлію, и получили благословеніе отъ игумена Герасима, и благодарили за его угощеніе, радушіе и привѣтствіе. Онъ же плакалъ, и благодарилъ всѣхъ за посѣщеніе своей обители, и просилъ всѣхъ чаще посѣщать. И приказалъ всѣхъ наградить хлѣбомъ и виномъ на путь. Отецъ же Павелъ пошелъ всѣхъ провожать, и со всѣми прощался, и плакалъ; и просилъ всѣхъ не оставлять обитель, но чаще навѣщать. Потомъ онъ воротился въ монастырь, а мы пошли каждый въ свою пустыню.

134. Это было іюля 28-го; а 29-го отецъ Павелъ сдѣлался боленъ, и августа 2-го скончался. И сотвори всему русскому монастырю плачь, русскимъ и грекамъ: рускіе плакали, что лишились пастыря своего и всей русской обители; греки плакали, что

лишились великаго старца изъ русскихъ. Игумень Герасимъ разослалъ русскихъ братій по всей Горѣ Аѳонской созывать всѣхъ великороссіанъ на погребеніе отца Павла. Кто изъ русскихъ, услышавши сію плачевную вѣсть, могъ не плакать? По всей Горѣ русскіе встревожились, всѣ съ своими торбами забѣгали, плакали и рыдали, и въ русскій монастырь пѣспѣшали. Думали русскіе, что еще лишились отца іеросхимонаха Павла, то лишились и своего пристанища и своей матери—русской обители: не имѣли надежды найти себѣ другаго человѣка во св. Горѣ, подобнаго Павлу, чтобъ кто могъ жить въ русскомъ монастырѣ, и вмѣстить строгую общежительную жизнь, и править церковію и братією. Не бойтесь, русскіе: хотя и скончался отецъ Павелъ, но живъ духовникъ Арсеній. Онъ пошлетъ человѣка, который управитъ лучше Павла. Всѣ мы пришли въ русскій монастырь, выплакивали всеобщую скорбь; только одинъ духовникъ Арсеній былъ веселъ, всѣхъ утѣшалъ, и говорилъ, что Господь и Божія Матерь не оставитъ сію обитель безъ русскихъ, но пошлетъ человѣка, который управитъ сію обитель, и украситъ ее лучше Павла. Потомъ начали отпѣвать въ соборѣ св. Пантелеимона; на погребеніи было десять іеромонаховъ русскихъ и пятнадцать грековъ; но игумень Герасимъ такъ плакалъ, что едва могъ читать; пѣли пополамъ: по-гречески и по-русски. Архимандритъ Прокопій сказывалъ надгробное слово, въ которомъ объяснилъ скорбь русской обители, и ублажилъ отца Павла и понесенные имъ подвиги и труды и говеніе въ теченіе тридцати—шести—лѣтней его жизни въ св. Горѣ Аѳонской; и ублажилъ его неограниченное сми-

реніе, которымъ удивилъ всю братію, — что самъ былъ прежде игуменомъ, и такъ послѣ смирился, что всѣмъ былъ послушникомъ. А послѣ произнесъ такое слово: что хотя и скончался отецъ Павелъ, но не кончилась его память, и будетъ пребывать вѣчно: онъ есть ктиторъ сей обители и начальникъ, и основатель, — чтобы русскимъ въ ней пребывать вѣчно, и положилъ свои кости фундаментомъ и залогомъ для русскихъ; и иная многа говорилъ. Всеячески утѣшилъ русскихъ, чтобы не оставляли свою русскую обитель, но всегда къ ней прибѣгали, какъ къ родной своей матери и къ тѣхому пристанищу. Всѣ русскіе плакали, и греки рыдали, и похоронили русскаго игумена, схимонаха Павла, при общей братской гробницѣ, при церкви св. Апостолъ, рядомъ со старцемъ схимонахомъ, іеродіакономъ Венедиктомъ, сто-шести-лѣтнимъ. Жизнь отца Павла опишу послѣ, гдѣ скажу и о прочихъ отцахъ аѳонскихъ. По погребеніи была трапеза изобильная. По трапезѣ всѣхъ позвали на гостинницу; и игумень Герасимъ началъ со слезами говорить: «Теперь, отцы святые, у насъ сдѣлался союзъ неразрушимый во вѣки, и опредѣлилъ Богъ — вѣчно вамъ русскимъ въ сей обители пребывать: потому что принялъ васъ русскихъ блаженной памяти нашъ старецъ и учитель, схимонахъ іеродіаконъ Венедиктъ, и по принятіи прожилъ только сорокъ дней, и скончался; также и блаженной памяти іеросхимонахъ и игумень, отецъ Павелъ, взошелъ въ нашу обитель, и русскихъ съ собою ввелъ, и самъ скончался; такъ они оба заключили и своею смертію запечатлѣли, чтобы вѣчно намъ грекамъ съ вами русскими жить, и другъ друга тяготы носить. Прошу васъ, отцы, при такомъ на-

шемъ несчастія не оставить, и преподайте намъ благой совѣтъ: теперь остались у насъ во обители ваши русскіе безъ пастыря; изберите изъ числа васъ достойнаго мужа, который бы могъ управить братією; и будетъ ему равная честь, какая была отцу Павлу.» Отцы же наши отвѣчали ему: «Мы, отче святой, распорядиться вашимъ общежительнымъ монастыремъ не можемъ; а у васъ есть свои русскіе братія: съ ними совѣтуйтесь: они всѣхъ знаютъ русскихъ во св. Горѣ — кто ими можетъ управить. Еще есть у насъ общій духовникъ: съ нимъ совѣтуются.» Духовникъ же Арсеній сказалъ: «О семъ послѣ будемъ говорить и совѣтоваться. Богъ не оставитъ сію обитель безъ человѣка, но дастъ такого мужа, который устроитъ и украситъ сію обитель.» И тако разошлись по своимъ пустыннымъ келліямъ. Игумень же Герасимъ ежедневно призывалъ русскую свою братію, и понуждалъ ихъ, да изберутъ себѣ пастыря. Братія же ему сказали: «Отче святой, хотя и много въ св. Горѣ русскихъ, но нѣтъ такого человѣка, который бы могъ вмѣстить общежительные наши уставы, и править церковію и братією; только одного находимъ—духовника Арсенія, который все можетъ вмѣстить и управить. Да еще есть ученикъ его монахъ Іоанникій, и той можетъ управить церковію и братією; только не знаемъ—вмѣстить ли общежитіе наше: ибо онъ имѣетъ свою келлію и двухъ учениковъ.» Игумень же ихъ послалъ просить духовника Арсенія въ русскій монастырь жить. Они же, пришедши къ намъ, начали звать нашего старца отца Іоанникія съ нами къ себѣ жить. Нашъ же старецъ совершенно имъ отказалъ, сказавъ: «Хотя и люблю вашу св. обитель за вашу строгую

жизнь ; но жить къ вамъ идти никакъ не согласенъ : потому что принять рукоположенія никакъ не соглашусь ; для того удаллся и изъ Россіи , чтобы избѣжать іеромонашества. Еще — по слабости моего здоровья не могу вмѣстить вашего строгаго общежитія.» Они же пошли къ духовнику Арсенію. И со слезами стали его просить , дабы онъ самъ пошелъ къ нимъ въ монастырь. Духовникъ же имъ сказалъ : « Меня и не просите , и ниже поминайте ; азъ не изыду изъ своей пустыни, и не оставлю моихъ чадъ, живущихъ по келліямъ и по пустынямъ. А вы изберите другаго, кого знаете.» Они же плачуще глаголаху : « отче святыи, только мы избрали изо всея Горы Аѳонскія васъ двоихъ : или вы идите, или благословите ученика своего, отца Іоанникія съ учениками.» Духовникъ же подумалъ, и сказалъ : « Это великаго стоитъ—потревожить отца Іоанникія съ учениками, потому что они живутъ спокойно : имѣютъ свою келлію и всякаго заведенія много ; развѣ—будетъ воля Божія. Вашъ монастырь общежительный и Богу близокъ ; пусть эту недѣлю всѣ братія постятся и попросятъ Бога и Божию Матерь, а потомъ приидите ко мнѣ : ежели будетъ воля Божія, тогда я объявлю вамъ, и пошлю его, хотя бы онъ и не хотѣлъ.» Они же съ радостію пошли въ монастырь, и сказали игумену все, что слышали отъ духовника. И игумень заповѣдалъ всей братіи, да постятся недѣлю, и готовятся къ причащенію, и да просятъ Бога и Божию Матерь, да дастъ человѣка, который да будетъ на пользу обители. Черезъ недѣлю всѣ причастились Святыхъ Таинъ. И русскіе паки пошли къ духовнику Арсенію. Онъ же съ радостію ихъ принялъ, и радостно имъ возвѣстилъ : « Есть воля

Божія отцу Іоанникию—быть въ русскомъ монастырѣ. А вы ступайте въ монастырь, и скажите игумену, чтобы выслалъ старшую братію на Карею — сдѣлать уговоръ. » Они же, получивши сію радостную вѣсть, пошли въ монастырь, и сказали игумену. Игуменъ же съ братією возрадовались, и отпѣли благодарственный молебень. Старшая братія поѣхали на Карею.

135. Мы же со своимъ старцемъ Іоанникиемъ ничего не знаемъ; вдругъ приносятъ намъ отъ духовника записку, чтобы все трое явились къ нему. Мы удивились — за чѣмъ насъ всѣхъ троихъ къ себѣ зоветъ не во-время, и пришли къ нему. Онъ же приказалъ взойдти намъ въ церковь, и надѣлъ на себя епитрахиль, и началъ говорить: « отецъ Іоанникій, Господь тебя благословляетъ: иди во общежитіе въ русскій монастырь съ своими учениками; и продавайте свою келлію ». Мы же, слышавши сіе, восплакали. Отецъ нашъ Іоанникій палъ предъ нимъ на землю, и сталъ ему говорить: « Отче святой, за чѣмъ ты наводишь на мя скорбь выше силъ моихъ? Ты знаешь, что я за тѣмъ и удалился изъ Россіи, чтобы избѣжать хвротоніи; да еще тебѣ извѣстно мое слабое здоровье; я и на келліи всегда бываю боленъ: какъ я могу перенести во общежитіи? Какъ я могу виѣстить? Какъ я могу перенести греческую пищу, которая моему тѣлу вредна? Еще—посылаешь меня управлять такимъ народомъ: а я едва могу управить двоими; и ихъ бы не принялъ, но только ради того, что послужать мнѣ при слабомъ здоровьѣ; азъ пришелъ во святую Гору Аѳонскую не начальствовать, а въ пустыни и безмолвіи проводить жизнь свою, достигнуть того, для чего я оставилъ міръ, то-есть, побѣдить

страсти, и соединиться съ Богомъ. И мы теперь обжились, успокоились: а ты кочешь нашу жизнь разрушить». Егда отецъ Иоанникій говорилъ сіе,—мы стояли на колѣняхъ, плакали и рыдали. Духовникъ же паки началъ говорить: « Всякая вещь—добра во свое время: добро—бѣгать хиротоніи, добро—и принять во славу Божию, ежели кого Господь избираетъ. Сколько зло есть искать хиротоніи, то болѣе зло—противиться волѣ Божіей. А что ты слабъ здоровьемъ,—про то Господь знаетъ лучше тебя; въ Его рукахъ состоитъ весь животъ нашъ: когда Онъ тебя избралъ,—Онъ тебѣ подастъ и здравіе. А что ты говоришь, что ты въ пустынь хочешь побѣдить страсти, и достигнуть соединенія съ Богомъ,—это такъ: достигаютъ и въ пустыни, аще будутъ по волѣ Божіей жить; но во общемъ житіи обое можно скорѣе получить, потому что пустыня только усыпляетъ страсти, а общежитіе до конца умерщвляетъ страсти, и погребаетъ въ смиреніи и въ послушаніи и во отсѣченіи собственной воли; а когда умертвятся въ насъ страсти, тогда и обрящемъ душевное спокойствіе, и соединимся съ Богомъ. И нигдѣ не можно найти настоящей монашеской жизни, кромѣ общежитія. Еще, ты только хочешь двухъ спасти: иди—спаси двадцать, а современемъ—пятьдесятъ. Ты долженъ о всѣхъ имѣть попеченіе; тебѣ подобаетъ устроить русскую обитель, и тобою она прославится. Больше волѣ Божіей не противьтесь. Теперь иди на Карюю, и переговорите съ греками—о чемъ вамъ нужно; и перебирайтесь въ монастырь: Господь васъ благословитъ ». Мы же вышли со слезами, и, воротившись на свою келлію, посидѣли и поплакали. Тотъ-же часъ пришли изъ

русскаго монастыря, и позвали насъ на Карею; и мы пошли, и поговорили—о чемъ намъ нужно. Они согласились на всю нашу волю.

136. Потомъ на монастырскихъ мулахъ поѣхали въ монастырь, и встрѣтили насъ со звономъ всѣ братія; и пошли въ соборную церковь съ пѣніемъ. И вынесли изъ алтаря крестъ честнаго древа и главу святаго Пантелеимона, и икону Святит. Митрофана, и поставили среди церкви на аналояхъ. Потомъ пошелъ нашъ старецъ отецъ Иоанникій, по обычаю, поклонялся, и лобызалъ прежде честное древо, потомъ главу святаго Пантелеимона, а послѣ икону Святит. Митрофана; потомъ сдѣлалъ три поклона среди церкви, потомъ—поклоненіе игумену, и лобызалъ руку его. Потомъ мы пошли прикладываться, и творили также. Потомъ всѣ братія насъ привѣтствовали. Потомъ всѣ пошли на гостинницу, и сдѣлали намъ угощеніе; тамо и ночевали. По-утру взяли отъ игумена благословеніе—на двѣ недѣли распорядиться келліей. И пришедши на келлію, дали всѣмъ повѣстку бѣднымъ, да приходятъ—кому что нужно. И было у насъ на келліи двѣ недѣли какъ праздникъ; два человѣка готовили пищу, и всѣхъ кормили, и виномъ поили, потому что у насъ было всего довольно: на годъ всего было запасено,—муки, рыбы, масла и вина. И тако Божіею милостію все раздали и расточили, оставили только, что нужно для монастыря,—нужныя книги и дорогія ризы, и себѣ нужную одежду; потомъ продали и келлію. И пріѣхали изъ монастыря двѣнадцать муловъ, и мы послали всѣ вещи, и сами сѣли; и переѣхали въ русскій монастырь 20-го октября. И дали намъ келлію—гдѣ мы желали, въ четвертомъ этажѣ, при церкви святаго Великомуче-

ника Дмитрія Солунскаго, три келліи рядомъ, повыше, ради того — что освѣтлѣе, и воздухъ почище.

137. И стали мы поживать, и во всемъ общежительнымъ уставамъ подражать, и всѣ свои келейныя прихоти оставлять и забывать; и перемѣнили свою жизнь съ келейной на монастырскую общежительную. И столько мы сдѣлались покойны и мирны сердцемъ, что ежечасно благодарили Господа Бога, яко освободилъ насъ житейскихъ и келейныхъ попеченій о пищѣ, объ одеждѣ, о своемъ здравіи: пища готовится въ трапезѣ, а одежду даетъ всю игумень; аще заболимъ, — есть больница, и присматриваютъ о больныхъ лучше родныхъ; и мы всегда въ радости и въ веселіи и въ совершенномъ спокойствіи своей совѣсти совершали каждый свое послушаніе съ Иисусовой молитвой. Службу церковную завели по обычаю греческому — продолжительную, и стали утѣшаться, подобно какъ въ раю или какъ ластовица весною, въ пѣніи и во чтеніи и въ маломъ послушаніи; и пошло у насъ время такъ скоро, что не увидимъ — какъ недѣля проходитъ. Каждую седмицу стали причащаться святыхъ Таинъ, а иногда и дважды, и всегда съ чистою совѣстію.

138. Дождавшись седьмого числа ноября, пошли на келлію святыхъ Архангеловъ, что подъ монастыремъ Ставроникитою. И тамо, послѣ малой вечерни, откопали кости блаженной памяти схимонаха Никодима, друга и духовнаго брата нашему старцу отцу Іоанніакию и по плоти родственника. Егда ихъ вынули и обмыли, — оказались желты, яко воскъ, и испустили нѣкое благоуханіе, чему всѣ весьма возрадовались, и прославили Бога. А наипаче возрадовался его старецъ и духо-

вникъ, отецъ Арсеній, и послалъ скоро за роднымъ его братомъ, монахомъ Филиппомъ, который боялся несчастнаго случая, и не пришелъ съ своей келліи на сіе торжество. Егда же пришелъ, — много плакалъ отъ радости, и отпѣли панихиду, и поставили въ кошницѣхъ среди церкви; и была всѣмъ изобильная трапеза. Съ вечера начали всеношное бдѣніе. Егда начали пѣть «*хвалите имя Господне*», тогда пошло неизреченное благоуханіе по всему храму и на дворъ, чему всѣ братія весьма удивились, и начали между себя переговаривать, также и въ алтарѣ, и вси недоумѣвали — отчего такое благоуханіе происходитъ. Нашъ же старецъ отецъ Иоанникій со свѣчей подошелъ къ костямъ, и увидѣлъ преславное чудо, что изъ сухой кости, изъ главы, изъ тѣхъ отверстій, гдѣ были уши, истекаетъ муро, подобное смолу, и испускаетъ неизреченное благоуханіе. Онъ велѣлъ перестать пѣнію, и сказалъ всѣмъ: «*придите, отцы и братія, и посмотрите своими очами сіе преславное чудо, и прославьте Творца Небеснаго*». Все видѣвши сіе возрадовались, и прославили Бога, творящаго дивная чудеса.

139. Онъ же проговорилъ братіи слово: «*Отцы святые, почему такъ — изъ сухой кости потекло благоухонное сіе муро? Почему — не изъ другаго какого мѣста, а только изъ ушей? Тому причина та, что эти уши не имѣли сытости слушать слово Божіе и всякое благочестивое писаніе. Все вы знали сего блаженной памяти отца Никодима — какой онъ былъ искусный чтець и пѣвецъ, что другаго подобнаго ему изъ русскихъ во святой Горѣ Аеонской не обрѣтается: такъ онъ любилъ слушать Священное Писаніе, что ежели бы кто ему читалъ день и ночь, — онъ ни-*

когда не могъ утомиться и насытиться. А мнѣ потому сіе извѣстно, что мы съ нимъ изъ одного града урожденцы; съ самой юности онъ былъ мнѣ другъ и духовный братъ, и вмѣстѣ мы съ нимъ оставили суетный міръ съ его прелестями; нѣсколько лѣтъ странствовали и проживали по россійскимъ монастырямъ; и вмѣстѣ пришли въ сію святую Аеонскую Гору; и хотѣли здѣсь во единой келліи жить, и тако во иноческой жизни остальные свои дни проводить; но ученики наши насъ разлучили. Часто случалось, что по цѣлой ночи я ему читывалъ; и самъ онъ мнѣ говорилъ: «столько люблю слушать Божественное Писаніе, что ежели бы кто читалъ непрестанно,—мнѣ никогда бы не соскучилось.» Теперь, отцы, явно показавъ намъ Господь—сколько полезно намъ слушать Божественное Писаніе: сія сухая кость, лежавши три года въ землѣ, источаетъ такое благовонное масло. Но не только отецъ Никодимъ былъ слушатель, но—и творецъ: все слышанное тщился исполнить дѣломъ; для того и оставилъ свое отечество—славную Россію, и удалился въ сіе тихое пристанище—во святую Аеонскую Гору, и вселился въ сію пустыню, да поработаетъ Господу Богу своему безъ всякихъ препятствій отъ міра сего. И мы, отцы, ежели будемъ подражать сему блаженной памяти схимонаху Никодиму, слушать Святое Писаніе и исполнять его дѣломъ, то мы сподобимся съ нимъ вѣчнаго блаженства. Аминь.» Послѣ всенощнаго бдѣнія было освященіе воды. Потомъ—Литургія. По Литургіи всѣмъ была изобильная трапеза.

140. Во святой Горѣ Аеонской соблюдается обычай отъ древнихъ временъ—чрезъ три года откапывать

всякаго человѣка кости; и смотрять, и по костямъ познають—который святой, который грѣшный: овья кости—желтыя, и свѣтлы, какъ елейныя, овья—благоуханныя: сіи тлѣнію не предаются; признаются за кости богоугодныхъ людей; овья—бѣлы и трухлявы, то-есть тлѣнныя: сіи, полагають, въ милости Божіей; овья—черныя, а овья—смердящія: сіи признаются за кости грѣшныхъ; и о этихъ бѣлѣ творять поминовение, и молятся, чтобы Господь грѣхи имъ простилъ; а овьи бывають связаны родителями или духовными отцами, или по какому-либо случаю, т. е. подъ клятвою: сихъ тѣла не разрушаются, но лежать цѣлы, черны и смрадны, хотя бы многомѣтъ въ землѣ лежали. Надъ сими призываютъ отца духовнаго—читать разрѣшительную молитву. Аще отецъ духовный не разрѣшитъ, то призываютъ епархіальнаго Епископа или Митрополита; аще сіи не разрѣшатъ, то ѣздятъ къ вселенскому Патріарху Константинопольскому, и берутъ отъ него разрѣшительную грамоту, и читають надъ тѣломъ, и закапываютъ паки въ землю, и по чetyредесяти днехъ паки откапываютъ, и ничтоже обрѣтается, кромѣ однихъ бѣлыхъ костей. Явно, что Патріарху великая дана отъ Бога власть—вязать и рѣшить. Этому всему азъ самовидѣцъ во св. Горѣ Аѳонской. И у насъ въ Молдавіи вошло въ обычай—откапывать кости всѣхъ мірскихъ, равно—въ Валахіи, въ Болгаріи и по всей Греціи; и часто случается, что обрѣтають связанныхъ; но родные стараются, и получаютъ разрѣшеніе. А что случилось со схимонахомъ Никодимомъ, съ его костями, это—рѣдкость.

Мы же по трапезѣ пошли въ свой монастырь.

Ноября 15-го, прїѣхалъ на поклоненіе во св. Гору Аѳонскую Григорій, Митрополитъ Адрианопольскій, и пришедши въ нашъ монастырь, остался погостить. Игумень его попросилъ, чтобы хиротонисалъ двоихъ во іеромонахи. Митрополитъ съ любовію согласился. Игумень послалъ о. Іоаннікія къ духовнику Арсенію, чтобы принесъ записку, и взялъ благословеніе принять хиротонію. Онъ сходилъ и принесъ; ноября 18-го рукоположенъ во іеродіакона, а 21-го, на Входъ Божія Матери, хиротонисанъ во іеромонахи; тутъ-же назначенъ и духовникомъ. Еще и другаго русскаго рукоположили изъ іеродіаконовъ во іеромонахи, именемъ Іезекііля, и стали ежедневно служить двѣ Литургіи по-русски.

141. И начали жить и радоваться, и благодарить Господа Бога и Пречистую Его Матерь, Дѣву, Богородицу Марію. И стали во всемъ примѣръ брать съ смиренныхъ грековъ, и во всѣмъ имъ подражать, и ежеминутно отъ нихъ пользоваться, и со страхомъ и ужасомъ на ихъ подвиги смотрѣть. Удивлялись мы—какъ они живутъ: совершенно умерли міру, и пригвоздили свою плоть на крестъ послушанія; совершенно отсѣкли свою волю, и умертвили свои страсти; взошли на высочайшую степень любви, и потонули въ безднѣ смиренія и въ слезахъ своихъ. Воистину, всѣ они—земные ангели и небесніи человѣки, ангельскому житію во всемъ подражатели. Какъ Ангелы повинуются своему Небесному Владыкѣ; такъ и сіи во всемъ повинуются своему пастырю, о. игумену. Какъ Ангелы въ любви и въ единомысліи славятъ своего Творца Небеснаго; такъ и сіи—Небеснаго Владыку: ночь стоятъ на молитвѣ, а день быва-

ч. II. 13

ють на послушаніи; тѣломъ работаютъ, другъ другу помогаютъ, а умомъ безпрестанно съ Богомъ бесѣдуютъ. Азъ ежедневно съ ними бывалъ на послушаніи; часто съ ними ночевалъ, и всматривался въ ихъ жизнь: и всѣ они—совершенно беззлобивые младенцы; какъ ударяютъ въ доску на послушаніе, то они всѣ скоро идутъ на послушаніе; что я говорю: идутъ?—не идутъ, а бѣгутъ вси: іеродіаконы, іеромонахи и духовники, и схимники, и сѣдинами украшенные старцы, еще впереди. Пастырь же и отецъ—игумень стоитъ во вратахъ, и всѣхъ распоряжаетъ и благословляетъ на послушаніе; старикамъ же часто говорятъ: «отцы! уже бы вы не ходили на послушаніе, а сидѣли бы по своимъ келліямъ; уже вы потрудились въ своей жизни, а теперь пусть молодые потрудятся.» Они же падаютъ предъ нимъ на землю, и ноги его слезами омочаютъ, и просятъ его, глаголюще: «Отче св. не отлучай насъ отъ братіи нашей; не лиши насъ св. послушанія, пока имѣемъ хотя немого силы, и ходятъ наши ноги, и дѣйствуютъ наши руки; что можемъ, потрудимся.» Игумень же скажетъ: «Богъ васъ благословитъ: идите, трудитесь; я отъ жалости вамъ сказалъ.» Они же, идуще и радуящеся, и насъ младыхъ предваряюще, по горамъ и по камешкамъ прыгиваютъ, какъ бѣлыя овечки; сѣдинами украшены, а сами всегда веселы, только очи наполнены слезъ. Младые же весьма кротки, смиренны, молчаливы, и главы свои имѣютъ всегда наклонны, но весьма проворны, и всякое дѣло творятъ безъ лѣности, со стараніемъ. На послушаніи одинъ другаго не понуждаютъ, но каждый по своей волѣ и силѣ, кто что можетъ, дѣлаетъ; еще удерживаютъ, и часто повторяютъ

сие слово: олигу, олигу, т. е. помалу, помалу; и часто приказываютъ отдыхать; но сами безпрестанно трудятся: хоцетъ всякій поработать за брата своего. Вотъ гдѣ познается совершенная любовь, что каждый готовъ положить душу свою за брата своего. Егда сядемъ обѣдать, то каждый печется о братѣ своемъ, чтобы былъ доволенъ, и свою часть подкладываетъ другому. Азъ иногда скажу: «отче, а самъ чѣмъ ты будешь сытъ?» Онъ мнѣ отвѣтитъ: «ты о мнѣ не пекись: азъ уже сорокъ лѣтъ живу въ монастырѣ; ко всему привыкъ.»

142. И многіе изъ нихъ достигли совершенства, очистили внутренняго человѣка, и получили отъ Бога разные дары Св. Духа. И мнѣ самому многожды случилось отъ нихъ принять обличеніе въ тайныхъ мнихъ помыслахъ, слышать отъ нихъ наставленіе; хотя единого слова по-русски не знаютъ, но такъ скажутъ, что русскому такъ не сказать, а послѣ паки не знаютъ. Нощію никогда не раздѣваются, но въ подрясникахъ и камилавкахъ спятъ; многіе не ложатся на ребра, но сидя спятъ. И въ келліяхъ своихъ на послушаніи никогда не разговариваютъ, но вси въ молчаніи свое дѣло исполняютъ. И часто изъ устъ ихъ вырываются сіи слова: *Kirie Iusu Христе, Ие Оеу, елейсон имаъ, т. е. Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ.* Азъ окаянный смотря на нихъ удивлялся, и часто умилялся и плакалъ, и благодарилъ Господа Бога моего, Царя Небеснаго, что сподобилъ— мнѣ на земли видѣть во плоти Ангеловъ и небесныхъ человѣковъ, и ангельскому житію подражателей, ни о чемъ земномъ и тлѣнномъ не пекущихся, ниже помышляющихъ, но умертвившихъ свою плоть со страстьми

и похотѣми. И возлюбили они Господа Бога своего отъ всея души своея и отъ всего помышленія своего, и оставили суетный міръ со всѣми его прелестьями, и отверглись себя совершенно, отдались въ монастырь въ послушаніе, отреклись своей воли, взяли нести крестъ скорбей и напастей, и идутъ во слѣдъ Христа; только и дожидаются—когда разрѣшатся съ плотію, и пойдутъ къ возлюбленному Господу, Царю Небесному.

143. Каждый день исповѣдуютъ свои помыслы отцамъ своимъ духовнымъ. Каждую недѣлю причащаются Св. Тайнъ Тѣла и Крови Христовой. Пищи же употребляютъ весьма мало. Хлѣба и пищи подаютъ всѣмъ по-ровну; всегда бываетъ въ простые дни одна пища вареная, и каждому—своя чаша; другая—что-либо изъ овощей: или соленыя маслины, или ино что. Своей части мало кто съѣдаетъ. Иногда поставляютъ и вино; но мало кто его пьетъ, и то пополамъ съ водой. Въ праздники же два варенія бываетъ. Въ понедѣльникъ, среду и пятокъ, всегда бываетъ одна трапеза, и то сухояденіе; во вторникъ и въ четвертокъ—съ деревяннымъ масломъ; въ субботу же и недѣлю иногда подаютъ и сыръ соленый. Млека же и коровьяго масла никогда не бываетъ. Съ масломъ готовятъ только два дни на Сырной, два дни на Пасхѣ; рыбы же вкушаютъ въ великіе праздники, егда бываетъ все-нощное бдѣніе. Квасу же и не знаютъ—какой онъ. Егда же не бываетъ вина, то пьютъ воду; въ келліяхъ же своихъ ничего не имѣютъ, ниже воды, ниже чѣмъ украшаютъ, ниже когда свѣтильника вжигаютъ, ниже лампы, ниже кто можетъ запереть келлію, егда изъидетъ на послушаніе; ниже когда нагрѣваютъ;

да и печей нѣту, только нѣкоторые русскіе себѣ подѣлали. Въ келліяхъ каждый имѣетъ только нужную одежду и постелю, одну икону, одну книгу для чтенія, и то не каждый; да и время не имѣется—когда и читать; чтеніе бываетъ болѣе въ церкви и на трапезѣ, и на общемъ послушаніи; въ келліи же болѣе занимаются молитвою и поклонами. Церковное же правило такое: къ вечерни со всѣхъ послушаній сходятся въ монастырь. Которые далеко, тѣ тамъ и читаютъ. И строго отъ игумена наказано, чтобы церковнаго правила отнюдь не оставлять; потому что монаху настоящее послушаніе есть молитва, а прочее послушаніе есть подѣліе, только ради скуки и унынія. И потому къ вечерни вси поспѣшаютъ въ монастырь. За часъ до вечерни, даютъ повѣстку, ударяютъ въ колоколь трижды по 12-ти. Егда придетъ время вечерни,—епископъ беретъ благословеніе отъ игумена. Потомъ, положивъ три поклона предъ вратами церковными, возьметъ въ одну руку било, а въ другую деревянный молотокъ, и ударяетъ въ било, и ходитъ кругомъ собора, и дѣлаетъ три перебора, или три статьи. Братія собираются во внутренній приговоръ: каждый творитъ три поклона приходные, покланяется игумену и на обѣ страны братіи, и становится каждый въ опредѣленномъ своемъ мѣстѣ. Во внутреннюю церковь—трое вратъ, всѣ задернуты занавѣсами. Потомъ приходитъ седмичный іеромонахъ, беретъ отъ игумена благословеніе въ соборной мантии, скидаетъ съ главы одинъ клубокъ,—камилавку никогда не скидаютъ, — надѣваетъ на себя епитрахиль, творитъ три поклона, и начинаетъ: *благословенъ Богъ нашъ*. Чтець—*аминь*, и начинаетъ читать 9-й часъ, и читаетъ.

не борзаясь, но со вниманіемъ и со страхомъ, чтобы всѣ братія могли понимать. На «*Святый Боже*» и на «*приидите поклонимся*» и на «*аллилуія*» и на «*Честнѣйшую Херувимъ*» творятъ поклоны вси равнo: какъ чтець, такъ и всѣ братія. Потомъ еkkлeсiархъ творить поклонъ игумену, и цѣлуетъ его руку, и сходитъ и ударяетъ въ било къ вечерни. По отпускѣ 9-го часа, отдергиваютъ всѣ завѣсы, и входятъ во внутренней храмъ, и начинаютъ вечерню. 1-й псаломъ «*благослови душе моя Господа*» читаетъ самъ игумень. Эктенію скaзываетъ іеродіаконъ всегда въ камилавкѣ; каѳисму читаютъ не борзаясь; на «*аллилуія*» всѣ творятъ три поклона. «*Господи, воззвахъ*» поютъ протяженнымъ гласомъ. Стихиры всегда поютъ съ канонархомъ. Іеродіаконъ кадитъ иконы троекратнымъ каженіемъ, а братію—каждаго двукратнымъ. На «*стиховни*» игумень и всѣ братія подходятъ къ иконѣ, что на аналоѣ, и каждый творить по два поклона въ поясъ, цѣлуетъ икону, и паки—единъ поклонъ; потомъ среди церкви два поклона въ поясъ, а третій въ землю, и на страны по поклону, а послѣ игумену. Послѣ вечерни, прямо изъ церкви идутъ въ трапезу; ежели одна трапеза, то по келліямъ. Въ 7-мъ часу паки ударяютъ на повечеріе, и собираются паки вси въ церковь, и читаютъ повечеріе, и канонъ Богоматери весь поютъ на гласъ съ канонархомъ, и читаютъ ежедневно акаѳистъ Богородицѣ; по отпускѣ каждый идетъ въ свою келлію. Въ 12-мъ часу въ самую полночь ударяютъ въ вѣстовой колоколъ, и ходятъ будильщики по всѣмъ корридорамъ съ молитвою, и ударяютъ каждому въ двери, и возбуждаютъ всѣхъ на полунощное келейное правило. Каждому живущему въ монастырѣ дано келейное пра-

вило такое: сто поклоновъ земныхъ, тысяча поклоновъ поясныхъ—какъ рукой достать до земли; сіи вси поклоны—съ молитвою Іисусовою; двѣсти поклоновъ Богоматери поясныхъ, и пятьдесятъ поклоновъ земныхъ съ словами: *Богородице Дѣво, радуйся*, и пятьдесятъ поклоновъ поясныхъ Ангелу хранителю, да еще за новопреставленнаго сто поклоновъ поясныхъ. Потомъ, въ 1-мъ часу, ударяютъ въ било на соборную молитву. И вси стремятся поспѣть къ началу. Егда начнутъ читать псаломъ «*помилуй мя, Боже*», тогда самъ игумень обходитъ всю братію со свѣщею: аще котораго нѣтъ,—скоро за нимъ посылаютъ, и наказанъ бываетъ поклонами. Въ простые дни продолжается утренняя четыре часа. *Сѣдальны* и *каноны* всегда поютъ съ канонархомъ. Каждую утреню бываетъ четыре чтенія. И часто обходитъ еkkлeсiархъ со свѣчею, и осматриваетъ всю братію. Егда начнутъ «*стиховны*», тогда игумень и всѣ братія идутъ къ иконѣ, какъ и въ вечеру. По 1-мъ часѣ читаетъ самъ игумень оглашеніе Феодора Студита. По отпускѣ, каждый идетъ въ свою келлію, только на одинъ часъ; потомъ—къ раннимъ Литургіямъ, которыхъ бываетъ пять и шесть, а иногда и до десяти, всѣ во единое время. По Литургіи вси вкушаютъ антидору и св. воды. Потомъ ударяютъ въ доску на послушаніе. Аще которые далеко пойдутъ,—съ собой пищу возьмутъ; а которые близко, тѣ въ монастырь приходятъ. Предъ трапезою ежедневно въ соборѣ поютъ параклисъ, т. е. молебень Богоматери, весь на распѣвъ, съ канонархомъ. По отпускѣ—прямо въ трапезу. По трапезѣ — паки на послушаніе. И тако время проходитъ весьма скоро, въ занятіи все богоугодномъ и душе-

полезномъ. Каждую недѣлю бываетъ всенощное бдѣніе; продолжается 10 и 12 часовъ. Полуденная утренняя продолжается 5 и 6 часовъ.

144. Аще кто заболитъ изъ братіи хотя мало, то отходить на больницу; тамо больнымъ всякое упокоеніе даютъ; никакая мать не будетъ такъ о дѣтяхъ своихъ пещись, какъ тамъ братія о больныхъ пекутся и ухаживаютъ. И отецъ игуменъ каждый день дважды посѣщаетъ и надсматриваетъ. И ежедневно приходитъ врачъ изъ числа своей братіи, и преподаетъ лекарства; больныхъ каждый день причащаютъ Св. Таинъ, и читаютъ въ больницѣ особенное правило. Аще кто преставится, то относятъ въ церковь, и читаютъ надъ нимъ Псалтирь. Потомъ самъ игуменъ со всѣмъ соборомъ и вся братія отпѣваютъ. И потомъ съ хоругвями и со свѣщами провожаютъ на общую усыпальницу, и погребаютъ съ прежде почившими отцами; и похоронивши, игуменъ и вся братія творятъ по сту поклоновъ за умершаго. Потомъ игуменъ всѣмъ возгласитъ: «отцы и братія, прошу васъ: за-сего новопреставленнаго брата нашего помолитесь до сорока дней по сту поклоновъ; ежели мы помремъ,—и за насъ помолятся.» Таковъ благой обычай въ нашемъ русскомъ общежительномъ монастырѣ, какъ и въ св. Горѣ Аѳонской; и до сорока дней ежедневно бываетъ коливо и литія, и запишутъ имя его въ помянники по всѣмъ церквамъ вѣчно. Се описахъ вкратцѣ братскую общежительную жизнь русскаго монастыря. А ежели пространно описать, то великую книгу напишешь; описалъ бы и пространнѣе, но затруднишь читателя.

145. Теперь опишу русскаго монастыря устройство

и красоту. Монастырь стоит на самом берегу моря, не далѣе пяти сажень, на открытомъ веселомъ мѣстѣ, не далече отъ главной аѳонской пристани, называемой Дафни. Весь нововыстроенъ: 1816 г. начать, а въ 1821 году оконченъ; весь—изъ дикаго камня. А выстроенъ Саввою іеромонахомъ и игуменомъ, помощію Молдавскаго князя и господаря, Скарлата Каллимаха, четыреуголенъ; къ полдню—стѣна; съ западной и восточной сторонъ обнесенъ, вмѣсто ограды, четырехъ-этажными корпусами келлій съ корридорами; келліи—на обѣ стороны; нижній этажъ—вмѣсто сараевъ служить; внизу—кругомъ двухъэтажные погреба. А гдѣ нѣтъ корпусовъ, тамо каменные стѣны, 15 ар. вышины. Стѣны усыпаны окнами снаружи и во-внутрь монастыря, и раскрашены красками. Врата—съ южной страны, сквозь корпусовъ; вратъ—двое, желѣзные. Внутри монастыря десять церквей: Первый—великій соборъ во имя св. Великомуч. Пантелеимона, стоитъ среди монастыря, сдѣланъ изъ тесаннаго камня, о седми куполахъ и седми главахъ съ крестами; покрытъ весь оловомъ. Паперть поддерживается двѣнадцатью колоннами мраморными, шлифованными; полъ на паперти выстланъ мраморными плитами, подобно льду. Съ паперти во храмъ—трое вратъ: великія врата—съ западу, вторыя—съ югу, а третьи—съ сѣверу; всѣ—фигурныя, рѣзбенной работы, и всѣ трое ведутъ въ притворъ. Притворъ имѣетъ пять куполовъ, пять паникадилъ; поддерживаемъ четырьмя столбами мраморными; полъ—разномраморный, кругомъ возлѣ стѣнъ уставленъ монашескими мѣстами, и весьма свѣтелъ отъ множества оконъ; на западной стѣнѣ—хоры, кладовая ризница. Хоры сдѣланы надъ папертью. Къ

востоку стѣна уставлена иконами, и трое вратъ во внутренній храмъ. Среднія врата—великія, называются красными, вторыя—южныя, а третьи—сѣверныя; всѣ завѣшиваются шелковыми завѣсами; въ притворѣ читаютъ *девятый часъ* и повечеріе, *акаѣистъ* и *полунощницу*, и молебень Богородицѣ и литію. Внутренній храмъ—крестообразный, поддерживается четырьмя столбами мраморными; въ немъ—пять паникадилъ великихъ. Кругомъ средняго паникадила виситъ хорусъ, на двѣнадцати цѣпяхъ, со многими свѣщами, иконами и фигурами; клироса—полукруглые, съ мѣстами, или формами. Посреди храма — аналой осьмиугольный, украшенный перломутровою костью; иконы—древняго греческаго писанія. Подсвѣчники—мѣдные литые, и весьма велики; едва пять человѣкъ поднимаютъ одинъ съ мѣста; и на нихъ стоятъ свѣщи великія; полъ упещренъ разными мраморами; кругомъ уставлены монашескія токарной работы формы, или мѣста. Во всемъ храмъ подобенъ храмамъ прочихъ аѳонскихъ великихъ монастырей; но только въ прочихъ монастыряхъ храмы расписаны иконнымъ стѣннымъ писаніемъ, имѣютъ богатые рѣзбенные и вызлащенные иконостасы; сей же, небеси подобный храмъ, плача достоинъ: и иконостаса никакого не имѣетъ, и не расписанъ; даже былъ и не подштукатуренъ; уже наши русскіе подштукатурили. Вторая церковь—Успенія Богородицы: стоитъ среди монастыря, рядомъ съ соборомъ, по лѣвую страну собора; храмъ—крестообразный, поддерживаемъ четырьмя столбами; иконъ довольно, а иконостаса нѣтъ, и не подштукатуренъ. Третій—русскій, Св. Митрофана, въ третьемъ этажѣ въ рускомъ корпусѣ. Четвертый—св. Муч. Дмитрія Солун-

скаго, въ четвертомъ этажѣ русскаго корпуса. Пятая церковь—святыхъ Архангелъ, въ пятомъ этажѣ—русскаго корпуса; шестая—Преподобнаго Саввы Освященнаго; седьмая—вблизи больницы, Св. Николая, въ третьемъ этажѣ гостинницы; осьмая—Священномуч. Харлампія, въ четвертомъ этажѣ, надъ вратами монастырскими; девятая—св. Иоанна Предтечи, въ юговосточномъ углу, въ четвертомъ этажѣ; десятая—во имя Св. Митрофана, соборъ, въ сѣверовосточномъ углу; въ 1841 году заложили, въ 1846 кончили и освятили. Одиннадцатая—во имя свят. Апостоля, внѣ монастыря, на усыпальницѣ; четырнадцать церквей—по пустыннымъ келліямъ; да еще Скитъ Богородицы имѣеть три церкви. Сей Скитъ содержать болгары, живутъ общежительно; а на прочихъ всѣхъ келліяхъ живутъ свои монастырскіе братія, а чужимъ не продаютъ, какъ прочіе. Итого всего имѣеть русскій монастырь, внутри и внѣ, двадцать восемь храмовъ, всѣ—каменные. Вотъ какая великая Лавра во св. Горѣ Аѳонской—русская общежительная св. киновія, славная царская обитель, одна изъ числа двадцати ставропигіальныхъ святогорскихъ аѳонскихъ монастырей! Игумень носятъ архіерейскую мантию, имѣеть архіерейскій жезлъ, принадлежитъ къ самому Константинопольскому вселенскому Святѣйшему Патріарху.

Еще опишу, чтò находится внутри монастыря, кромѣ корпусовъ келлій и церквей. 1) *Трапеза* великая, изъ тесанаго камня, крестообразная; врата трапезы—противъ вратъ собора; напередѣ поддерживается шестью столбами мраморными. Сверхъ трапезы надъ папертію—трехъэтажная колокольня, съ главою и съ вышлагомъ крестомъ, покрыта желѣзомъ, и выкра-

шена, — это уже обработали русскіе. На колокольнѣ много порядочныхъ колоколовъ: всѣ уже при насъ русскіе навозили изъ Россіи. Одинъ московскій купецъ, Набилкинъ, пожертвовалъ 3 колокола, и изъ прочихъ мѣсть. Звонить стали по-россійски, чѣму вся св. Гора Аѳонская стала удивляться. У грековъ хотя и звонять, но безъ ладу: сколько колоколовъ, столько и звонарей. Врата въ трапезу—великія; внутри трапезы стоятъ столы крестообразно, по чину, 15 столовъ, и вся трапеза расписана иконнымъ писаніемъ; расписывали уже при мнѣ наши русскіе, и трапеза столь прекрасна и фасониста, что во всемъ моемъ странствіи такой не видалъ; только есть ей подобна въ Ватопедскомъ монастырѣ во Аѳонской Горѣ. 2) *Кухня*—высокая, съ куполомъ, а въ куполѣ труба, въ стѣнѣ фонтанъ воды на обѣ страны и сарай для дровъ. 3) *Хлѣбопекарня*—длинная и двухъэтажная; внизу—корыта и столы, и печь, и фонтанъ воды, а вверху анбаръ для муки, и дрова. 4) *Библиотека* — двухъэтажная; внизу кладовая, а вверху книжная, гдѣ сохраняется множество греческихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, кожаныхъ и бумажныхъ; часть есть славянскихъ и русскихъ. 5) *Маслобойня* и *винодѣльня*—двухъэтажная и фонтанъ воды. 6) *Платомойня*, съ котломъ и со многими корытами. — Эти постройки стоятъ сами по себѣ, не въ корпусахъ; прочія же вси въ корпусахъ. 1) *Гостинница*: занимаетъ 5 залъ и 6 комнатъ, всѣ убраны коврами, тюфяками и подушками. 2) *Больница* занимаетъ 2 зала и 4 комнаты. 3) *Просфорня*. 4) *Ружальная*. 5) *Сапожническая*. 6) *Портная*. 7) *Иконописная*. 8) *Хлѣбный анбаръ*, въ которомъ всегда года на два запасено. Внутри монастыря 8 фонтановъ во-

ды; въ погребѣ и въ соборѣ вездѣ проведена вода; и весь монастырь высланъ каменными плитами. О, блаженъ былъ сей св. обители строитель, іероски-монахъ Савва! Зналъ—какъ выстроить, сдѣлать себѣ вѣчную память! Въ монастыря, надъ вратами, за стекломъ, стоитъ великая икона св. Великомученика Пантелеимона; передъ нею виситъ фонарь съ лампадою неугасимою. Отъ вратъ сажень 20—трехъэтажный корпусъ: внизу—конюшня; въ среднемъ—келліи работниковъ; вверху—сѣно. Огородниковъ келліи; при усыпальницѣ двухъэтажная келья; кузница; плотницкая келья; арсеналъ, т. е. корабельная пристань; сарай, гдѣ втаскиваютъ суда; кожаный заводъ; двѣ водяныя мельницы—возлѣ самой стѣны монастырской, прудъ воды. Каждый день пускается съ мельницы вода, кругомъ монастыря, промывать нечистыя мѣста; вечеромъ пускается съ мельницы вода, и напаяетъ всѣ огороды вокругъ. Вокругъ монастыря много разныхъ садовыхъ дровъ, маслинъ и кипарису, смоковницъ, апельсиновыхъ, померанцевыхъ, гранатныхъ и орѣховыхъ, и груши; а лѣсъ больше лавровый, и множество виноградныхъ и маслячныхъ садовъ. Изъ монастыря на западъ видны, стоящія подобно облакамъ, славныя и великія Олимпійскія горы, или гора Олимпъ, и полуострова Сика и Кассандра; къ сѣверозападу—страна Македонская и Фессалія, даже до самаго Солуня; отъ сѣвера и отъ востока стоитъ, какъ стѣна, гора Аѳонская; къ юго-востоку изъ-за горъ показываетъ свою голую главу самъ Аѳонъ. На югъ и на западъ открыто море Архипелагъ и нѣкоторыя острова; къ югозападу—Греческое Царство и славный градъ Аѳины, и синѣтся великій островъ Негропонтъ.

146. Скиты же русскаго монастыря, т. е. келліи,—такія: 1) Скитъ Богородицы: живутъ Болгары; въ немъ три церкви: Успенія Богородицы, Святит. Николая и Препод. Іоанна Рыльскаго; имѣетъ довольно воды текущей; еще кладезь есть; имѣетъ довольно лѣсу и садовъ виноградныхъ; стоятъ отъ монастыря три часа ходу, т. е. 15 версть. 2) Келлія св. Василя Вел.: стоитъ близъ Кареи; церковь—прекрасная, съ иконостасомъ и куполомъ; имѣетъ источникъ воды и много садовъ, и винограду, и орѣховыхъ, смоковыхъ и масличныхъ древъ и лѣсу. 3) На Кареѣ Кунакъ, т. е. подворье: церковь—съ куполомъ,—св. мучен. Георгія; имѣетъ много воды и орѣховъ, и лѣсу, и большой огородъ, и прекрасныя гостинницы. 4) Келлія св. Григорія Неокесарійскаго: имѣетъ источникъ воды, садовъ не имѣетъ; отъ монастыря полчаса ходу. 5) Келлія св. Великомуч. Георгія, съ куполомъ: воды кладезь, и много винограду, маслинъ и лѣсу; отъ монастыря часть ходу. 6)—Св. Великомуч. Димитрія: церковь съ куполомъ; иконостасъ вышашенный; воды кладезь; много винограду и лѣсу; отъ монастыря часть ходу. Пovyше этой келліи, полчаса ходу, на большой дорогѣ стоитъ старыи русскій монастырь: еще стѣны цѣлы и лѣсомъ заросли; нѣкоторыя малыя церкви цѣлы, но стали разрушаться; стоитъ въ прекрасной пустынѣ, кругомъ темныя лѣса, и моря не видать; теперь много возлѣ него косятъ сѣна. 7)—Св. муч. Космы и Даміана: стоитъ на самомъ открытомъ мѣстѣ и здоровомъ воздухѣ, имѣетъ воды источникъ и много черносливу, и много лѣсу дубоваго и каштановаго, и много родится грибовъ; отъ монастыря полтора часа

ходу; много и винограду. 8) Келлія Богородицы, Живоносный Источникъ: церковь—прекрасная, съ куполомъ, и есть великій садъ орѣховъ и большой огородъ. Здѣсь течетъ источникъ воды, имѣющій цѣлебную силу, а наипаче въ лѣтнее время. Вода течетъ прямо изъ земли и весьма холодна, и пить пріятна и легка, но внутри имѣетъ великое дѣйствіе на желудокъ: слабить и очищаетъ, вреда никакого не причиняетъ; даже въ двѣ недѣли излечиваетъ всякую внутреннюю болѣзнь. Воистину, сія вода—благодатная и чудотворная! Во имя Богородицы, Живоноснаго Источника, въ древнія времена выстроена здѣсь церковь; но нынѣ—въ небреженіи, мало кто объ ней и знаетъ, кромѣ своего монастыря. Сія келлія въ совершенной пустынѣ, окружена великими каштановыми лѣсами; винограду не имѣетъ, по причинѣ холоднаго мѣста и климату: ибо стоитъ высоко, близу самага хребта; отъ монастыря два часа ходу. 9)—Успенія Богородицы: церковь—прекрасная, съ куполомъ; воды источникъ; много имѣетъ винограду и масличныхъ дровъ и лѣсу; отъ монастыря одинъ часъ съ половиною ходу. 10)—Трехъ Святителей: церковь—съ куполомъ; воды—источникъ; есть довольно и саду; виноградъ далеко; отъ монастыря полтора часа ходу. 11)—Св. Великомуч. Георгія: церковь—съ куполомъ, воды—три источника; много имѣетъ саду и винограду, и орѣховъ, и смоковницъ, и черешни, и окружена горами высокими и прекрасными лѣсами, стоитъ какъ въ раю, въ тихой и безмолвной пустынѣ. 12)—Іоанна Предтечи: церковь разрушилась отъ землетрясенія; воды—источникъ, и садъ масличныхъ дровъ, и много садятъ луку, и сѣютъ ревицу и гороху; отъ монасты-

ря полчаса ходу. 13) — Всѣхъ Святыхъ: церковь—съ куполомъ; воды—источникъ; саду никакого не имѣеть; только очень великъ огородъ, и много разнаго овоща и арбузовъ; стоитъ на самомъ берегу моря; отъ монастыря одна верста. Всѣ сіи келліи—каменныя, двухъ-этажныя, со многими комнатами. 14) — Св. Великомуч. Пантелеимона. 15) — Святит. Николая. Сіи двѣ келліи—на мѣстѣ, нарицаемомъ Кумица, въ самомъ концѣ Горы Аѳонской, къ перешейку; отъ монастыря 6 ч., т. е. 30 верст., по морю. Тамъ русскій монастырь имѣеть великій участокъ земли; тамъ множество масличныхъ садовъ, подобно лѣсу, и много удобной земли къ сѣянію, и множество сосновыхъ лѣсовъ; этотъ участокъ много монастырю пользы приноситъ. Еще русскій монастырь много имѣеть, по виноградникамъ и по удобнымъ мѣстамъ, колибъ, т. е. келлій безъ церквей, которыхъ не могу всѣхъ описать, и на каждой живутъ по два и по три монаха. Еще русскій монастырь имѣеть великій участокъ земли близъ Солуня, на мѣстѣ, Кало-Марія называемомъ: тамъ есть и церковь, и много разной постройки; тамъ имѣется богатое хлѣбопашество, и сѣютъ много пшеницы, такъ что до изобилія становится для монастыря, еще и продаютъ много; и много тамъ скота держутъ, и доставляютъ водою на суднѣ, и продаютъ; еще имѣеть сѣнные покосы на полуостровѣ Сикѣ, еще—водяную мельницу на полуостровѣ Кассандрѣ; еще имѣеть на рѣкѣ Дунаѣ, въ Георгіевскомъ Гирлѣ, рыбный заводъ, заведенный русскимъ; еще имѣеть свои корабли и рыбныя мрежи; и много имѣеть близу монастыря разныхъ лѣсовъ. Се описахъ его устройство и недвижимое имѣніе; но еще завладала землею и лѣсомъ чужая рука,

прочіе аѳонскіе монастыри. Впрочемъ и теперь равняется землею съ прочими аѳонскими монастырями; еще многіе и превосходятъ, такъ что русскій монастырь всего имѣетъ до изобилія: хлѣба, воды, масла, вина, лѣсу, луку, бобовъ, фасоли, ревиу и прочаго зелія и овоща; еще продаютъ. Довольно есть въ немъ и братіи монашествующихъ. Егда мы взошли въ монастырь, — было до ста человѣкъ; егда же стали отправляться въ Россію, въ 1846 г., — было болѣе двухъ сотъ человѣкъ монаховъ. Егда взошли (1839 г.) русскіе въ сію обитель, тогда она была всѣхъ убоже и обнаженнѣе, и у всѣхъ въ поношеніи. Егда же азъ выходилъ, т. е. въ 1846 году, то она стала почти всѣхъ богаче и славнѣе: въ теченіи седьми лѣтъ такъ ее русскіе облекли, украсили, что вся Гора Аѳонская удивляется и завидуетъ.

147. Теперь хочу описать — отъ чего сія Пантелеимонова обитель получила названіе Руссикъ, или *русскій монастырь*, хотя русскихъ въ немъ не было? Возьму отъ исторіи вкратцѣ. — Сіе названіе имѣетъ обитель съ древнихъ временъ. Егда Россія приняла христіанскую вѣру, во время Князя Владиміра: тогда имѣли великую любовь между собою Греческіе Цари съ Россійскими Князьями; такожде и Константинопольскіе Патриархи любили Россію; тогда отдали сію Пантелеимонову обитель Русскимъ Князьямъ, подъ покровительство, со всѣми принадлежащими къ ней монастырями и скитами, для прибѣжища и пристанища русскимъ во св. Горѣ Аѳонской. И отъ того времени прозвалась она Руссикъ. И Россійскіе Князья имѣли о ней попеченіе; но егда, грѣхъ ради человѣческихъ, разорилъ Россію поганый Батый, и подпала Россія подъ

иго татарское, тогда Русскіе Князья ее оставили и позабыли; а возимѣли о ней попеченіе Сербскіе Цари, и всегда ее покровительствовали и награждали; а русскіе братія завсегда въ ней проживали; и была русская обитель одна изъ числа ста тридцати аѳонскихъ монастырей. Многожды была запустошена и разорена отъ безбожныхъ арабовъ и срацыновъ, какъ и прочія аѳонскія обители. Но сіи обители поправляли Цари Греческіе; а русскую всегда поправляли Цари Сербскіе. Въ 1203 году, посыланъ былъ изъ русскаго монастыря одинъ русскій монахъ въ Сербію къ Сербскому Царю Стефану, для монастырской надобности, и привелъ съ собою изъ Сербіи царскаго сына и наслѣдника, св. Савву, Сербскаго Чудотворца, тогда бывшаго младаго, шестнадцатилѣтняго юношу. Прибывши во св. Аѳонскую Гору, онъ постигся во иноческій чинъ въ русскомъ Пантелеимоновомъ монастырѣ. Послѣ увѣщаль отца своего оставить земное свое царство, и принять монашество. Въ послѣдствіи времени они выстроили свой монастырь Хилендарь. Св. Савва въ своей завѣщательной грамотѣ называетъ русскую Пантелеимонову обитель своею матерію, породившею его монашествомъ. И жертвовали Сербскіе Цари въ русскую обитель землями и подворьями. И до-днесь еще сохраняются въ монастырѣ до шестидесяти крѣпостныхъ грамотъ за подписомъ царей и патріарховъ; но нынѣ—безъ дѣйствія. Егда упразднися царство: упразднились и грамоты. Еще въ четырнадцатомъ столѣтіи постигло великое искушеніе св. Аѳонскую Гору. Егда адскій змій испустилъ свой ядъ на Христовъ красный виноградъ, отторгнулъ западную Церковь отъ восточной: поку-

сился зломудренный Папа Римскій присоединить къ себѣ и восточную. Сколько тогда было разорено бѣдныхъ грековъ! Сколько сдѣлано пакостей св. Восточной Церкви! Отъ турковъ того не пострадали, что претерпѣли отъ латиномудренныхъ христіанъ. Но св. Аѳонскую Гору тогда Божія Матерь защитила.

148. Послѣ того, латиномудренный греческій Царь Михайлъ Палеологъ, вмѣстѣ съ Папою Римскимъ, захотѣлъ восточную Церковь соединить съ западной, и захотѣли прежде склонить св. Аѳонскую Гору. Тогда Аѳонская Гора была яко рай, Богомъ насажденный: было сто тридцать монастырей великихъ; было до сѣмидесяти тысячъ братій. Папа вкупѣ съ Царемъ устремились на богособранное стадо, яко на незлобивыхъ овецъ: овыхъ мечемъ изсѣкли, яко незрѣлую пшеницу; овыхъ въ морѣ потопили; овыхъ огнемъ сожгли; овыхъ повѣсили на древахъ; овые страха ради разбѣжались и скрылись. А нѣкоторые монастыри Божія Матерь покрыла: остались неврежденны. И тако латинцы почти всю св. Гору Аѳонскую разорили и опустошили; но мало—кого могли склонить къ своему мудрованію; тогда и русскую обитель разорили и опустошили, и наши русскіе тогда пострадали. Но вскорѣ—паки благочестивый Царь насталь: воцарился Андроникъ Палеологъ, сынъ Михайла Палеолога, собралъ во градѣ Солунѣ помѣстный Соборъ, и предавши всѣхъ латиномудрственныхъ анаѳемъ, самъ пришелъ во св. Аѳонскую Гору, и видя ее всю разорену и опустошену, много о ней плакалъ; потомъ изъ числа ста тридцати избралъ двадцать, которые были важнѣе и извѣстнѣе, и сталъ ихъ возобновлять; а прочіе упразднилъ, и всю землю раздѣлилъ на

двадцать частей; послѣ самъ постригся въ монахи въ Ксиропотамскомъ монастырѣ, и тамъ скончался; и почитается во Святыхъ и всѣмъ аеонскимъ монастырямъ ктиторъ. Тогда и русскій монастырь былъ включенъ въ число двадцати, и паки возобновленъ Сербскими Царями; и русскіе братія о немъ старались. Егда взята была та страна турками, тогда аеонскіе отцы изъ девятнадцати монастырей пошли къ Султану на поклоненіе, и записали каждый свой монастырь; изъ русскаго же не пошли, потому что они гости, а монастырь—Сербскаго Царя; и до-нынѣ у турковъ записано только девятнадцать монастырей, а русскаго нѣтъ. Егда же разрушилось и сербское царство отъ турокъ, а Россія освободилась отъ татаръ, тогда паки русская обитель прибѣгнула къ своему Русскому Царю, Іоанну Васильевичу. Онъ съ любовію принялъ посланныхъ изъ сей обители, и сталъ имѣть о ней попеченіе: далъ ей жалованную грамоту на выѣздъ въ Россію, для испрошенія милостыни; и самъ жертвовалъ отъ своей царской казны; такжеде и сынъ его, Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, и Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ и Царь Алексій Михайловичъ: всѣ сіи Цари русскую обитель жаловали и награждали, и до-нынѣ сохраняются въ русскомъ монастырѣ ихъ царскія грамоты, а русскаго монастыря архимандритовъ сборныя книги—по Россіи. Въ царствованіе Россійскаго Императора Петра I-го, въ началѣ осьмнадцатаго столѣтія, былъ одинъ путешественникъ, кіевскій гражданинъ, Василій Григорьевичъ Барскій. Въ первое его прибытіе во св. Гору Аеонскую, онъ въ русскомъ монастырѣ зимовалъ, и съ русскими читалъ и пѣлъ, и вся братія

были русскіе; но егда пришелъ во второй разъ, чрезъ двадцать лѣтъ, то уже русскаго ни единого не было, и игуменъ былъ грекъ, и жаловался, что русскіе совсѣмъ оставили свою обитель, и не даюгъ никакой помощи. А причина была та, что перемѣнились въ Россіи гражданскіе законы: не стали даваться жалованныя грамоты, и не стали русскіе самозвольно выходить за границу. Отъ того русскіе оставили Русикъ; а хотя одинъ или два и придутъ, но и тѣ, какъ странники, скитаются по св. Горѣ. Обитель содержать—много требуется расходовъ: отъ того оставили обитель пугу; и тогда прочіе монастыри разобрали много ея земли, и до-нынѣ обладаютъ ею. Хотя бѣдные греки и вселились въ русскій монастырь, но не имѣли ни откуда помощи, и не могли—чѣмъ монастырь поддерживать, и поправлять постройки, и ирнуждены были оставить русскій великій царскій монастырь древній, и сошли къ морю, и выстроили маленькую обитель, тоже во имя св. Пантелеимона, помощію бѣдныхъ грековъ, солунскихъ купцовъ, въ 1757 году. Воистину благословенны греки! Аще и подъ тяжкимъ игомъ турецкимъ живутъ, а монастыри строятъ. Хотя выстроенъ новый монастырь, но русскаго имени не потерялъ; только, какъ прежде былъ славный великій царскій русскій монастырь, такъ послѣ былъ въ уничиженіи; и называли—*русскій бѣдный монастырекъ*. Но хотя былъ и незначителенъ и малъ, а своего названія не потерялъ, и всегда находился въ числѣ двадцати монастырей, и всегда въ немъ проживало много братія грековъ, ученыхъ и славныхъ мужей, и содержали строгую общежительную жизнь. И старались, день и ночь, со

многими трудами, поддерживать монастырь, и под-держали. Спаси ихъ Господи! Греки весьма любили его ради изобилія здравыхъ водъ и здороваго воз-духа, и никогда не думали допустить въ него рус-скихъ; но Господь устроилъ по Своему. Еще азъ за-сталъ сей маленькій монастырекъ; еще и до-нынѣ стоитъ одинъ корпусъ, служитъ за конюшню. Еще засталъ немного стариковъ, которые жили въ вели-комъ монастырѣ; монастырь же и до-нынѣ стоитъ пустъ; а братія, не вмѣщаясь въ маленькомъ мона-стырѣ, проживали болѣе по пустынямъ, келліямъ и колибамъ; и жили въ томъ маленькомъ монастырѣ шестьдесятъ лѣтъ, пока сталъ и онъ разру-шаться. Насталъ у нихъ игумень іеросхимонахъ Савва, родомъ изъ Пелопонесу. Отправившись въ свою страну, онъ получилъ великое наслѣдіе послѣ своихъ родителей. Еще—испросилъ милостыню отъ сво-ихъ родныхъ и отъ прочихъ христіанъ, на постройку монастыря; и, пріѣхавши во св. Гору, сталъ на но-вомъ мѣстѣ основывать великій монастырь. Хотя у него суммы было и мало, но онъ просилъ помощи отъ Бога и св. Великомуч. Пантелеимона.

149. И услышалъ Богъ молитву его, и подалъ ему помощь сицевымъ образомъ: Молдавскій Князь и Госпо-дарь, Скарлатъ Каллимахъ, имѣлъ велию любовь къ св. Великомученику Пантелеймону; Святой сей ему во снѣ явился, и сказалъ: «имѣніе твое—великое, а смерть твоя—близка, а монастырь мой во св. Горѣ Аѳонской до конца разоряется: помоги ему, пока есть время.» Князь, воставши отъ сна, скоро послалъ во св. Гору Аѳонскую узнать—кто игумень въ Пантелеймоновомъ монастырѣ, да пріѣдетъ въ Молдавію. Игумень Савва,

получивши такое извѣстіе, скоро отправился въ Молдавію, и, прибывши, увидался съ Княземъ. Князь, узнавши о началѣ постройки монастыря, возрадовался, и сказалъ: «Вотъ, отче св., тебѣ мое злато и серебро: бери сколько тебѣ угодно; а ежели будетъ мало, то пиши ко мнѣ: еще пришлю, сколько будетъ надобно. Только строй—какъ можно лучше и прочиѣ, и какъ можно скорѣе поспѣшай: ежели просятъ по рублю, то давай по-полтора, дабы только было поспѣшно. А егда совершишь,—увѣдомь меня: азъ самъ приѣду въ монастырь, и недокончанное довершу, распишу и раскрашу; а ты выстрой для меня особенный корпусъ.» Потомъ Князь подарилъ въ обитель на Евангеліе серебряныя вызолоченныя доски и стѣнные часы, которые и до сего времени существуютъ; и во всей св. Горѣ лучше ихъ нѣтъ: съ солнцемъ и луною, и со всѣми планетами, и со многими кораблями, качающимися на морѣ, и всегда можно видѣть—когда луна наражается и ущербаетъ. Сія часы называются *ктиторскіе*, висятъ въ соборѣ, за правымъ клиросомъ на столбѣ. Игуменъ Савва, получивши деньги и вещи, скоро отправился въ монастырь, и по прибытіи началъ строить, въ 1816 г.; а въ 1820 окончилъ, и во всемъ исполнилъ княжескую волю: въ три года столько настроилъ, что всякъ можетъ дивиться. Устроилъ десять церквей каменныхъ: девять—внутри монастыря, а десятая—на усыпальницѣ. Выстроилъ кругомъ двухъэтажные погреба внизу, а вверху четырехъэтажные корпуса и великую трапезу съ колокольной, кухню и пекарню и проч. Для Князя выстроилъ пятиэтажный корпусъ, въ которомъ и теперь живутъ русскіе; все устроилъ и покрылъ.

Воистину блаженъ былъ сей старецъ Савва! Какія уста возмогутъ достойно похвалити его? Какой онъ имѣлъ великій разумъ! Такъ онъ скоро и искусно выстроилъ, что всякаго приводитъ въ удивленіе! По совершеніи монастыря, писалъ онъ къ ктитору, Скарлату Каллимаху, Князю Молдавскому. Ктиторъ же неизреченныя радости исполнился; налилъ колоколовъ, и наготовилъ разныхъ вещей для украшенія монастыря, и взялъ много золота и серебра, чтобы монастырь украсить и расписать иконнымъ писаніемъ, иконостасы подѣлать, и всѣмъ снарядить; и отправился въ путь; и прибывши въ Константинополь, былъ у Султана и у Патріарха въ гостяхъ. Потомъ отправился въ путь. И егда прибылъ въ Дарданельскую крѣпость, — Турецкій паша позвалъ его къ себѣ въ гости; и егда узналъ, что онъ много имѣнія везетъ во св. Гору, то вечеромъ его удушилъ до смерти, и имѣніе его паша разграбилъ. И тако благочестивый и христілюбивый Скарлатъ Каллимахъ, Князь Молдавскій, мучениколюбецъ, вѣнчался своею кровію, вѣнцемъ мученичества, неповинно, и сдѣлался соучастникомъ вѣнца св. Великомуч. Пантелеимона, да съ нимъ вмѣстѣ царствуетъ у своего Небеснаго Царя и Владыки, да съ нимъ вмѣстѣ назираютъ и сохраняютъ свою русскую обитель во св. Горѣ Аѳонской. Услышавши сію печальную вѣсть, отцы русскаго монастыря великой жалости и скорби исполнились, и какихъ горькихъ слезъ не изліяли? Оплакавши мученическую кончину своего блаженнаго ктитора, перебрались въ нововыстроенную великую нагую обитель, не имущую никакого украшенія, не оштукатуренную, не имущую ни иконостасовъ ни иконъ; вся обитель была — какъ пустой

сарай, ни откуда немущи помощи. Въ скоромъ времени и другая скорбь ее постигла: скончался игумень Савва, второй ктиторъ обители, уже въ глубокой старости, и препоручилъ попеченіе о обители и о братіи своему ученику и духовному брату, іеросхидіакону Венедикту, и его ученику іеромонаху Герасиму. Потомъ настало и всеобщее бѣдствіе между грековъ и турокъ; въ то горькое время много претерпѣла скорби и бѣдствія вся Гора Аѳонская; братія разошлись, кто куда могъ; осталось не помногу по монастырямъ; пришли во св. Гору турки, въ каждый монастырь по 40 человекъ, а по Горѣ всюду были разбойники. И продолжалось сіе бѣдствіе по 1828 годъ. Въ теченіе сихъ лѣтъ турки жили по монастырямъ, монахи ихъ кормили, и жалованье давали; а наипаче русской монастырь много претерпѣлъ нужды, и много задолжалъ, болѣе ста тысячъ. По окончаніи войны, въ 1828 г., паки настало тихое и спокойное время; паки стали братія сходиться во св. Гору. Тогда русскаго монастыря братія — греки, видѣвши, что уже не въ состояніи поправить и украсить монастыря, и заплатить долги, стали совѣтоваться, что сотворить. Старецъ Венедиктъ и игумень Герасимъ стали говорить всей братіи: «Отцы и братія, послушайте насъ. Мы теперь много должны, а обитель наша—голая и пустая. И мы ни откуда не имѣемъ помощи, и не въ состояніи уплатить долгъ, и украсить обитель. Необходимо намъ надобно принимать древнихъ жителей обители сея—русскихъ. Они только могутъ сію обитель поправить и украсить, и привести въ настоящій порядокъ.» Братія же вся на то согласились. И начали къ себѣ русскихъ приглашать и ласкать. Не такъ, какъ прежде: боялись

русскихъ въ монастырь пускать, дабы русскіе не вступились въ свое древнее достояніе, и не изгнали ихъ изъ русскаго монастыря; и всячески старались, чтобы русское имя изъ памяти изгнать, и даже не любили тѣхъ, которые называли русскимъ монастыремъ. Но Господь устроилъ по Своему, и смирилъ ихъ даже до конца: пришло время, что стали русскихъ и звать и всячески ласкать, и стали сами обитель называть Русикъ, и всюду прославлять ее, и говорить: почему русскіе оставили свою обитель, а странствуютъ по св. Горѣ, не имѣючи—гдѣ главы поклонить, и почему они не прибѣгаютъ ко своей матери въ объятія?... И въ русскихъ подѣйствова въ сердцахъ невидимая Божія сила: всѣ стали русскую обитель любить, всѣ стали о ней сожалѣть, и много о ней говорить. Но не было такого человѣка, который бы могъ, тамо живя, обители пособить.

150. Въ 1834 году пріѣхалъ изъ Россіи іеромонахъ Аникита, князь Шихматовъ, великій постникъ. И пріѣхавши во св. Аѳонскую Гору, присталъ въ скитѣ Іліи Пророка. Потомъ пошелъ поклониться по всей св. Горѣ Аѳонской; и обшедши многіе монастыри, пришелъ въ монастырь русскій св. Пантелеимона. Греки его встрѣтили съ честію. Онъ же, поклонившись святынь, и посмотрѣвши на обитель, слезно сожалѣлъ, что въ такомъ горькомъ положеніи находится русская обитель во св. Горѣ Аѳонской, какъ безъ призрѣнія сирота, оборвана и обнажена, и безъ всякаго украшенія, и не имѣетъ ни отъ кого покровительства. Потомъ приняли его на гостинницу, и всячески обласкали, и всѣ старцы просили его погостить у нихъ, и онъ общался. Они же начаша ему со слезами

говорить: «Отче св., умилосердитесь надъ своею матерію—русскою обителію; помилуйте ее, отъ всѣхъ оставленную; облеките ее обнаженную; что вамъ—по св. Горѣ, внѣ своей обители, бѣдствовать? Придите, отче, къ своей матери въ объятія, и живите съ нами въ общежитіи, въ любви и спокойствіи; и введите, сколько вамъ угодно, русской братіи, и возьмите любую себѣ церковь и любой корпусъ келлій, и живите, и помогайте своей матери.» Князь же сказалъ имъ: «Благое ваше расположеніе къ русскимъ. Ежели исполните намѣреніе, и устоите въ своихъ словахъ, ежели примите русскихъ въ свою обитель; то сія обитель будетъ счастлива: какъ она теперь въ униженіи, такъ послѣ будетъ славна и богата, и вы будете упокоены. Ежели азъ взойду въ вашу обитель, то дайте мнѣ мѣсто выстроить особенную русскую церковь во имя новоявленнаго Святит. Митрофана, Воронежскаго Чудотворца.» Греки съ любовію согласились, и показали ему мѣсто. Князь остался у нихъ погостить, и жилъ цѣлый мѣсяць, и въ тонкость разсмотрѣлъ ихъ жизнь; тогда сказалъ: «это—не чловѣки; еще азъ—не монахъ, но только—Богъ привелъ видѣть монаховъ.» И столько ихъ возлюбилъ, что не хотѣлъ съ ними разлучиться.

151. Греки ему предложили, чтобы по обычаю монашескому положилъ начало, и переходилъ совсѣмъ. Онъ съ радостію согласился. И положивши начало, поѣхалъ въ скитъ Іліи Пророка, и далъ всѣмъ русскимъ повѣстку: аще кто желаетъ въ русскій монастырь жить,—да приходитъ къ нему въ скитъ Іліи Пророка. И собралось къ нему желающихъ 25 чловѣкъ, больше изъ малороссіанъ, и духовникъ Прокопій, тоже изъ малороссіанъ. Въ этомъ случаѣ князь

много ошибся потому, что не посоветовался съ духовникомъ Арсеніемъ. Не зная — кто какого свойства и разума, набралъ много неблагонадежныхъ. Хотя послѣ и жалѣлъ, но уже поздно. Набравши братіи и облачившись въ священническую одежду, самъ князь и двое іеромонаховъ взяли икону Святит. Митрофана, и пошли пѣши, а братія за ними; и шли отъ самаго скита до русскаго монастыря, 20 верстъ. Егда шли мимо Карей, т. е. базару, — одинъ купецъ грекъ посмѣялся русскимъ, и Святит. Митрофану; но Господь его наказалъ. Стояли у него мѣхи съ масломъ деревяннымъ, и всѣ полопались, и масло потекло по улицѣ. Онъ же, видѣвши Божіе наказаніе, постигшее его, побѣжалъ, остановилъ князя съ иконою, и со слезами просилъ прощенія, и лобызалъ икону. Князь простилъ его. Прочіе, видѣвши такое чудо, начали лобызать икону. Потомъ пошли въ путь, и пришли въ русскій монастырь. И греки дали русскимъ церковь Іоанна Предтечи. Князь же, узнавши, что много земли монастырской находится въ чужихъ рукахъ, сказалъ грекамъ: «это я собираю и присоединю паки къ своему русскому монастырю, и обогащу сію обитель; ибо я имѣю знакомыхъ друзей, богатыхъ людей въ Петербургъ; самъ Императоръ довольно меня знаетъ.» Потомъ, князь познакомился съ духовникомъ Арсеніемъ и ученикомъ его, и, узнавши ихъ жизнь, весьма ихъ полюбилъ; подобный подобнаго и любить: ибо князь самъ былъ великій постникъ; не ѣлъ, ни рыбы, ни сыру, ни деревяннаго масла, не пилъ ни чаю, ни кофею, ни вина; только и пищи употреблялъ — теплую воду съ медомъ и хлѣбъ. И сталъ онъ звать духовника съ собою въ Іерусалимъ; и ду-

ховникъ Арсеній съ ученикомъ своимъ, схимонахомъ Николаемъ, согласились, и отправились въ Иерусалимъ. Князь русскую братію препоручилъ духовнику Прокопію. По отъѣздѣ князя, стало между братіей разстройство: русскіе—разный сбродъ, подъ началомъ жить не привычны, да и духовникъ такой-же. Русскіе грековъ уважать и слушать не стали, но всегда стали противорѣчить, еще къ тому-же и стращать, что монастырь—нашъ, русскій, а начальникъ у насъ—князь; мы васъ выгонимъ. Отчего греки, вся братія, смутились, и пошли повседневныя скорби и искушенія. И стала ихъ высокая общежительная жизнь разстроиваться. И стали говорить игумену Герасиму и старцу Венедикту, что мы съ русскими жить не можемъ, и богатства ихъ не хотимъ; лучше сухари съ водой будемъ ѣсть, да одни; русскіе разстроили всю нашу жизнь. Хотя игумень Герасимъ много ихъ уговаривалъ, внушая: когда князь пріѣдетъ изъ Иерусалима,—мы все устроимъ, грубіяновъ вышлемъ. Но старецъ Венедиктъ сталъ колебаться. Князь же въ Иерусалимъ получилъ Указъ изъ Святѣйшаго Синода ѣхать въ Аѳины въ посольство, въ придворную церковь. И тако пошло одно къ другому разстройство. Однако, князь пріѣхалъ въ Аѳонскую Гору узнать—какъ живутъ братія. По пріѣздѣ его, русскіе стали жаловаться на грековъ, а греки на русскихъ. Потомъ пришли греки къ нему на гостинницу. Старецъ Венедиктъ со старшими пали предъ нимъ на землю, и всѣ заплакали, начали просить прощенія, что не устояли въ своемъ словѣ. Князь же спросилъ ихъ: «стало-быть, вы не хотите, чтобы русскіе у васъ жили?»

152. Они сказали : «прости насъ, отче св.: не мо-

жемъ, и не хотимъ; не хотимъ вашего богатства : разстроили мы свою жизнь съ русскими.» Князь же, услышавши сіе, горько заплакалъ, и сказалъ: «жалко мнѣ этой св. обители—что много она претерпѣваетъ бѣдствія.» Потомъ всталъ и пошелъ въ церковь; надѣлъ на себя ризы, и испросилъ у всѣхъ прощенія. Греки нѣкоторые весьма плакали, а наипаче всѣхъ—игуменъ Герасимъ : ибо онъ зналъ, что, лишаясь русскихъ, лишается благъ душевныхъ и тѣлесныхъ, что вѣчно безъ русскихъ обитель будетъ бѣдствовать. Князь же со всѣми русскими пошелъ вонъ, и ничего съ собой не взялъ, кромѣ одной иконы Святит. Митрофана; а прочее все оставилъ въ русскомъ монастырѣ, ризницу и иконы, и церковные сосуды, и русскія книги. Хотя греки и предлагали все забрать, но онъ сказалъ : «Пусть все во св. русской обители останется для памяти. Когда ваки русскіе взойдутъ, тогда пригодится имъ.» И потомъ пошли въ скитъ, и пришли къ старому русскому монастырю; тамъ остановился князь, и отслужилъ надъ русскими костями панихиду. Пришедши въ скитъ Іліи Пророка, сказалъ всѣмъ русскимъ: «Идите, братія, кто куда знаетъ. Теперь я вамъ—не начальникъ; не умѣли жить въ монастырѣ: идите, странствуйте.» А духовнику Прокопію сдѣлалъ большой выговоръ, и отослалъ отъ себя, сказавъ: «тебѣ не духовникомъ быть, а пастухомъ.» Потомъ икону Святит. Митрофана и большую сумму денегъ препоручилъ скитскому духовнику, іеросхимонаху Павлу, и просилъ его возимѣть попеченіе о сооруженіи храма Святит. Митрофану. А самъ простился съ духовникомъ Арсеніемъ и прочими отцами, взялъ двухъ учениковъ, и отправился въ Аѳины. И по при-

бытія туда, не сталъ есть меду, а только хлѣбъ и воду. И пожилъ тамъ одинъ годъ, и скончался. Предъ смертію заповѣдалъ о своихъ костяхъ, чтобы перенести ихъ во св. Гору Аѳонскую, чтò исполнили послѣ, чрезъ два года, и положили въ скиту Іліи Пророка.

153. Грековъ русскаго монастыря болѣе побудили на изгнаніе князя греки прочихъ монастырей; потому что они предъусматривали, что ежели русскіе вселятся въ русскій монастырь, то у всѣхъ монастырей свою землю отберутъ, а наипаче—ежели будетъ жить князь. Греки Русска не могли понять сего; только одинъ игумень Герасимъ это все понималъ, но воля была не его, Хотя и русскіе были не правы, но можно бы ихъ смирить: только—однихъ надлежало худшихъ выгнать, а не всѣхъ. Егда же выгнали князя съ русскими,—напало на оставшихся грековъ уныніе и скорбь, и совершенно лишились тишины душевной и тѣлесной.

154. Наипаче дивно и плача достойно—что съ старцемъ Венедиктомъ, при старости, при послѣднихъ дняхъ жизни, случилось искушеніе и горькое паденіе, что во второмъ своемъ столѣтіи онъ сдѣлался лживымъ и гонителемъ; и о томъ плакалъ онъ день и ночь, и просилъ Господа Бога и Божию Матерь, чтобы возвратить русскихъ въ обитель; но уже не имѣлъ надежды—при своей жизни видѣть русскихъ въ обители: уже тогда было ему отъ роду 103 года; о томъ больше и плакалъ. Но было ему отъ Бога извѣщеніе, что не помретъ безъ русскихъ, а будутъ его отпѣвать и погребать русскіе. Отъ этого онъ нѣсколько утѣшился, и ожидалъ такого торжественнаго и многовождедѣннаго дня три года. Русскихъ было выгнать легко: сказали одно слово, и вышли; но

наки загнать—стало тяжело. Еще другое искушение постигло; или прямо сказать—жезлъ наказанія былъ отъ Бога посланъ на иноковъ Руссика. Вздумали они начать то дѣло, что говорилъ князь,—отобрать свою землю отъ одного монастыря; и подали прошеніе къ Патриарху; но за это возстала на нихъ вся Гора Аѳонская: потому что всѣ монастыри участвуютъ въ обладаніи русскаго монастыря землею, и всѣ напали на руссикскихъ грековъ: всѣ ихъ почитать стали виновными и бунтовщиками—что они князя русскаго безвинно выгнали, и тиранили русскихъ три года. А бѣдные греки руссикскіе не имѣли за себя никакой защиты противъ возставшихъ на нихъ своихъ братій, грековъ. Вступились за свое доброе, да сами же стали виноваты; даже со стороны было—глядѣть на нихъ, да плакать. И до того ихъ тиранили, что остальное хотѣли отобрать у нихъ по подворьямъ, а ихъ самихъ разослать по разнымъ мѣстамъ въ заточеніе, потому что за нихъ застойки никакой нѣтъ. Но только защитила ихъ бѣдныхъ Божія Матерьъ и св. Великомуч. Пантелеимонъ. Много они бѣдные претерпѣли, такъ что часто садились въ трапезѣ безъ хлѣба, съ одними бобами или съ гнилыми сухарями, и дожидались себѣ заточенія, еще и отъ Бога горшаго наказанія. Но видящи на себя изліянный фіалъ гнѣва Божія за изгнаніе неповиннаго князя, они вспомнили русскихъ: за великое ещастіе стали почитать — ежели русскій зайдетъ къ нимъ въ монастырь; и не имѣли надежды, чтобы русскіе братія къ нимъ пришли; и оплакивали свою горькую участь—что всѣхъ на свѣтѣ прогнѣвали: во-первыхъ, прогнѣвали Бога, во-вторыхъ, прогнѣвали русскихъ, и въ-третьихъ—своихъ

грековъ; только и просили милости отъ Господа Бога и отъ Божія Матери. И прежде былъ голъ и скуденъ монастырь, но хлѣба было довольно; а теперь уже до конца обнаженъ.

155. Въ 1837 году, пріѣхалъ во св. Аѳонскую Гору изъ Россіи, изъ Астрахани, Игуменъ Е., съ великою суммою денегъ, съ намѣреніемъ строить русскій монастырь. Русскіе греки, услышавши о томъ, пришли его просить къ себѣ. Старцы, украшенные сѣдинами, стояли предъ нимъ на колѣнахъ, и слезно просили его къ себѣ, и клятвами обязовались, говоря: «Будемъ вмѣстѣ вѣчно жить съ русскими, и возьми себѣ половину монастыря, а послѣ и весь вашъ будетъ; мы своимъ грекамъ его не оставимъ, потому что они насъ обидѣли по-напрасну, за наше-же доброе. Еще мы сами видимъ; что посланъ на насъ мечъ наказанія отъ Бога за неповинное изгнаніе князя. Теперь хотимъ сей грѣхъ загладить.» Но игуменъ русскій ихъ словъ не принялъ, выгналъ ихъ вонъ, и сказалъ: «какъ вы надъ княземъ надсмѣялись, такъ хотите и надо мной.» Они же рыдающе изыдоша. Сей игуменъ послѣ и самъ съ своими деньгами уѣхалъ изъ Аѳонской Горы: хотѣлъ—усильственно, чрезъ Султана и Патріарха, взять одинъ у грековъ монастырь изъ самыхъ великихъ, и сдѣлать русскимъ; но не удалось: греки перемогли. И дали бы съ любовію монастырь—только не изъ великихъ, ежели бы онъ со смиреніемъ поклонился и попросилъ аѳонскихъ отцевъ: но онъ хотѣлъ взять гордостію и властію; чрезъ сіе и самъ принужденъ былъ уѣхать.

156. Русскій монастырь уже два года не справлялъ и праздника св. Пантелеимону, потому что

было не чѣмъ успокоивать братію. Въ 1839 г., кое-какъ собрались почтить память св. Великомуч. Пантелеимона, и прокричали на Кареѣ, что просятъ отцы и братія Руссика къ себѣ на праздникъ св. Великомуч. Пантелеимона, ежели кому будетъ угодно. И сошлое много отцевъ, а наипаче старшихъ грековъ: прѣхали прощаться. Хотя праздновали весьма недостаточно по своей скудости; но братія руссикскіе съ любовію и расположеніемъ всѣхъ принимали, и угощали—чѣмъ были богаты; и всѣхъ они обратили на жалость, всѣ на нихъ со слезами смотрѣли. Послѣ трапезы всѣ значительные гости были приглашены на гостинницу, и тамо прощались. И гости надъ руссикскими греками смѣялись, и говорили: «вы русскихъ приняли, хотѣли быть богатыми, а послѣ и выгнали, надъ ними насмѣялись; теперь уже, кончено, вы больше русскихъ у себя во обители не увидите.» Старецъ же Венедиктъ вскочилъ со своего мѣста, и сталъ посреди всѣхъ, топнулъ ногою, и ударилъ жезломъ, и сказалъ: «видите мою старость: отъ роду я имѣю сто пять лѣтъ; но не умру безъ того, пока русскихъ не приму, а когда приму, тогда и помру!» Братія смѣялись, и говорили: «ты за-утро помрешь: а гдѣ у тебя русскіе?» Онъ же паки сказалъ: «Видите, каковъ я есмь: но истину вамъ говорю, что не умру безъ русскихъ: они меня похоронятъ; я вамъ говорю, что посажу русскихъ въ обители, и они ее обогатятъ и украсятъ, и вы всѣ будете завидовать ей. За симъ простите меня грѣшнаго, и васъ всѣхъ прощаю—кто насъ чѣмъ обидѣлъ; не вы насъ обидѣли, но грѣхи наши.» И такъ простившись, разошлись.

157. По выѣздѣ князя изъ Аѳона, постигла сквѣть

Или Пророка моровая язва, чума; и почти всё были ея жертвою. И самъ игумень Пареевій скончался, и остались немногіе, только шесть человекъ; изъ великороссіанъ—іеромонахъ и духовникъ Павелъ; изъ малороссіанъ—монахъ Савва. По согласію всѣхъ русскихъ аеоцскихъ отцевъ, избранъ былъ во игумена духовникъ Павелъ. И былъ посвященъ Епископомъ Панкратіемъ. Монахъ же Савва съ прочими малороссійскими взбунтовался: и много было въ скиту смущенія между великороссіанъ и малороссіанъ, и продолжалось почти два года. Отца Павла трижды становили игуменомъ, и паки смѣняли. А послѣ не только Павла выгнали, но всѣхъ великороссіанъ, которыхъ уже было собрано болѣе тридцати человекъ. Помогли малороссіанамъ и греки: они ямѣли неудовольствіе на великороссіанъ по причинѣ игумена, Астраханскаго Евгенія, который хотѣлъ у нихъ монастырь отнять. Павелъ же взялъ съ собою изъ скита икону Свят. Митрофана, и сталъ съ братіей проживать на Кареѣ, на квартирѣ. Теперь до конца Богъ смирилъ и великороссіанъ: остались безъ всякаго пріюта и пристанища, немущи—гдѣ главы поклонити во св. Горѣ Аеонской. Всѣхъ Господь смиряетъ, и приводитъ къ лучшему, и готовитъ двѣ великія радости грекамъ и русскимъ.

158. Пришло время грекамъ просить русскихъ, когда русскіе остались безъ всякаго пристанища, и сами стали искать себѣ мѣсто. Собрали въ Русскіѣ соборъ, и сдѣлали совѣтъ. И пошла просить Отца Павла со всею братією русскою къ себѣ въ монастырь. О. Павелъ согласился, и духовникъ Арсеній благословилъ. Въ 1839 году, ноября 21 дня, на Входъ во
15*

храмъ Божія Матери, взошли русскіе во свою русскую обитель, съ честію и славою, вси самыя чистыя великороссіане; и греки ихъ встрѣтили съ торжествомъ и радостію, о чемъ писано выше въ гл. 110. И была обоюдная радость грекамъ и русскимъ, а наипаче шестидѣльному старцу Венедикту. И онъ на гостиницѣ прочиталъ молитву: *нынѣ отпуцаеши раба Твоею*, и проч. И сказалъ проповѣдь и свое завѣщаніе, чтобы вѣчно жить русскимъ съ греками въ обители; простился со всѣми, и пошелъ во свою келлію, и больше его никто не видалъ: ибо готовился ко исходу, а въ сороковой день и скончался; и погребали его съ греками вмѣстѣ и русскіе. 23 ноября, освятили русскую церковь во имя Св. Митрофана, и были говорены разныя проповѣди въ пользу русскимъ. Черезъ восемь мѣсяцевъ скончался игумень Павелъ, и сотвори всѣмъ плачь великій, грекамъ и русскимъ. Потомъ, по желанію ихнему и по благословенію Божию, и по благословенію старца духовника Арсенія, взошли мы въ русскій монастырь со своимъ старцемъ монахомъ Іоанникіемъ. И рукоположилъ Митрополитъ Григорій отца нашего Іоанникія во іеродіакона, а потомъ во іеромонаха; и сдѣланъ былъ духовникомъ.

159. Въ 1841 году, въ январѣ мѣсяцѣ, освятили мѣсто, и заложили новый русскій соборъ во имя Св. Митрофана, въ сѣверовосточномъ углѣ Руссика. На Сырной недѣлѣ, въ послѣдній день, ходили погребать великаго старца схимонаха Николая, ученика духовнику Арсенію. На первой недѣлѣ Великаго поста, въ субботу, постригся въ великую схиму старецъ нашъ Іоанникій, и нареченъ бысть въ схимѣ Іеронимомъ, и было въ трапезѣ всліе утѣшеніе. И мы радовались,

что привелъ Богъ намъ видѣть своего старца іеромонахомъ, и духовникомъ и схимникомъ. И препровождали св. Четырдесятницу въ тишинѣ и безмолвіи. Каждую седмицу дважды причащались Св. Таинъ.

160. На пятой недѣлѣ поста, призвалъ меня духовникъ къ себѣ, и сказалъ, что о. игумену и ему расположилось меня постричь въ великій образъ ангельскій. Азъ же ему отвѣтилъ: «я, отче св., отъ юности желаю того великаго образа; но, только, теперь погожу, потому что мало жилъ въ семь монастырѣ: боюсь, дабы не положили послушанія сверхъ моихъ силъ.» Онъ же паки сказалъ: «ты своего разсужденія не имѣй, а твори послушаніе; на это есть воля Божія; другіе просятъ, да не постригаютъ; а тебя самъ игумень желаетъ.» Азъ же падохъ ему на нозѣ, и сказалъ: «буди воля Господня и ваша; только, безъ благословенія своего старца и духовника Арсенія не могу сотворить.» Онъ послалъ меня къ духовнику. Азъ пошелъ, и сказалъ ему вся. Духовникъ Арсеній съ любовію меня благословилъ принять великій образъ отъ игумена іеросхимонаха Герасима. Пришедши въ монастырь, я повѣдалъ духовнику Іерониму; онъ радъ былъ, и пошли ко игумену. Игумень приказалъ готовиться. И постригли меня многогрѣшнаго въ великій ангельскій образъ на пятой недѣлѣ поста за преждеосвященной Литургіей, и нареченъ *Паревій*. Духовникъ Іеронимъ постригалъ, а игумень Герасимъ подводилъ. И всю седмицу каждый день причащался Св. Таинъ Тѣла и Крови Христовой. О, какой я исполнился неизреченной радости, яко сподобился принять великій иноческій образъ въ жребіи Царицы Небесной, въ св. Горѣ Аѳонской, и въ великой цар-

ской русской обители св. Великомуч. Пантелеимона, и яко сподобился быть сыномъ общежительной русской св. обители!

161. Радовался я, что сподобился во св. Горѣ Аѳонской имѣть себѣ трехъ пастырей старцевъ, отцевъ и покровителей, великихъ и славныхъ, украшенныхъ всѣми иноческими добродѣтелями: перваго—моего отца и старца іеросхимонаха и духовника Арсенія, постника и пустынножителя, которому препоручилъ свое тѣло и душу; втораго—іеросхимонаха и духовника Иеронима; и третяго—блаженнаго моего старца, русскаго общежительнаго монастыря игумена, іеросхимонаха Герасима. И благодарилъ Господа Бога, Царя моего Небеснаго, и Пречистую Его Матерь, Дѣву Марію, за Ихъ неизреченныя милости, изліяныя на мя недостойнаго,—что всѣ мои желанія и прошенія исполнялъ, еще и съ превзишествомъ! Я просилъ и желалъ—хотя одного старца искуснаго имѣть: Они мнѣ дали трехъ. Просилъ и желалъ для прожитія имѣть хотя маленькую колибочку: Они меня посадили въ великій царскій монастырь. Желалъ хотя въ малый образъ постричься: Они меня многогрѣшнаго сподобили принять великій ангельскій образъ. Только, еще просилъ мою Владычицу, да сподобить меня препроводить остальные дни моей краткой жизни и скончать животъ свой во св. Горѣ Аѳонской, да и по смерти моей сподобить мя вѣчнаго блаженства съ преподобными отцами аѳонскими. И тако азъ жилъ радуясь и веселясь, и о всемъ благодаря Бога.

162. Но не долго я радовался и веселился. Всегда

послѣ радости ожидай скорби и печали. Видно, Царь Небесный не хочетъ, чтобы мы радовались, живя въ сей маловременной жизни; поистинѣ—*многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе*. Дѣян. 14, 22. Погостилъ я у Царицы Небесной полтора годочка, и показались мнѣ за полтора денёчка. Въ полтора года, каждый день, моя радость умножалась. Но когда моя радость преисполнилась, и мѣсто жительства моего совершенно укрѣпилось, егда радостная весна наступила, и красное солнце возсіяло: тогда вдругъ нашла туча темная, откуда я не чаялъ; ударилъ сильный громъ, и мало что до смерти не убилъ меня.

Пришла Суббота—Лазарево воскресеніе: всѣ мы были причастники Тѣла и Крови Христовой. По Литургіи была изобильная трапеза. По трапезѣ ударили въ доску на послушаніе: всѣ братія сошлись на паперть къ Успенской церкви вязать ваія къ Вербному. Во св. Горѣ Аѳонской связываютъ три древа во-едино: масличное, финиковое и лавровое; и я сталъ вязать. Вдругъ присылаетъ за мной духовникъ Іеронимъ, чтобы скорѣе шель къ нему. Азъ всталъ и пошелъ, и ввидохъ къ нему въ келлію, и увидалъ его въ лицѣ измѣнившася. Азъ же ужаснулся, и взявъ у него благословеніе, спросилъ: «за чѣмъ вы, отче св., меня требовали?» Онъ же со слезами на глазахъ, сказалъ мнѣ: «отче Парѳеніе! есть тебе послушаніе.» Азъ ему сказалъ: «чтò благословите?» Но онъ промолчалъ: зная мое расположеніе къ св. Горѣ Аѳонской, боялся мнѣ объявить. Азъ же ему пакъ сказалъ: «отче, благослови: я пойду на послушаніе; тамъ отцы работаютъ.» Онъ же: «ты уже отра-

ботался.» Азь ему сказалъ: «вы, отче, мнѣ объявите, что вы хотите дѣлать со мною.»

163. Тогда онъ началъ мнѣ говорить: «Теперь надобно уже сказать. Такое тебѣ, отче Паревіе, послушаніе: мы основали русскую церковь Св. Митрофана; а монастырь нашъ—небогатый: строить не чѣмъ; братія больше ста человѣкъ, а денегъ нѣтъ ничего; еще и должны болѣе ста тысячъ. Требуется послать въ Россію для сбора, а кромѣ тебя некого; надобно потрудиться тебѣ—сѣздить.» Я, слышавши сіе, не могъ терпѣть, заплакалъ и упалъ, и началъ говорить: «За тѣмъ ли вы меня постригли въ великій образъ, да разлучите меня съ св. Горой Аѳонской, пошлете меня въ міръ, наполненный соблазнами, отторгнете отъ тихаго пристанища св. Горы Аѳонской, и ринете во многоволнистое и страшное море житія мірскаго? И не налагайте отче св., выше естества моего мнѣ послушаніе: не только я не могу разлучиться съ св. Горюю, а еще больше: вы меня во обители своей не увидите; пойду и скроюсь въ чащѣ и непроходимой пустынѣ аѳонской, и тамо скончаю животъ свой.»

164. Духовникъ горько заплакалъ, и взялъ меня во свои объятія, и сталъ меня уговаривать такъ: «Послушаніе выше всѣхъ добродѣтелей; а безъ благословенія и въ пустынѣ погибнешь. Еще есть тебѣ благословная вина отлучиться на время отъ св. Горы Аѳонской. Я бы тебя и самъ не послалъ, зная твое расположеніе къ св. Горѣ. Ты давно скорбѣлъ и соболѣзновалъ о своихъ родителяхъ, что они пребываютъ въ расколѣ и внѣ Св. Соб. Ап. Христ. Церкви: необходимо нужно тебѣ къ нимъ побывать, и ихъ

уговорить, и присоединить ко Христовой Церкви. Намъ родители кромѣ Бога всего дороже: они насъ родили и воспитали, и имѣли о насъ попеченіе; потому и намъ надобно имѣть о нихъ попеченіе, а кольми паче—о ихъ душахъ. А хотя мы ихъ и оставили Бога ради, то мы возлюбили Господа своего паче родителей, какъ самъ Спаситель сказалъ: *уже любитъ отца или мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ.* Матѣ. 10, 37. И мы оставили не родителей, но суетный міръ съ прелестями; и пошли—за себя и за родителей—безъ всякихъ препятствій отъ міра поработать Господеву своему. И всѣ наши труды и подвиги и молитвы идутъ въ половину за родителей: потому что они насъ родили и воспитали, и до-днесь о насъ соболѣзнуютъ. Теперь пришло время тебѣ къ нимъ побывать, а отъ нихъ побывай въ Россіи.» И симъ нѣсколько меня утѣшилъ. Азъ же, видѣхъ его намѣреніе неотложнымъ, вышелъ отъ него, и пришелъ въ келлію свою, палъ на землю, и много плакалъ.

165. И просилъ Господа моего и Божию Матерь, да не отпустятъ меня изъ св. Горы Аѳонской; лучше да возьмутъ меня отъ міра сего, и прекратятъ дни мои, или да пошлютъ на меня тѣлесную болѣзнь, только дабы я не видѣлъ дня того, когда буду разлучаться со св. Горой Аѳонской; а родителей моихъ какъ самъ Богъ знаетъ, тако да спасетъ; и до того плакалъ, что не могъ востать. Узнавши сіе, духовникъ Иеронимъ пришелъ ко мнѣ въ келлію, и меня утѣшалъ и уговаривалъ. Я же ему сказалъ: «отче св., аще хоцещи меня утѣшить и видѣть не плачущимъ, то обѣщайся меня никогда не разлучать со св. Горой Аѳонской.» Онъ же сказалъ: «это невозможно.»

Азъ же ему сказалъ: «Аще сіе не можно, то оставь меня плакать и рыдать, сколько я хочу. О моего окланства! Видно, азъ единъ паче всѣхъ человѣкъ грѣшнѣе, что хотите вы меня разлучить съ сямъ земнымъ раемъ, со св. Горой Аѳонской, и хотите меня удалить отъ своего лицезрѣнія, которое для меня лучше всего, и хотите меня разлучить съ духовнымъ братствомъ, съ земными этими ангелами, и хотите меня послать въ міръ, всѣми суетами и соблазнами наполненный? Каково мнѣ—въ монашескомъ образѣ быть между мірянами, да еще и женами, подобно мертвецу между живыми, и странствовать по мірскимъ домамъ? Каково мнѣ быть въ родительскомъ домѣ, и вспомнить прежнее свое мірское житіе, которое было позабылъ? Или я васъ чѣмъ оскорбилъ паче всѣхъ? Лучше изгоните меня изъ обители, и буду странствовать какъ прочіе, по-крайней-мѣрѣ, въ пустынь, и буду имѣть утѣшеніемъ св. Гору Аѳонскую, и буду хотя изрѣдка ваше лице видѣть, и слышать ваше наставленіе. Вы знаете—какъ я къ вамъ привязанъ духомъ и любовію, и никогда не думалъ я отъ васъ разлучиться, кромѣ смерти.» Онъ же заплакалъ, и ушелъ во свою келлію; азъ же безпрестанно рыдалъ, и многое говорилъ въ утѣшеніе себѣ, дабы мнѣ больше плакати. Пришли братія, и много меня уговаривали, и утѣшали.

166. На Недѣлю Ваій было всенощное торжественное бдѣніе, продолжалось четырнадцать часовъ. Азъ же не могъ ни читать ни пѣть, но все плакалъ въ горести сердца моего. Во вторникъ на Страстной седмицѣ праздновали Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, и причащались всѣ Св. Таинъ. И всю се-

дмицу Страстную были всенощныя стоянія, Въ великій четвертокъ было освященіе елея, и всѣ братія соборовались масломъ, и паки всѣ причащались Св. Тайнъ. Подъ великій пятокъ было всенощное стояніе. Въ пятокъ же почти весь день не выходили изъ церкви. Часы продолжались весьма медленно: стихиры всѣ пѣли на-роspѣвъ, съ канонархомъ, по нотамъ; на каждомъ часѣ читали продолжительное поученіе. А на вечерни, по Евангеліи, егда начали пѣть стиховны *«егда отъ древа Тя снемъ»*, тогда выносили торжественно плащаницу на средину церкви: сначала обнесли кругомъ престола трижды, и положили, и читали два надгробныя слова; на повечеріи канонъ на плачь Пресвятыя Богородицы пѣли съ канонархомъ, и братія прикладывались всѣ ко плащаницѣ. Подъ субботу было всенощное стояніе; многія читали слова. По славословіи носили плащаницу кругомъ собора; были четыре ектеніи. Послѣ вечерни, на Литургіи были всѣ причастниками Св. Тайнъ.

167. Въ Пасху была торжественная утренняя, также и Литургія; всю Литургію стояли со свѣщами, и были всѣ причастниками Св. Тайнъ. Въ трапезу шли всѣ со свѣщами; и трапеза была торжественная и пзобильная. На Пасхѣ вечерню съ самаго начала всѣ стояли со свѣщами. Евангеліе читали всѣмъ соборомъ на 10 языкахъ. По вечерни, у игумена было всѣмъ угощеніе.—Но эти торжества и радости не могли развеселить мое сердце печальное. Вся братія радовались, всѣ веселились; одинъ я плакалъ; что долженъ разлучиться со многовождедѣнной мнѣ св. Горой Аеоиской, съ возлюбленною моею матерью, св. моею обителию, долженъ разлучиться отъ Богомъ собраннаго

моего братства. На Пасхѣ въ понедѣльникъ, послѣ утрени, былъ крестный ходъ по келліямъ и по селамъ, верстѣ пятнадцать. Послѣ была Литургія. Послѣ объѣда пошелъ я въ Иверскій монастырь повидать своего старца и духовника, о. Арсенія, и испросить отъ него совѣта.

168. Въ Иверскомъ монастырѣ было всенощное бдѣніе. Послѣ былъ крестный ходъ, и носили Иверскую чудотворную икону Богородицы. Потомъ, увидавши своего старца духовника Арсенія, сталъ ему говорить, что хошутъ меня, разлучить съ св. Горой Аѳонской, и посылаютъ въ Россію для сбора. Онъ же сказалъ мнѣ: «что дѣлать? послушаніе надобно исполнять; только едва ли будетъ сборъ; но впрочемъ съѣзди.» Я же заплакалъ, и сказалъ ему: «отче св., я надѣялся на тебя, что ты меня удержишь.» Онъ же паки мнѣ рече: «что дѣлать? надобно творить послушаніе.» Азъ же съ плачемъ съ нимъ распростился. Пришелъ въ монастырь, и сталъ съ великою скорбію собираться въ дальній путь.

169. На Ѳоминой седмицѣ, во вторникъ, стали отправляться на корабль. И ударили въ колоколъ, и собрались все братія въ соборъ. Вынесли главу св. Великомуч. Пантелеимона, отпѣли молебень, и стали прикладываться къ мощамъ и св. иконамъ. Игумень и духовникъ стали насъ благословлять. И сдѣялся со мной ударъ: не могъ я больше вынести скорби, что прощаюсь со св. Горой Аѳонской, прощаюсь съ возлюбленными моими отцами и съ братією, прощаюсь съ моею дражайшею матерью, св. обителію. Вывели меня подъ руки игумень и духовникъ, и со слезами меня уговаривали; и пришли къ морю, стали

садиться въ лодку. И я у всѣхъ св. отцевъ монахъ и братій лобызалъ руки и ноги, и потомъ сѣли въ лодку; и азъ со всею братіею простился, и просилъ ихъ св. молитвъ.

170. Потомъ поѣхали на корабль; и много я плакалъ и прощался. «Прости св. Гора Аѳонская, Богородичень св. доме, со всѣми своими прекрасными пустынями! И ты прости, возлюбленная моя мати, св. моя обитель русская, породившая меня совершеннымъ монашествомъ! Прости меня и св. Великомуч. Пантелеимонъ со Святит. Митрофаномъ! Вы будьте мнѣ хранители и поспѣшники! Прости возлюбленный мой духовный отче Арсеній! Не увижу я больше твоихъ святоѳпныхъ сѣдинъ и равноангельнаго пресвѣтлаго твоего лица. И вы простите вси, св. отцы и братія и пустынножители! Уже не увижу вашихъ постныхъ лицъ, не услышу больше вашихъ душеполезныхъ наставленій; уже не буду ходить по вашимъ пустыннымъ дорожкамъ. О, лучше бы мнѣ было, ежели бы я не приходилъ въ тебя, св. Гора Аѳонская! Лучше бы мнѣ было, ежели бы я тебя не видалъ! Не терпѣлъ бы я такой горести. Думалъ ли я, что буду въ животѣ моемъ разлучаться съ тобою, св. Гора Аѳонская? Бывало, когда во снѣ увидишь, что внѣ тебя нахожусь, и то весь день находишься въ скорби и уныніи; а теперь уже не во снѣ, но явѣ отъ тебя разлучаюсь. Охъ, увы мнѣ паче всѣхъ окаяннѣйшему! Сколько тысячъ монаховъ живутъ въ тебѣ, св. Гора, и всѣ пребываютъ въ спокойствіи! Только одного меня изгнала! Знать, я паче всѣхъ грѣшнѣе? О, кто бы мнѣ теперь далъ источники слезъ: плакалъ бы азъ день и ночь, и рыдалъ бы я о множествѣ грѣховъ моихъ!

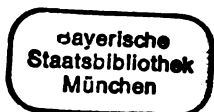
Еще восплачу, еще возрыдаю, еще возглаголю къ самой Госпожѣ и Назирательницѣ Горы Аѳонскія, ко Пречистой Владычицѣ, Дѣвѣ Богородицѣ Маріи. О Владычице, благодарю за Твои неизреченныя милости и благодѣянія! Съ какою Ты милостию меня приняла во Своей св. жребіи, во св. Гору Аѳонскую! Какъ Ты меня привѣтствовала! О Владычице, какиѣмъ великимъ старцамъ опредѣлила меня подъ руководство! О Владычице, какими Ты меня упокоила мѣстами! Сперва дала мѣсто—уединенную пустыню, колыбочку; и жилъ я какъ въ раю, единъ со единымъ Богомъ, и довольствовался всѣми тѣлесными потребамъ; потомъ опредѣлила мѣсто лучше прежняго, въ богатую келлію, къ духовному отцу и братіи; еще о Владычице, ввела насъ и посадила въ великую царскую обитель, ко многому братству, и совершенно насъ упокоила. Наконецъ, Владычице, сподобила меня постричься въ великій иноческій ангельскій образъ. А послѣ всѣхъ Своихъ милостей и благодѣяній, о Владычице, какъ жестоко меня наказала, что вдругъ меня всего лишила, и отъ всего отлучила! Или азъ паче всѣхъ согрѣшихъ предъ Тобою, Владычице? Или азъ паче всѣхъ прогнѣвалъ Твое благоутробіе? Но аще и согрѣшихъ предъ Тобою, и прогнѣвахъ Тя, Владычице, моими великими грѣхами: то почто меня не наказала во св. Горѣ Аѳонской, почто не послала на меня великой скорби и тяжелой болѣзни? Егда проживалъ во св. Горѣ Аѳонской: всякими утѣхами меня утѣшала, и ни единыя скорби и болѣзни на мя не посылала; но вдругъ меня отлучила, чего я не ожидалъ, ниже когда помышлялъ. Видно, Владычице, несодѣянное мое видѣста очи Твои. Видно, Ты, Влады-

чище, знала, что у Тебя въ гостяхъ гощу? За то Ты меня паче прочихъ любила, и всѣ Своя милости на мя изліяла, и ни единой скорби на мя не посылала, но только угощала и утѣшала, и упокоюла всякимъ упокоеніемъ тѣлеснымъ и душевнымъ. О Владычице! какво мнѣ теперь быть, всего того утѣшенія и упокоенія лишенному, еще отъ св. Горы Аѳонской отлученному? О Владычице! не до конца на меня прогнѣвайся, ниже во вѣкъ наказывай меня; но паки возврати мя здрава; паки приведи мя въ сіе тихое и небурное пристанище! Сіе меня утѣшаетъ, сіе меня подкрѣпляетъ, что не вовсе отлучаюсь отъ св. Горы Аѳонской, но аще продлятся дни мои,—паки возвращусь, какъ голубица къ Ноеву ковчегу, и азъ во свою св. обитель! Мой же товарищъ много меня уговаривалъ. А посланъ былъ со мною другой монахъ, младый, родомъ болгаринъ, знающій говорить по-гречески и по-турецки. И тако отцы наши проводили насъ съ честію, и пріѣхали на корабль; и азъ устремилъ свои очи на свою св. обитель, и прощался, и обливался горькими слезами, что уже я разлучился съ ней, и Богъ знаетъ—буду ли живъ или нѣтъ, возвращусь ли, или нѣтъ. Буди во всемъ воля Божія!

На семъ мѣстѣ оканчиваю часть сію. Кто хочетъ узнать мое путешествіе изъ св. Горы, да прочтетъ слѣдующую часть. Аминь. Богу нашему слава.

Сія часть написаніемъ окончена
1848 г., августа 1 дня.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ПОГРЪШНОСТИ

во 2-й части.

<i>Стр.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано :</i>	<i>Должно быть :</i>
12	спил. 7	человѣка	человѣча
41	— 12	зач. 31.	зач. 31.
117	свер. 2	Потомъ воротился въ свить	<i>напечатано измине.</i>
174	8	воста	востаи
186	10	все трое	всѣ трое

